

491.71(075)
У-945

РОДНОЕ СЛОВО

ДЛЯ

ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ВТОРАЯ ПОСЛѢ АЗБУКИ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

СЪ КАРТИНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

Цѣна 35 коп.

Издание девяносто четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

491.71(075)
У-945

РОДНОЕ СЛОВО

ДЛЯ

ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ВТОРАЯ ПОСЛѢ АЗБУКИ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

СЪ КАРТИНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

Цѣна 35 коп.

Издание девяносто четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

Ред 491.71(075)
У-945

РОДНОЕ СЛОВО

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ I.

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО.

ВЪ ШКОЛѢ И ДОМА.

Въ школѣ.

Братъ пришёлъ домой изъ школы.

„Что у васъ тамъ дѣлается?“ спросила его маленькая сестра.

И братъ разсказалъ сестрѣ всё, что дѣлается въ школѣ:

Учитель сидитъ на стулѣ, за столомъ. Ученики сидятъ на скамейкахъ. Возлѣ учителя стоитъ большая классная доска. На классной доскѣ пишутъ мѣломъ. Передъ учениками лежатъ грифельныя доски. На грифельныхъ доскахъ пишутъ грифелемъ. Учитель учитъ. Ученики учатся. Учитель спрашиваетъ; ученики отвѣчаютъ. Одни ученики пишутъ, другіе читаютъ, третьи рисуютъ.

То ли дѣлается въ вашей школѣ? Разскажите.

ГОС. НАУЧНАЯ
БИБЛИОТ.
ПО НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

810673

чр 2011

За грамотнаго двухъ неграмотныхъ даютъ, да и то не берутъ.

Всё гули да гули—анъ въ лапти и обули.

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Дѣтскіе очки.

Говоритъ мальчикъ отцу: „купи мнѣ, тятя, очки; я хочу по твоему книги читать“.

— Хорошо, отвечалъ отецъ,—я куплю тебѣ очки, только дѣтскія—и купилъ мальчику азбуку.

По складамъ—такъ не грамотей.

Эко диво! поглядишь—чистѣхонько, погладишь—гладѣхонько; а станешь читать—вездѣ задѣвается.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашёлъ жемчужное зерно и говоритъ: „Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнять? А я бы, правс, былъ гораздо болѣ радъ зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно“.

Приглашеніе въ школу.

Дѣти, въ школу собирайтесь! Пѣтушокъ пропѣлъ давно. Попроворнѣй одѣвайтесь! Смотрить солнышко въ окно.

Человѣкъ, и звѣрь, и пташка—всѣ берется за дѣла; съ ношей тащится букашка; за медкомъ летитъ пчела.

Ясно поле, весель лугъ; лѣсъ проснулся и шумитъ; дятель носомъ: тукъ да тукъ! звонко иволга кричитъ.

Рыбаки ужъ тащутъ сѣти; на лугу коса звенить... Помолясь, за книгу, дѣти! Богъ лѣниться не велитъ.

Утренніе лучи.

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылатъ повсюду свои золотые лучи—будить землю

Первый лучь полетѣль и попалъ на жаворонка. Встрепенулся жаворонокъ, выпорхнулъ изъ гнѣздышка, поднялся высоко, высоко и запѣлъ свою серебряную пѣсенку: „Ахъ, какъ хорошо въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ! какъ хорошо! какъ привольно!“

Второй лучь попалъ на зайчика. Передѣрнулъ ушами зайчикъ и весело запрыгалъ по росистому лугу: побѣждалъ онъ добывать себѣ сочной травки на завтракъ.

Третий лучь попалъ въ курятникъ. Пѣтухъ захлопалъ крыльями и запѣлъ: ку-ку-ре-ку! Куры слетѣли съ нашествей, закудахтали, стали разгребать соръ и червяковъ искать.

Четвертый лучь попалъ въ улей. Выползла пчѣлка изъ восковой кельи, сѣла на окошечко, расправила крылья и—зумъ-зумъ-зумъ! полетѣла собирать медокъ съ душистыхъ цвѣтовъ.

Пятый лучь попалъ въ дѣтскую, на постельку къ маленькому лѣнтяю: рѣжетъ ему прямо въ глаза, а онъ повернулся на другой бокъ и опять заснулъ.

Всякой вещи свое мѣсто.

Сережа, какъ проснется, такъ и начнетъ свои вещи разыскивать: одинъ чулокъ у него на стуль, другой подъ столомъ; одинъ сапогъ подъ кроватью, а другого и въ комнатѣ нѣтъ. Возится Сережа каждое утро, возится... и опоздаетъ въ классъ.

Классная доска.

Классная доска сдѣлана столяромъ изъ дерева и выкрашена чѣрной краскою. Она имѣетъ четырехугольную форму, стоитъ на раздвижныхъ ножкахъ или виситъ на стѣнѣ. Классная доска всегда остается въ классѣ. На ней пишутъ мѣломъ.

Такая ли ваша классная доска? Сравните.

Грифельная доска.

Грифельная доска высѣчена каменщиками изъ шифернаго камня; а столяръ обдѣлалъ камень въ деревянную рамку. Грифельныя доски лежатъ на скамьяхъ передъ учениками. Ученики носятъ свои доски домой. На грифельной доскѣ пишутъ грифелемъ.

Такая ли ваша грифельная доска? Сравните грифельную доску съ классною.

Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому.

„Гришенька! одолжи мнѣ на минутку карандаша“; а Гриша въ отвѣтъ:—„носи свой; мнѣ мой самому нуженъ“.

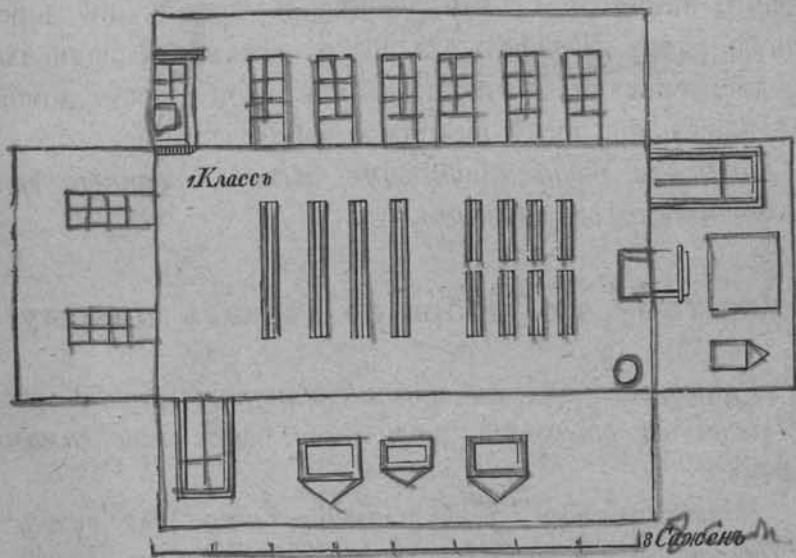
„Гриша! помоги мнѣ уложить книги въ сумку“; а Гриша въ отвѣтъ:—„книги твои; самъ ихъ и укладывай“.

Любили-ли Гришу товарищи?

Нашъ классъ.

Нашъ классъ помещается въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ есть полъ, потолокъ и четыре стѣны: двѣ покороче и двѣ подлиннѣе. потолокъ выштукатуренъ; полъ выкрашенъ жёлтою краскою; стѣны обиты синими обоями. Въ стѣнахъ продѣланы двери и окна: въ окна проходить свѣтъ, а въ двери входятъ люди. Въ одномъ углу комнаты виситъ образъ, въ другомъ — стоитъ круглая печка, въ третьемъ — шкафъ для учебныхъ вещей, а въ четвертомъ — классная доска. Посреди комнаты скамейки для учениковъ. Передъ скамейками — столъ и стулъ для учителя.

Планъ класса.

Таковъ ли вашъ классъ? Сравните. Начертите планъ вашего класса.

Красна птица перьемъ: человекъ ученьемъ. — Не учась, и лаптя не сплетишь. — Одной пчелкѣ Богъ сроду открылъ науку. — Наука не пиво: въ ротъ не волеши.

Кончилъ дѣло — гуляй смѣло.

За уроками давно у окна дитя сидитъ, и давно уже въ окно солнце мальчика манитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то солнцу въ отвѣтъ: „Нѣтъ, ясное солнышко, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ“.

Мальчикъ пишетъ и читаетъ; а на вѣткѣ, за окномъ, птичка громко распѣваетъ, и поётъ всё объ одномъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то птичкѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, милая пташечка, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ“.

Мальчикъ всё сидитъ за книгой и въ окно ужъ не глядитъ; а ему давно изъ сада вишня красная твердитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то вишнѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, красная вишенька, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ“.

Кончилъ мальчикъ! въ шляпѣ дѣло! книги въ столикъ положилъ; прыгнулъ въ садъ и крикнулъ смѣло:

„Ну-ка, кто меня манилъ?“ Ему солнышко смѣется; ему пташечка поётъ; ему вишенка, краснѣя, свои вѣтки подаётъ.

Дома.

„А гдѣ же лучше“, спрашиваетъ сестра брата: „дома или въ школѣ?“

— Не дурно и въ школѣ, отвѣчаетъ братъ:— а дома всё же лучше. Дома отецъ и мать, братья и сѣстры. Отецъ работаетъ, мать хозяйничаетъ, кухарка стряпаетъ, а дѣти учатся или играютъ. Дома мнѣ всё знакомо: и столы, и стулья, и шкапы. Я бѣгаю по всѣмъ комнатамъ. Загляну и въ кабинетъ къ папашѣ, и въ спальню къ мамашѣ, и въ залу, и въ гостиную, и въ кухню, гдѣ передъ обѣдомъ такъ приятно пахнетъ, и въ кладовую, гдѣ на полкахъ много хорошихъ вещей. Дома утромъ мы завтракаемъ, въ полдень обѣдаемъ, вечеромъ ужинаемъ, а ночью спимъ сладко въ нашихъ кроваткахъ.

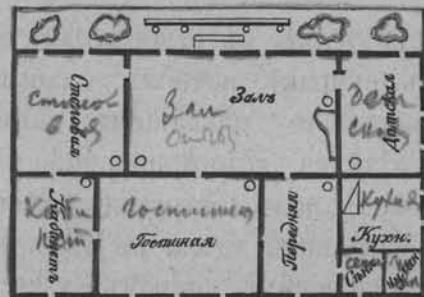
Что вы дѣлаете дома? Расскажите и сравните.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.— На свѣтъ все същещь, кромь отца и матери.— Дитя хотъ криво, да отцу, матери мило.

Каковъ нашъ домъ.

У насъ домъ небольшой, деревянный, на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышею. Нашъ домъ въ одинъ этажъ и въ немъ всего семь комнатъ: гостиная, столовая, спальня, кабинетъ, дѣтская, передняя и кухня. Возлѣ кухни маленькая кладовая. Внизу, подъ домомъ, есть у насъ погребъ, гдѣ сберегаются зимою плоды и овощи. На верху дома, подъ крышею, чердакъ; тамъ я видѣлъ печныя трубы. На чердакѣ сушатъ бѣлье.

Планъ дома.

Таковъ ли вашъ домъ? Расскажите и сравните?

И з б а.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ съвозъ узоры
Мёрзлаго окна.

Вечеръ зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
 Улеглася мать;
 Дѣти по немногу
 Стали засыпать.
 Только, за работой,
 Молодая дочь
 Борется съ дремотой
 Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
 Передъ ней горитъ.
 Всѣ въ избушкѣ бѣдной
 Тишиной томить;
 Лишь стучитъ докучно
 Болтовня одна
 Прялки однозвучной
 Да веретена.

Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтлѣкѣ, съ створчатымъ окномъ, свѣтится лампада въ сумракѣ ночномъ: слабый огонёчекъ то совсѣмъ замрётъ, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольётъ. Новая свѣтёлка чисто прибрана: въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна; полъ оструганъ гладко, ровень потолокъ, печка развальная стала въ уголокъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ; узкая скамейка, крытая ковромъ; крашенныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

Сила не право.

Прибѣжалъ Митя въ садъ, выхватилъ у своей маленькой сестры, Тани, куклу и поскакалъ съ куклою по саду, верхомъ на палочкѣ. Таня стояла и плакала.

Выбѣжалъ изъ дому старшій братъ Мити, Серёжа. Серёжѣ показалось весело возить куклу по саду, и онъ отнял у Мити куклу и лошадь.

Митя побѣжалъ жаловаться отцу; а отецъ сидѣлъ у окна и всё видѣлъ.

Что сказалъ Митѣ отецъ?

Какъ строить дома.

1.

Деревянные дома строятъ плотники изъ брёвенъ. Каменные дома кладутъ каменщики изъ кирпичей и изъ тѣсаннаго камня. Прежде всего кладутъ фундаментъ. На фундаментѣ выводятъ стѣны. Въ стѣнахъ оставляютъ отверстія для дверей и оконъ. Когда стѣны выведены, то кладутъ на нихъ балки; въ балки укрѣпляютъ стропила; на стропилахъ стелютъ крышу. Крыши бываютъ покатыя, чтобъ дождь на нихъ не задерживался. Крыши дѣлаются изъ желѣза, или изъ тѣса, или изъ соломы. Гдѣ вы видѣли соломенные крыши?

2.

Снаружи домъ готовъ; но внутри его ещё работы много. Надобно настлать полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навѣсить двери, вставить окна. Стѣны обиваютъ обоями. Когда домъ готовъ, вносятъ

въ него иконы, мебель, посуду; зовутъ священника, служатъ молебень, и тогда начинаютъ въ домѣ жить да поживать, да добра наживать...

Разскажите по порядку, какъ строятъ домъ?

Тепло въ избѣ, какъ самъ Богъ живетъ.—Своя хатка—родная матка.—Дворъ кольцомъ, три жердины концы съ концомъ, три кола вбито, три хворостины завито, небомъ покрыто, свѣтомъ обгорожено.

ЗАГАДКИ: 1) Стоитъ бычище, проклеваны божища.— 2) Что ни гость, то постелька.— 3) Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ.— 4) По снямъ и такъ, и сакъ; а въ избу никакъ.— 5) Зимой все жретъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло тепло, а крови нѣтъ.— 6) Спрое сукно тянется въ окно.— 7) Стоитъ теремъ, въ теремъ ящикъ, въ ящикъ мучка, въ мучкѣ жуучка.

Наша семья.

Наша семья не мала. Есть у меня отецъ и мать, двое братьевъ и двѣ сестры; я—самый старшій. Есть у насъ ещё старушка-бабушка: она ужъ изъ дому выходитъ рѣдко, только въ церковь; очень насъ любить и балуетъ.

Отецъ мой много трудится: его трудами кормится

и одѣвается вся семья. „Что бы мы безъ него дѣлали?“ говоритъ намъ часто мамаша.

Мамаша хозяйничаетъ: она заказываетъ обѣдъ и ужинъ, ходитъ въ погребъ и кладовую. Ужъ какъ я люблю съ ней въ кладовую ходить! Цѣлый день мамаша о насъ хлопочетъ. Она шьётъ дѣвочкамъ платьица, а мальчикамъ—рубашки. Она учитъ насъ молиться, и всякаго-то перекрестить, когда уложить насъ въ постельки.

Была ещё у меня маленькая сестрица, да её снесли на кладбище, положили подъ зелёный холмикъ. Мамаша до сихъ поръ плачетъ о маленькой Лизѣ.

Изъ кого состоитъ ваша семья? Сравните то, что сказали, съ тѣмъ, что прочли.

Наша семья
Наша семья не мала. Есть у меня отецъ и мать, две сестры и два брата. Отецъ мой много трудится, а мать у насъ сидитъ дома и шьетъ. Мы же учимся в школе, а бабушка ходитъ в церковь.

На что и кладъ, когда въ семьѣ ладъ.—Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.

Пятая заповѣдь.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долгодѣтенъ будеши на земли.

Мать и дѣти.

„Что ты, мама, безпрестанно О сестрицѣ всё твердишь? Въ лучшемъ мѣрѣ наша Лиза— Ты сама намъ говоришь“.

— Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мѣрѣ!
 Но въ томъ мѣрѣ нѣтъ луговъ,
 Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
 Ни весѣлыхъ мотыльковъ.

„Мама, мама! въ Божьемъ небѣ
 Божьи ангелы поютъ,
 Ходятъ розовыя зори,
 Ночи звѣздныя плывутъ“.

— Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
 Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
 Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
 Въ полѣ рѣзвится она.

При солнышкѣ тепло, при матери добро.

Забѣжалъ Коля къ сосѣду и увидаль, что у него въ домѣ не хорошо: дѣти грязны, въ изорванныхъ рубашенкахъ, съ нерасчѣсанными головками. Меньшія валяются по грязному полу, двое другихъ дерутся, а старшенькій лежитъ боленъ и некому за нимъ присмотрѣть. Вспомнилъ тутъ Коля, что у сосѣда недавно жена умерла, вспомнилъ и свою мать: побѣжалъ домой и крѣпко обнялъ родимую.

Что дѣлаетъ мать для своихъ дѣтей?

Лѣкарство.

Захворала мать Тани, и докторъ прописалъ большой горькаго лѣкарства. Видитъ дѣвочка, что мать пьетъ съ трудомъ, и говоритъ ей: „Милая мама! дай я вылью лѣкарство за тебя“.

Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни!	Вѣтра спрашиваетъ мать:
Сладкій сонъ къ себѣ мани!	„Гдѣ изволилъ пропадать?
Въ няньки я къ тебѣ взяла	Али звѣзды воевалъ?
Вѣтеръ, солнце и орла.	Али волны всё гонялъ?“
Улетѣлъ орѣлъ домой;	— Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Солнце скрылось подъ горой;	Звѣздъ не трогалъ золотыхъ:
Вѣтеръ послѣ трѣхъ ночей	Я дитя оберегалъ,
Мчится къ матери своей.	Колыбелечку качалъ.

Родимому.

Пойду-ль я, пойду-ль я	Запрягу, запрягу
По своимъ, по новымъ сѣнямъ;	Свою ворона коня;
Гляну-ль я, гляну-ль я	Пошлю я, пошлю я
По всѣмъ, по милымъ гостямъ:	Свою слугу вѣрнаго,
Всѣ-ль мои, всѣ-ль мои	Свою друга милаго;
Милые гости съѣхались?	Привезу, привезу
Нѣтъ мово, нѣтъ мово,	Батюшку родимаго;
Мово гостя милаго,	Сустрѣну, сустрѣну
Батюшки родимаго.	Посередъ широка двора;
Или мнѣ, или мнѣ	Посажу, посажу
Запречь было нечего?	Въ конецъ дубова стола;
Или мнѣ, или мнѣ	Поднесу, поднесу
Послать было некого?	Чару зелена вина.

Какъ Богъ до людей—такъ отецъ до дѣтей.

Дѣдушка.

Сильно одряхлѣлъ дѣдушка. Плохо онъ видѣлъ,

плохо слышалъ; руки и ноги у него дрожали отъ старости: несётъ ложку ко рту и супъ расплёскиваетъ.

Не понравилось это сыну и невѣсткѣ: перестали они отца съ собою за столъ сажать; запрятали его за печь и стали кормить изъ глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежняго разлились сынъ и невѣстка: стали они кормить отца изъ старой деревянной миски.

У старикова сына былъ свой маленькій сыночекъ. Сидитъ разъ мальчикъ на полу и складываетъ что-то изъ щепочекъ.

„Что ты дѣлаешь, дитятко?“ спросила у него мать.

— Коробочку, отвѣчаетъ дитя:—вотъ какъ вы съ тятенькой состарѣетесь, я и буду васъ изъ деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отецъ съ матерью и покраснѣли. Полно съ тѣхъ поръ старика за печь прятать, изъ деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дѣдушку: тебя внуки подсадятъ. Уважай старика: самъ будешь старъ.

Пища и питьё.

Безъ пищи человекъ умеръ бы отъ голода; безъ питья умеръ бы отъ жажды. Человекъ употребляетъ въ пищу растенія, мясо животныхъ и соль; пьётъ онъ воду, молоко, квасъ, чай, кофе, вино, пиво. Самая необходимая

пища—хлѣбъ. Самое необходимое, здоровое питьё—чистая вода.

Что вы ѣдите и пьете?

Ржаной хлѣбъ всему голова. — Только ангелы съ неба не просятъ хлѣба. — Каковъ ни есть, а хочетъ есть. — Мельница сильна водой, а человекъ водой. — Хлѣбъ да вода—молодецкая пѣда.

Хлѣбъ.

Хлѣбъ пекутъ или сами хозяева, или хлѣбники. Пекутъ хлѣбъ изъ тѣста.

Тѣсто мѣсятъ изъ муки, воды и дрожжей. Муку мелеть мельникъ на мельницѣ изъ хлѣбныхъ зѣренъ. Хлѣбныя зѣрна созрѣваютъ на поляхъ, въ колосьяхъ хлѣбныхъ растеній. Поля обрабатываются крестьянами. Крестьяне пахутъ поле и сѣютъ хлѣбъ; но Богъ его раститъ. Богъ посылаетъ лѣто, дождь, тепло и ясное солнце.

Изъ чего, кѣмъ и какъ дѣлается хлѣбъ?

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ!

Дадутъ хлѣбца, дадутъ и дѣльца. — Пройметъ годъ, появится и голодъ. — Голодный французъ и воронъ радъ. — Нива — Божья ладонь: всѣхъ кормитъ. —

*Калачъ прѣстся, а хлѣбъ никогда.—Гречневая каша—
матушка наша, а хлѣбецъ ржаной—отецъ нашъ родной.*

В о д а.

Безъ воды не можетъ жить самое маленькое насѣ-
комое, не можетъ расти самая маленькая травка.

Въ безводныхъ мѣстахъ виденъ только камень да
песокъ. Такія мѣста называются пустынями. Вода на-
ходится въ колодцахъ, рѣкахъ, озѣрахъ и моряхъ. Въ
моряхъ вода горькосолѣная; въ рѣкахъ и озѣрахъ—
прѣсная. Хорошая вода прозрачна, не имѣетъ ни запа-
ха, ни вкуса. Отъ жару вода кипитъ и превращается
въ паръ; отъ холода замерзаетъ и дѣлается льдомъ.

Какую воду вы пьете? Гдѣ еще бываетъ вода?

*Хлѣбъ—батюшка, водица—матушка.—Покуда есть
хлѣбъ да вода, все не бѣда.—Безъ хлѣба и у воды худо
жить.—Вода и мельницу ломаетъ.—Жди горя съ моря,
бѣды отъ воды.—Съ огнемъ не шути и водѣ не върѣ.—
Спи, царь-огонь! говоритъ царица-водица.*

Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ; А брызги вверхъ огнемъ летать;
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колѣса-то въ водѣ шумать, Отъ пѣны-то бугоръ стоять;

Что мостъ живой, весь полъ На камни рожь дождѣмъ течётъ,
дрожить. Подъ жерновомъ муку родитъ;
Шумитъ вода, рукавъ трясётъ; Идѣтъ мука, въ глаза пылитъ.

Одежда.

Одежду шьютъ изъ холста, изъ сукна, изъ различ-
ныхъ матерій и изъ кожи.

Изъ холста шьютъ бѣлье. Холстъ ткутъ изъ ни-
токъ. Нитки прядутъ изъ пеньки или изо льна. Ленъ и
пенька растутъ на поляхъ и огородахъ.

Ситецъ ткутъ также изъ нитокъ. Нитки для ситца
прядутъ изъ хлопчатой бумаги. Хлопчатая бумага ра-
стѣтъ на кустахъ, въ тепломъ краю.

Сукно и шерстяныя матеріи дѣлаютъ изъ шерстя-
ныхъ нитокъ на фабрикахъ. Шерстяныя нитки прядутъ
изъ шерсти. Шерсть стригутъ съ овецъ.

Шелковыя матеріи ткутъ изъ шёлку. Шёлкъ дѣлаютъ
шелковичныя червячки.

Сапоги, башмаки и калоши шьютъ сапожники изъ
кожи. Сапожный товаръ выдѣлываютъ кожевники изъ
лошадиныхъ, воловьихъ, бараньихъ и козловыхъ кожъ.

Шубы шьютъ шубники изъ мѣховъ; мѣха выдѣлы-
ваютъ скорняки изъ шкуръ пушныхъ звѣрей: медвѣдей,
лисицъ, куницъ. Тулупы дѣлаютъ изъ бараньихъ и
овечьихъ шкуръ.

*Во что вы одѣты? Изъ чего и кѣмъ сдѣлана ваша
одежда?*

Утка въ юбку, курочка въ сапожкахъ, селезень въ сережкахъ, корова въ рогожь, да всего дороже.—Есть шуба и на волкъ, да пришита.—Шапочка въ двѣ денежки, и та на бекрень.

Какъ рубашка въ полѣ выросла.

I.

Видѣла Таня, какъ отецъ ея горстями разбрасывалъ по полю маленькія блестящія зѣрна, и спрашиваетъ: „Что ты, тятя, дѣлаешь?“—А вотъ сѣю ленокъ, дочка: вырастетъ рубашка тебѣ и Васюткѣ.—Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки въ полѣ росли.

Недѣли черезъ двѣ покрылась полоска зелѣною шелковистою травкою, и подумала Таня: „хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!“ Раза два мать и сѣстры Тани приходили полоску полоть и всякій разъ говорили дѣвчкѣ: „славная у тебя рубашечка будетъ!“ Прошло ещё нѣсколько недѣль: травка на полоскѣ поднялась и на ней показались голубые цвѣточки. „У братца Васи такіе глазки, подумала Таня:—но рубашечекъ такихъ я ни на комъ не видала“.

Когда цвѣточки опали, то на мѣсто ихъ показались зелѣныя головки. Когда головки забурѣли и подсохли, мать и сѣстры Тани повыдергали весь лёнъ съ корнемъ, навязали снопиковъ и поставили ихъ на полѣ просохнуть.

II.

Когда лёнъ просохъ, то стали у него головки отрѣзывать; а потомъ потопили въ рѣчкѣ безголовые пучки и ещё камнемъ сверху завалили, чтобы не всплыть.

Печально смотрѣла Таня, какъ ея рубашечку топятъ; а сѣстры тутъ ей опять сказали: „славная у тебя, Таня, рубашка будетъ!“

Недѣли черезъ двѣ вынули лёнъ изъ рѣчки, просушили и стали колотить, сначала доскою на гумнѣ, потомъ *трепаломъ* на дворѣ, такъ что отъ бѣднаго льна летѣла *кострика* во все стороны. Вытрепавши, стали лёнъ чесать желѣзнымъ гребнемъ, пока онъ сдѣлался мягкимъ и шелковистымъ. „Славная у тебя рубашка будетъ!“ опять сказали Танѣ сѣстры. Но Таня подумала: „гдѣ же тутъ рубашка? это похоже на волосы Васи, а не на рубашку“.

III.

Настали длинныя зимніе вечера. Сѣстры Тани надѣли лёнъ на гребни и стали изъ него нитки прясть. „Это нитки“, думаетъ Таня: „а гдѣ же рубашка?“

Прошла зима, весна и лѣто—насталась осень. Отецъ установилъ въ избѣ *кросна*, натянулъ на нихъ *основу* и началъ ткать. Забѣгаль проворно *челнокъ* между нитками, и тутъ ужъ Таня сама увидала, что изъ нитокъ выходитъ холстъ.

Когда холеть былъ готовъ, стали его на морозѣ морозить, по снѣгу разстилать; а весной разстидали его по травѣ, на солнышкѣ, и взбрызгивали водою. Сдѣлался холеть изъ сѣраго бѣлымъ, какъ кипень.

Настала опять зима. Накроила изъ холета мать рубашекъ; принялись сѣстры рубашки шить, и къ Рождеству надѣли на Таню и Васю новыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, рубашечки.

Изъ чего и какъ сдѣлана ваша рубашка?

Загадка. Били меня, колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили.

Сиротка Ваня.

Сиротой остался Ваня, сиротою круглымъ. Некому сиротиночку кормить-поить; некому сиротиночку обути-одѣть. У сиротки головка нечесаная, у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бѣднаго, приголубить? Кто его на ночь перекрестить, въ тёплую постельку уложить? Кто его, малаго, отъ худа укроетъ, уму-разуму научить?

Что бы сдѣлали для Вани его родители, еслибы они были живы?

Тогда сиротъ и праздникъ, когда бѣлую рубашку дадутъ.— У кого есть matka; у того головка гладка.—

За сиротою самъ Богъ съ калитою.— Не строй церкви, —пристрой сироту.

Столъ и стулъ.

Столъ сдѣланъ столяромъ изъ дерева. У стола есть верхняя доска, ящикъ и ножки. Доски у столовъ бываютъ круглыя и четырёхугольныя.

Стулья дѣлаются столяромъ изъ дерева. У стула есть спинка, сидѣнье и ножки. Сидѣнье бываетъ простое деревянное, плетѣное изъ соломы или мягкое, обитое какою-нибудь матеріею.

Сравните столъ со стуломъ. Сравните столъ и стулъ на картинкѣ съ тѣми, что стоятъ у васъ въ классѣ.

Загадка. Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ.

Посуда.

Посуда бываетъ деревянная, глиняная, стеклянная, жестяная, желѣзная, мѣдная.

Изъ дерева дѣлаютъ миски, ушаты, вѣдра, бочки.

Миски вырѣзываютъ рѣзчики; вѣдра, ушаты и бочки набиваютъ бочары.

Изъ простой глины горшечники лѣпятъ горшки, кувшины, простыя тарелки и миски. Изъ фарфоровой глины дѣлаютъ на фабрикахъ чашки, чайники, блюда и хорошія тарелки.

Изъ стекла дѣлаютъ на стеклянныхъ заводахъ стаканы, бутылки, графины.

Изъ желѣза, чугуна и жести дѣлаютъ котлы, чугуны, ковши, кофейники.

Изъ мѣди мѣдникъ дѣлаетъ самовары и кастрюли. Мѣдную посуду лудильщики покрываютъ полудою. Безъ полуды на мѣдной посудѣ появляется ядовитая зелень.

Изъ чего дѣлается посуда? Какая посуда и кѣм дѣлается изъ дерева? Изъ глины? Изъ стекла? Изъ желѣза? Чугуна? Жести? Мѣди?

ЗАГАДКИ: 1) Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый.—2) Родился на кружалѣ, росъ—вертѣлся, живучи парился, живучи жарился; старъ сталъ, пеленаться сталъ; померъ—выкинули въ поле: тамъ меня зверь не ѣстъ и птица не клюетъ.—3) Новая посуда, а вся въ дырахъ.—4) Что безъ рукъ, безъ ногъ на печь лазитъ и выше дерева растетъ?—5) У туши уши, а головы нѣту.—6) Три ноги, два уха, а шестое брюхо.—7) Два братца пошли въ воду купаться.—8) Утка въ морь, хвостъ на горь.

Горшокъ котлу не товарищъ.

Кухарка мыла на рѣкѣ глиняный горшокъ и чугунный котѣль; вымыла, да и позабыла. Котѣль и горшокъ обрадовались случаю, сговорились путешествовать вмѣстѣ и поплыли по рѣкѣ. Но не долго они вмѣстѣ плавали: глиняный горшокъ стукнулся о чугунный котѣль и разбился.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Подружилась лиса съ журавлѣмъ и зовѣтъ его къ себѣ въ гости: „Приходи, куманѣкъ, приходи, дорогой! Ужъ вотъ-какъ тебя угощу!“

Пришелъ журавль на званый обѣдъ; а лиса наварила манной каши, размазала по тарелкѣ и потчуетъ журавля: „Кушай, куманѣкъ, кушай, голубчикъ! Самастряпала“. Журавль хлопъ-хлопъ! носомъ по тарелкѣ: стучаль, стучаль—ничего не попадаетъ. А лиса лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Съѣла лиса кашу и говоритъ: „Не обезсудь, куманѣкъ! больше потчивать нечѣмъ.“

— Спасибо, кума, и на этомъ, отвѣчаетъ журавль; приходи завтра ко мнѣ.

На другой день приходитъ лиса къ журавлю; а журавль наготовилъ окрошки, наклалъ въ высокій кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и потчуетъ: „Кушай, кумушка, кушай, милая! Право, больше потчивать нечѣмъ“. Вертится лиса вокругъ кувшина: и

такъ зайдётъ, и этакъ, и лизнётъ-то кувшинъ, и понюхаетъ—всё ничего не достанетъ. А журавль стоитъ на своихъ высокихъ ногахъ да длиннымъ носомъ изъ кувшина окрошку таскаетъ: клеваль да клеваль, пока всё съѣлъ. „Ну, не обезсудь, кумушка, больше угощать нечѣмъ“. Пошла лиса домой, не солоно хлебавши. На этомъ у нихъ и дружба съ журавлёмъ кончилась.

Братецъ Иванушка и сестрица Алёнушка.

I.

Идутъ двое сиротъ—братецъ Иванушка съ сестрицей Алёнушкой, въ дальній путь по открытому полю; а жаръ то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить: „Сестрица Алёнушка, я пить хочу“.—Подожди, братецъ, до колодца дойдёмъ. Идутъ—

А солнце высоко,	Жаръ донимаетъ.
Колодець далёко;	Поть выступаетъ.
Стоитъ лошадиное копытце,	
Полно водицы.	

„Сестрица Алёнушка! хлебну я изъ копытца“.— Не пей, братецъ, жеребёночкомъ станешь. Вздохнулъ Иванушка—и пошли. Идутъ—

А солнце высоко,	Жаръ донимаетъ,
Колодець далёко;	Поть выступаетъ.
Стоитъ коровье копытце,	
Полно водицы.	

„Сестрица Алёнушка! хлебну я изъ копытца“.— Не пей, братецъ, телёночкомъ скинешься,—и пошли они дальше. Идутъ—

А солнце высоко,	Жаръ донимаетъ,
Колодець далёко;	Поть выступаетъ.
Стоитъ баранье копытце,	
Полно водицы.	

Не спросился уже у Алёнушки братецъ: поотсталъ немного, схватилъ копытце и выпилъ до дна.

II.

Оглянулась Алёнушка, зовётъ брата; а вмѣсто Иванушки бѣжить къ ней бѣленькій барашекъ. Догадалась Алёнушка, что это за бѣлый барашекъ, и горько заплакала. Но дѣлать нечего—пошли дальше Алёнушка съ барашкомъ.

Идутъ они, а на встрѣчу имъ ѣдетъ баринъ: „Продай барашка, красная дѣвица!“ Алёнушка отвѣчаетъ: „Нѣтъ, баринъ, этотъ барашекъ не продажный: это не настоящій барашекъ, а мой братецъ родимый“.

Баринъ взялъ ихъ обоихъ и повёзъ къ себѣ; потомъ на Алёнушкѣ женился, а барашка берётъ и холилъ. Жили они очень счастливо. Добрые, на нихъ глядя, радовались; а злые—завидовали. Больше всѣхъ завидовала сосѣдка, старая вѣдьма: думала она, что баринъ женится на ея дочери, да не по ея вышло.

Вотъ задумала вѣдьма Алёнушку извести и стала её подстергать. Пошла разъ Алёнушка гулять; а вѣдьма

схватила её, навязала ей тяжёлый камень на шею и бросила въ рѣку. Дочку же свою обернула Алёнушкой и послала въ барскіе хоромы. Никто её и не распозналъ: самъ баринъ обманулся. Одинъ барашекъ всё зналъ; не ѣсть онъ, не пьётъ, ходитъ по берегу да жалобно кричитъ.

III.

Услышала новая барыня, какъ кричитъ барашекъ, и говорить барину: „вели барашка зарѣзать“. Удивился баринъ: „какъ это, жена такъ любила барашка, а то вдругъ велитъ его рѣзать!“ Однако согласился, и велѣла вѣдьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагрѣть котлы. Провѣдалъ барашекъ, что ему не долго жить: лёгъ на бережку у рѣки и причитываетъ:

«Алёнушка, сестрица моя!
Меня хотятъ зарѣзати:
Костры кладутъ высокіе,
Котлы грѣютъ чугуныи,
Ножи точатъ булатныи».

А Алёнушка изъ-подъ воды братцу въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!
Тяжёлъ камень шею перетѣръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Жёлты пески на грудь легли».

Баринъ былъ неподалѣку; услыхаль, какъ Алёнушка съ братцомъ переговариваются, и сталь своихъ людей звать:

«Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидайте невода шелковыи!»

Собрались люди, закинули неводъ и вытащили Алёнушку. Отрѣзали камень, окунули её въ чистую воду и обтѣрли полотенцемъ. Ожила Алёнушка и стала ещё краше прежняго. Бросилась она барашка обнимать, а барашекъ сталь уже Иванушкой. Зажили они тогда втроёмъ лучше прежняго; а вѣдьмину дочь слуги мѣтлами со двора прогнали.

ДОМОВЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Б и ш к а.

„А ну-ка, Бишка, прочти, что въ книжкѣ написано!“

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. „Не моё,“ говорить, „дѣло книги читать; я домъ стерегу, по ночамъ не сплю, лаю, воровъ да волковъ пугаю, на охоту хожу, зайку слѣжу, уточекъ ищу, поноску тащу—будеть съ меня и этого“.

Что дѣлаетъ собачка? Сравните вашу собачку съ тою, что на картинкѣ.

Прилежная собака.

*Собака собаку въ гости звала. „Некогда, недосугъ.“—
Что такъ?—„Хозяинъ завтра за спномъ ѣдетъ: надо впередъ забѣгать да лаять.“*

О х о т а.

У моего дяди есть ружьё и охотничья сумка. У него есть и собаки: двѣ борзые, двѣ гончія и одна лягавая. Недавно дядя взялъ ружьё и сказалъ мнѣ: „Не

орота. Умные люди... 31... Некогда, недосугъ... Собака собаку въ гости звала... Что такъ?—„Хозяинъ завтра за спномъ ѣдетъ: надо впередъ забѣгать да лаять.“

хочешь-ли идти со мною на охоту? Лиса опять утащила у насъ двухъ курочекъ, я хочу её подстрѣлить“. Вотъ мы пошли и взяли съ собою двухъ гончихъ и одну лягавую. Гончія скоро разыскали слѣдъ звѣря и скрылись въ лѣсу. Мы слышали только, какъ онѣ лаютъ, точно по командѣ: гау-гау! гау-гау!

„Присядемъ здѣсь за кустомъ“, сказалъ мнѣ дядя: „мой умныя гончія гонять звѣря прямо на насъ“.

Присѣли мы и ждёмъ. Собаки лаютъ гдѣ-то очень далеко. Я думалъ, что онѣ никогда не воротятся. Но вотъ лай становится всё слышнѣе, слышнѣе... и вдругъ изъ кустовъ выскочилъ заяцъ, а за нимъ большая рыжая лисица. Дядя выстрѣлилъ, и лисица перекувырнулась; а заяцъ испугался, присѣлъ, пригнулъ ушки къ спинѣ—и ни съ мѣста. Мы взяли его живымъ и принесли домой. Я ещё и теперь кормлю его капустою.

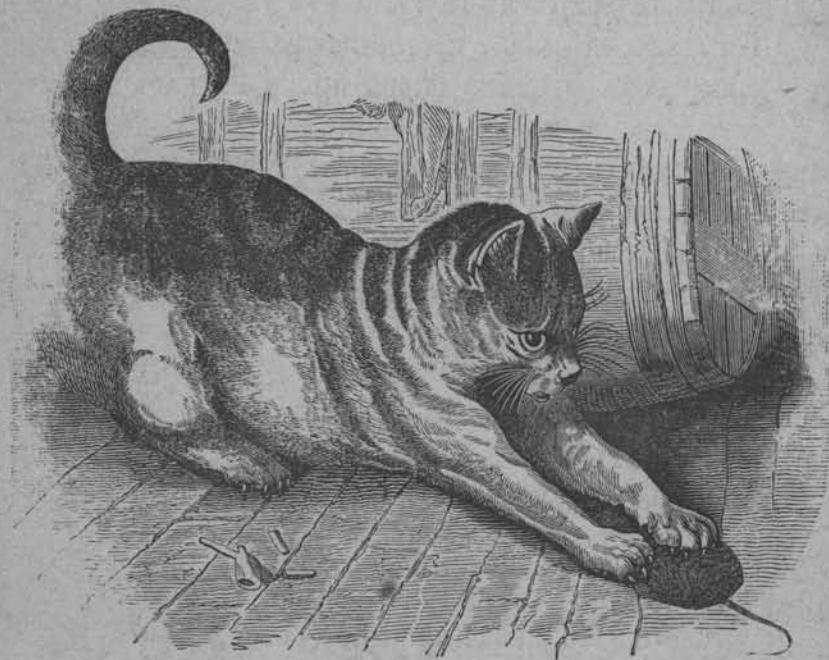
Загадка: Рубль бѣжить, сто догоняетъ; а какъ пять-сотъ споткнѣтся, то неощѣненный убѣется.

В а с ь к а.

Котичекъ-котокъ—сѣренькій лобокъ. Ласковъ Вася, да хитѣрь: лапки бархатныя, ноготокъ остѣрь. У Васютки ушки чутки, усы длинны, шубка шёлковая.

Ласкается котъ, выгибается, хвостикомъ виляетъ, глазки закрываетъ, пѣсенку поётъ; а попалась мышка— не прогнѣвайся! Глазки-то большіе, лапки какъ стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!

Сравните кошку съ собакой.

Учѣный котъ.

У лукоморья дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днёмъ, и ночью котъ учѣный
Всѣ ходитъ по цѣпи кругомъ.
Идѣтъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Страница из 2-го тома "Разного слова" Ум...

Двѣ мышки.

Молодая мышка сказала старой: „Какъ золъ и скупъ нашъ хозяинъ! завелъ котовъ, поставилъ вездѣ мышеловокъ и всячески хочетъ насъ извести. А много-ли намъ нужно? Кусочекъ салной свѣчки, корочка хлѣбца, дватри зернышка—вотъ я и сыта.“

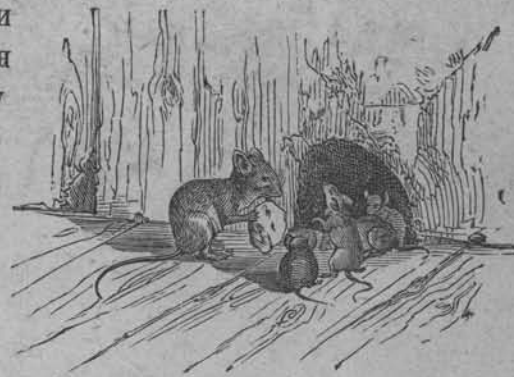
— Правда твоя, отвѣчала старая мышь:—каждой изъ насъ нужно немного, да насъ-то много.

Скороговорка: Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей; двѣ мышкы по плоше несли по два гроша.

— Мышка! мышка! на тебѣ зубокъ: возьми себѣ костяной, дай мнѣ желѣзный.

Мышки.

Собрались мышкы у своей норки, старыя и малыя. Глазки у нихъ чѣрненькіе, лапки у нихъ маленькія, остренькіе зубки, сѣренькія шубки, ушки кверху торчатъ, хвостыца по землѣ волочатся.

Собрались мышкы, подпольныя воровкы, думашку думаютъ, совѣтъ держать: „какъ бы намъ, мышкамъ, сухарь въ норку протащить?“

Годъ II.

Охъ, берегитесь, мышки! Вашъ пріятель, Вася, недалёко. Онъ васъ очень любитъ, лапкой приголубить, хвостики вамъ помнётъ, шубочки вамъ порвётъ.

Сравните кошку съ мышкой.

На мышку и кошка звѣрь.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву“—вбѣжавши, крысѣ мышь сказала: „вѣдь кошка, говорятъ, попала въ когти льву? Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“— „Не радуйся, мой свѣтъ,“ ей крыса говоритъ въ отвѣтъ, „и не надѣйся по пустому! Коль до когтей у нихъ дойдётъ, то вѣрно льву не быть живому: сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.“

Не всё то золото, что блеститъ.

Быль домъ, гдѣ подь окномъ и чижъ, и соловей висѣли и пѣли. Лишь только соловей, бывало, запоётъ, сынъ маленький отцу проходу не даётъ: всё птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что этакъ хорошо поётъ. Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаётъ. „Ну“, говоритъ, „узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забавляетъ?“

Тотчасъ на чижику малютка указаль: „вотъ, батюшка, она!“ сказалъ.

Сравните чижа съ мышкой.

Заднимъ умомъ крѣпокъ.

Перепелъ въ клеткѣ пѣлъ только по ночамъ. „Отчего ты не поешь днемъ?“ спросила у него летучая мышь.

— *Прежде я пѣлъ по утрамъ, да меня поймали—отвѣчалъ перепелъ.*

— *„Недурно, если бы ты подумалъ объ этомъ прежде, чѣмъ тебя поймали,“ сказала летучая мышь.*

Птичка.

Вчера я отворилъ темницу Она исчезла, утопая
Воздушной плѣнницы моей; Въ сіяньи голубого дня,
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу, И такъ запѣла, улетая,
Я возвратилъ свободу ей. Какъ бы молилась за меня.

Плутиска котъ.

I.

Жили были на одномъ дворѣ котъ, козѣль да баранъ. Жили они дружно: сѣна клокъ и тотъ пополамъ; а коли вилы въ бокъ, такъ одному коту Васкѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: гдѣ что плохо лежитъ, туда и глядитъ. Вотъ идётъ разъ котикшко-мурлышко, сѣрый лобиншко; идётъ да таково жалостно плачетъ.

Спрашиваютъ кота козѣль да баранъ: „Котишка-котокъ, сѣренкій лобокъ! о чёмъ ты плачешь, на трёхъ ногахъ скачешь?“ Отвѣчаетъ имъ Вася: „Какъ мнѣ не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё удавку на меня припасала“. — А за что же на тебя такая бѣда пришла? спрашиваютъ козѣль да баранъ. „Эхъ-эхъ! За то, что нечаянно сметанку слизалъ“. — По дѣломъ вору и мука, говоритъ козѣль:—не воруй сметаны!

Вотъ котъ опять плачетъ: „Била меня баба, била-приговаривала: придѣтъ ко мнѣ зять, гдѣ сметаны будетъ взять? Поневолѣ придѣтся козла да барана рѣзать“. Заревѣли тутъ козѣль да баранъ. „Ахъ ты, сѣрый ты котъ! безтолковый твой лобъ! За что ты насъ-то сгубилъ?“

Стали они судить да рядить, какъ бы имъ бѣды великой избыть — и порѣшили тутъ-же: всѣмъ троимъ бѣжать. Подстерегли, какъ хозяйка не затворила ворота, и ушли.

II.

Долго бѣжали котъ, козѣль да баранъ по доламъ, по горамъ, по сыпучимъ пескамъ: пристали и порѣшили заночевать на скошенномъ лугу; а на томъ лугу стога, что города, стоятъ.

Ночь была тѣмная, холодная: гдѣ огня добыть? А котишка - мурлышка ужъ досталъ берѣсты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ лбами стукнуться.

Стукнулись козѣль съ бараномъ, искры изъ глазъ посыпались: берѣсточка такъ и запылала.

„Ладно,“ молвилъ сѣрый котъ, „теперь обогрѣмся!“ да, не долго думавши, и зажѣгъ цѣлый стогъ сѣна.

Не успѣли они ещё порядкомъ обогрѣться, какъ жалуетъ къ нимъ незванный гость — мужичокъ-сѣрячокъ, Михайло Потапычъ Топтыгинъ. „Пустите, говоритъ, братцы, обогрѣться да отдохнуть: что-то мнѣ не можется“.—Добро пожаловать, мужичокъ-сѣрячокъ! говоритъ котикъ:—откуда идёшь? „Ходилъ на пчельникъ, говоритъ медвѣдь,—пчѣлокъ провѣдать, да подрался съ мужиками; оттого и хворость прикинулась“.

Вотъ стали они всѣ вмѣстѣ ночку коротать: козѣль да баранъ у огня, мурлышка на стогъ взлѣзъ, а медвѣдь подъ стогъ забился.

III.

Заснулъ медвѣдь; козѣль да баранъ дремлютъ; одинъ мурлыка не спитъ и всё видитъ. И видитъ онъ: идутъ семь волковъ сѣрыхъ, одинъ бѣлый—и прямо къ огню. „Фу-фу! что за народъ такой!“ говоритъ бѣлый волкъ козлу да барану, „давайте-ка силу пробовать“. Заблеяли тутъ со страху козѣль да баранъ; а котишка, сѣрый лобишка, повѣлъ такую рѣчь: „Ахъ ты, бѣлый волкъ, надъ волками князь! не гнѣви ты нашего старшаго: онъ, помилуй Богъ, сердить! Какъ расходится—никому не сдобровать. Аль не видишь у него бороды; въ ней-то

и вся сила: бородой онъ всёхъ звѣрей побиваетъ, рогами только кожу сымаетъ. Лучше подойдите да честию попросите: хотимъ-де поиграть съ твоимъ меньшимъ братцемъ, что подъ стогомъ спитъ“. Волки на томъ козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вотъ Миша крѣпился-крѣпился, да какъ хватить на каждую лапу по волку, такъ запѣли они Лазаря. Выбрались волки изъ подъ стога еле живы и, поджавъ хвосты—давай Богъ ноги!

Козѣль же да баранъ, пока медвѣдь съ волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорѣе домой. „Полно, говорятъ, безъ пути таскаться, ещё не такую бѣду наживёмъ“.

Старикъ и старуха были рады-радѣхоньки, что козѣль съ бараномъ домой воротились; а котинку - мурлышку ещё за плутни выдрали.

КОНЮШНЯ, СКОТНЫЙ ДВОРЬ И ПТИЧНИКЪ.

Л о ш а д к а.

Конь храпнть, уши прядѣть, глазами поводить, удила грызѣть, шею, словно лебедь, гнѣть, копытомъ землю роеть. Грива на шеѣ волной, сзади хвостъ трубой, межъ ушей—чѣлка, на ногахъ—щѣтка; шерсть серебромъ отлиываетъ. Во рту удила, на спинѣ сѣдло, стремена золотыя, подковки стальныя.

— Садись и пошѣль за тридевять земель въ тридесятое царство!

Конь бѣжить, земля дрожитъ, изорота пѣна, изъ ноздрей паръ валитъ.

Скороговорка:
Отъ топота копытъ
пыль по полю не-
сѣтся!

К о н ь.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.

Ой люли, ой люли!

Стоитъ озеро воды.

Молодецъ коня поилъ,
Къ воротечкамъ приводилъ.

Ой люли, ой люли!

Къ воротечкамъ приводилъ.

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ.

Ой люли, ой люли!

Красной дѣвкѣ приказалъ.

Красна дѣвица—душа,
Сбереги добра коня!

Ой люли, ой люли!

Сбереги добра коня.

Сбереги добра коня,
Коня тысячнаго.

Ой люли, ой люли!

Коня тысячнаго.

Не сорвалъ бы повода,
Не сломалъ бы удила

Ой люли, ой люли!

Не сломалъ бы удила

Печальный конь.

Что ты ржёшь, мой конь
ретивый?
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ёшь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачёны стремена?

Отвѣчаетъ конь печальный:
«Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять,—
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьмётъ
И серебряны подковы

Съ лёгкихъ ногъ моихъ сдерётъ».

Загадка: Четыре дѣда назадъ бородами.

Коровка.

Некрасива коровка,
да молочко даётъ. Лобъ
у ней широкъ, уши въ
стороны; во рту зубовъ
недочётъ, за то рожища
большіе; хребётъ — острёмъ,
хвостъ — помеломъ, бока оттопырились,
копыта двойныя. Она травушку рвётъ,
жвачку жуётъ, пойло пьётъ,
мычитъ и ре-

вётъ, хозяйку зовётъ: „Выходи, хозяйошка; выноси по-дойничекъ, чистый утиральничекъ! Я дѣточкамъ молочка принесла, густыхъ сливочекъ“.

Сравните корову съ лошадыю.

Не гони коня кнутомъ, а гони коня овсомъ.—Добръ конь, да копыта потряхиваетъ.—Волъ налогомъ беретъ, конь урывомъ.—У коровы на языкъ молоко.

Споръ животныхъ.

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого изъ нихъ хозяинъ больше любитъ.

— Конечно, меня, говоритъ лошадь:—я ему соху и борону таскаю, дрова изъ лѣсу вожу; самъ онъ на мнѣ въ городъ ѣздитъ: пропаль бы онъ безъ меня совѣмъ.

— Нѣтъ, хозяинъ любить больше меня,—говоритъ корова:—я всю его семью молокомъ кормлю.

— Нѣтъ, меня, ворчитъ собака:—я его добро стерегу. Подлушаль хозяинъ этотъ споръ и говоритъ: „перестаньте спорить по пустому: всѣ вы мнѣ нужны, и каждый изъ васъ хорошъ на своёмъ мѣстѣ“.

Какую пользу приноситъ людямъ лошадь? корова? собака? кошка?

Козель.

Идётъ козель мохнатый, идётъ бородатый, рожищами помахиваетъ, бородицей потряхиваетъ, копытками

постукиваетъ; идѣтъ, блеѣтъ, козъ и козлятокъ зовѣтъ.

А козочки съ козлятками въ садъ ушли, травку щиплютъ, кору гложутъ, молодыя прищепы портятъ, молочко дѣткамъ копятъ; а козлятки, малые ребята, молочка насосались, на заборъ взобрались, рожками передрались.

Погодите, уже придѣтъ бородастый хозяинъ,—всѣмъ вамъ порядокъ дастъ!

Сравните козла съ собакой и коровой.

Лиса и козель.

Бѣжала лиса, на воронъ зазѣвалась—и попала въ колодець. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить—тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идѣтъ козель, умная голова; идѣтъ, бородицей трясѣтъ, рожищами мотаетъ; заглянулъ, отъ нечего дѣлать, въ колодець, увидаль тамъ лису и спрашиваетъ:

„Что ты тамъ, лисанька, подѣлываешь?“

— Отдыхаю, голубчикъ, отвѣчаетъ лиса:—тамъ на верху жарко, такъ я сюда забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой—сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется. „Хороша ли вода-то?“ спрашиваетъ козель.

— Отличная! отвѣчаетъ лиса:—чистая, холодная.

Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ.

Прыгнулъ сдуру козель, чуть лисы не задавилъ; а она ему:

— Эхъ, бородастый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ— всю обрызгалъ.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца.

Чуть было не пропаль козель съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Овца.

Говорятъ, что овечка глупа, и я думаю, что это правда. На пожарѣ овцы сами кидаются въ огонь; а завидя волка, стоятъ на мѣстѣ и глупо постукиваютъ копытцами. Но на что людямъ овечій умъ! Имъ нужна овечья шерсть на чулки и сукно, сало на мыло и свѣчи, кожа на сапоги и банмаки, мясо на жаркое.

Сравните овцу съ козломъ.

Ягненокъ въ волчьей шкурѣ.

Ягненокъ, сдуру, надѣвши волчью шкуру, пошелъ по стаду въ ней гулять. Ягненокъ лишь хотѣлъ по

щеголять. Но псы, увидѣвши повѣсу, подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу: вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ и, прежде чѣмъ опомниться онъ могъ, чуть по клочкамъ его не растащили. По счастью, па- стухи, узнавъ его, отбили. Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ: бѣдняжка, отъ такой тревоги, на- силу доволокъ въ овчарню ноги.

Хавронья.

Грязна наша хавронья- юшка, грязна и обжорли- ва: всё жрётъ, всё мвётъ, объ углы чешется; лужу найдётъ—какъ въ пери- ну прётъ, хрюкаетъ, нѣ- жится.

Рыло у хавроньюшки не нарядное: въ землю но- сомъ упирается; ротъ до ушей, а уши, словно тряпки, болтаются; на каждой ногѣ по четыре копыта, а хо- дить—спотыкается. Хвостъ у хавроньюшки винтомъ, хребётъ горбомъ; на хребтѣ щетина торчитъ. Жрётъ она за троихъ, толстѣетъ за пятерыхъ; за то её хо- зяюшки холятъ, кормятъ, цомоями поятъ; а вломится въ огородъ—полѣномъ прогонять.

Сравните овцу съ свиньей.

Свинья только рыло просунуть, и вся пролѣзетъ.— Ничего не болитъ, а все стонетъ.

Скороговорка: Рыла свинья тупорыла, бѣлорыла, полдвора рыломъ изрыла.

Пѣтушокъ съ семьей.

Ходить по двору пѣту- шокъ: на головѣ красный гребешокъ, подъ носомъ— красная бородка. Носъ у Пети доломъ, хвостъ у Пети колесцомъ; на хвостѣ узоры, на ногахъ шпоры. Лапами Петя кучу разгребаётъ, курочекъ съ цыплятами созываетъ:

„Курочки-хохлатушки! хлопотуньи-хозяйюшки! пѣ- стренькія-рябинькія! чѣрненькія-бѣленькія! собирайтесь съ цыплятками, съ малыми ребятами: я вамъ зѣрнышко припасъ!“

Курочки съ цыплятками собрались, раскудахтались; зѣрнышкомъ не подѣлились—передрались.

Петя-пѣтушокъ безпорядковъ не любитъ—сейчасъ семью помирилъ: ту за хохоль, того за вихорь, самъ зѣрнышко съѣлъ, на плетень взлетѣлъ, крыльями зама- халь, во всё горло заораль: ку-ку-ре-ку!

Сравните пѣтуха съ кошкою и курицею.

Уточка.

Сидитъ Вася на бережку; смотритъ онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются: широкіе носики въ воду пря-

чуть, жёлтыя лапки на солнышкѣ сушать. Приказали Васѣ утокѣкь стеречь, а онѣ на воду ушли—и старыя,

и малыя: какъ ихъ теперь домой гнать? Вотъ и сталъ Вася утокѣкь кликать: „ути-ути-уточки! прожоры-тараторочки! носики широкіе, лапочки перепончатыя! полно вамъ червячковъ таскать, травку щипать, тину глотать, зобы набивать—пора вамъ домой идти!“

Уточки Васю послушались, на берегъ вышли, домой идуть, съ ноги на ногу переваливаются.

Сравните утку съ курицей.

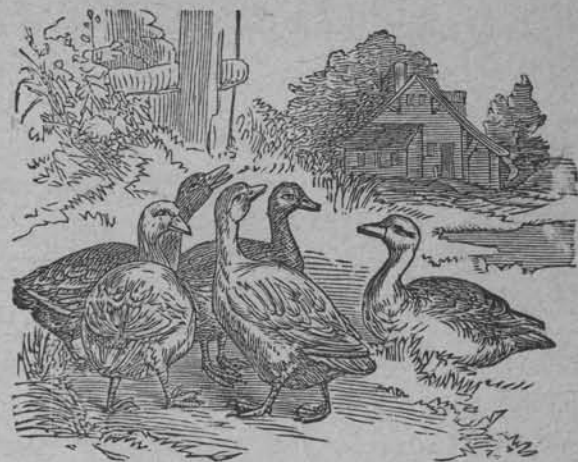
Бѣлая лебедушка и сѣрые гуси.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнаго,	По гусиному кричати;
Вылетало стадо лебединое,	Стали её щипать и рвать,
А другое гусиное.	А лебедушка просити:
Отставала лебедушка	— Не щиплите, гуси сѣрые!
Прочь отъ стада лебединого;	Не сама я залетѣла въ
Проставала лебедушка	вамъ,
Что ко стаду да сѣрыхъ гусей.	Не своею я волею,
Не умѣла лебедушка	Занесло меня погодою.

Г у с и.

Вышла хозяйошка и манить гусей домой: „теги-теги-теги! гуси бѣлые, гуси сѣрые, ступайте домой!“

А гуси шеи длинныя вытянули, лапы красныя растопырили, крыльями машутъ, носы раскрываютъ: „га-га-га! Не хотимъ мы домой идти! намъ и здѣсь хорошо“

Видитъ хозяйка, что добромъ отъ гусей ничего не добьёшься: взяла длинную хворостину и погнала ихъ домой.

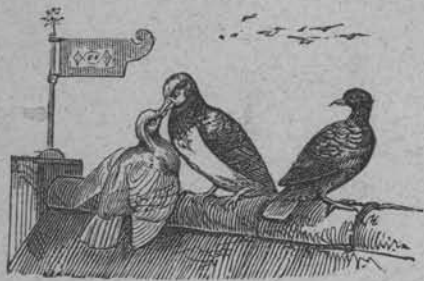
Сравните гуся съ курицею и уткою.

Гусь и журавль.

Плаваетъ гусь по пруду и громко разговариваетъ самъ съ собою: „Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по землѣ, и плаваю-то по водѣ, и летаю по воздуху: нѣтъ другой такой птицы на свѣтѣ! Я всёмъ птицамъ царь“.

Подслушалъ гуся журавль и говоритъ ему:—Прямой ты гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, какъ щука, бѣгать, какъ олень, или летать, какъ орёлъ? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чѣмъ всё, да плохо.

Г о л у б и.

Голуби-голубочки, мохноногіе воркуночки, на крышѣ сидючи, другъ на друга гляючи, цѣлуются, милуются, другъ другомъ любятоя, носики обчищаютъ, пёрышки выправляютъ. Вотъ по полю полетали, пшенички поклевали, зобки понабили, дѣткамъ кашу приготовили; а въ гнѣздышкѣ дѣтки, безпёрые голубятки, лежать—пищать, кушать хотять: носики раскрываютъ, мягкой кашки поджидаютъ.

Сравните голубя съ курицею.

Не смѣйся чужой бѣдѣ—своя на грядѣ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня: бѣдняжка въ ней и рвался, и метался; а голубь молодой надъ нимъ же издѣвался. „Не стыдно-ль,“ говоритъ, „среди бѣла дня попался! Не провели бы такъ меня: за это я ручаюсь смѣло“. Анъ смотришь! тутъ же самъ запутался въ силокъ! И дѣло! Вперёдъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

Сивка-бурка.

I.

Было у старика трое сыновей: двое умныхъ, а третій—Иванушка-дурачѣкъ; день и ночь дурачѣкъ на печи

Сивка-бурка. I. Было у старика трое сыновей: двое умныхъ, а третій—Иванушка-дурачѣкъ; день и ночь дурачѣкъ на печи

Посѣялъ старикъ пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ толочь и травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ: „Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно: поймите мнѣ вора!“

Приходитъ первая ночь. Отправился старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣноваль и проспалъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ: „всю ночь-де не спалъ, иззябъ, а вора не видалъ“.

На вторую ночь пошелъ средній сынъ и также всю ночь проспалъ на сѣновалѣ.

На третью ночь приходитъ чередъ дураку идти. Взялъ онъ арканъ и пошелъ. Пришелъ на межу и сѣлъ на камень: сидитъ, не спитъ, вора дожидается.

Въ самую полночь прискакалъ на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая—серебряная; бѣжить—земля дрожить, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ тотъ конь пшеницу ѣсть: не столько ѣсть, сколько топчетъ.

Подкрался дуракъ на четверенькахъ къ коню и разомъ накиннулъ ему на шею арканъ. Рванулъ конь изо всѣхъ силъ—не тутъ-то было! Дуракъ упѣрся, арканъ шею давитъ. И сталъ тутъ конь дурака молить: „отпусти ты меня, Иванушка, а я тебѣ великую со-служу службу“.—Хорошо, отвѣчаетъ Иванушка-дурачѣкъ: да какъ я тебя потомъ найду?—„Выйди за око-

Голь II.

лицу, говоритъ конь, свистни три раза и крикни: Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!—я тутъ и буду“. Отпустилъ коня Иванушка-дурачѣкъ, и взялъ съ него слово — пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Пришѣлъ Иванушка домой. — Ну, что, дуракъ, видѣлъ? спрашиваютъ братья. — „Поймалъ я, говоритъ Иванушка, разпощерстнаго коня; пообѣщался онъ больше не ходить въ пшеницу — вотъ я его и отпустилъ“. Посиѣялись вволю братья надъ дуракомъ; но только ужъ съ этой ночи никто пшеницы не трогалъ.

2.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ бирючи отъ царя ходить, кличъ кликать: „Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане, и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ, на три дня; берите съ собой лучшихъ коней, и кто на своёмъ конѣ до царевнина терема доскочитъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь царевну замужъ отдастъ“.

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья; не то, чтобы ужъ самимъ скакать, а хоть на другихъ посмотреть. Просится и Иванушка съ ними. „Куда тебѣ, дуракъ, говорятъ братья: людей, что-ли, хочешь пугать? Сиди себѣ на печи, да золу пересыпай“.

Уѣхали братья; а Иванушка-дурачѣкъ взялъ у невѣстокъ лукошко и пошѣлъ грибы брать. Вышелъ Ива-

нушка въ поле, лукошко бросилъ, свистнулъ три раза и крикнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Конь бѣжить — земля дрожить, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валить; прибѣжалъ — и сталъ конь передъ Иванушкой, какъ вкопанный. „Ну, говоритъ, влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай.“ Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ — и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Иванушка на коня и поскакалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ — видитъ: народу видимо, невидимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ: на рукѣ перстень цѣны нѣтъ, собою — красавица изъ красавиць. Никто до нея скакать и не думаетъ: никому нѣтъ охоты навѣрняка шею ломать. Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ — только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ. Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шёлковой плѣткой хлестнулъ. Кричитъ народъ: „держи! держи его!“ — а Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ къ нему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ опять прежнимъ Иванушкой-дурачкомъ. Отпустилъ Иванушка коня, набралъ лукошко мухоморовъ и принёсъ домой;

„Вотъ вамъ, хозяйшкн, грибовъ!“ говорить. Разсердились тутъ невѣстки на Ивана: „Что ты, дуракъ, за грибы принёсъ? Развѣ тебѣ одному ихъ ѣсть“. Усмѣхнулся Иванъ и опять залѣгъ на печь.

Пришли братья домой и рассказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были и что видѣли; а Иванушка лежитъ на печи да посмѣивается.

3.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошѣлъ за грибами. Вышелъ въ поле, свистнулъ, гаркнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Прибѣжалъ конь и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ—на площади народу ещё больше прежняго; всѣ на царевну любятъся, а прыгать никто и не думаетъ: кому охота шею ломать! Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ. Поворотилъ Иванушка коня, хлестнулъ братьевъ, чтобъ посторонились, и ускакалъ.

Приходятъ братья домой: а Иванушка уже на печи лежитъ, слушаетъ, что братья рассказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плёткой. Осерчалъ конь пуще прежняго: прыгнулъ и—досталъ до окна. Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ, не позабывши братьевъ плёткой огрѣть. Тутъ ужъ и царь, и царевна стали кричать: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришѣлъ Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана. „Что это у тебя такое?“ спрашиваютъ Ивана невѣстки.—Да вотъ, говорить, искавши грибовъ, сучкомъ накололся,— и полѣзъ Иванъ на печь. Пришли братья; стали рассказывать, что и какъ было; а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенёкъ посмотрѣть: какъ приподнялъ онъ тряпку, избу всю такъ и осіяло. „Перестань, дуракъ, съ огнёмъ баловать!“ крикнули на него братья: „ещё избу сожжѣшь; пора тебя, дурака, совѣзмъ изъ дому прогнать!“

Дня черезъ три идѣтъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться; а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ—тому голову съ плечъ.

Нечего тутъ дѣлать: пошѣлъ на пиръ самъ старикъ со всей семьёй. Пришли, за столы дубовые посадились; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторять. Въ концѣ пира стала

царевна мѣдомъ изъ своихъ рукъ гостей обносить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ послѣдному; а на дуракѣ-то платьишко худое, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть! „Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана?“ спрашиваетъ царевна: „развяжи-ка!“ Развязалъ Иванушка руку; а на пальцѣ царевинъ перстень—такъ всѣхъ и осіялъ. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела къ отцу и говоритъ: „вотъ, батюшка, мой суженый“.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что отецъ и братья глядятъ — и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Сыграли свадьбу царевны съ Иванушкой и сдѣлали пиръ на весь міръ. Я тамъ былъ: мѣдъ, вино пилъ; по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

ОГОРОДЪ И САДЪ.

Огородъ.

Огороды бываютъ возлѣ домовъ и обносятся заборомъ или плетнѣмъ. Огородъ обрабатываютъ сами хозяева или огородники; его сильно удобряютъ навозомъ. На огородѣ копаютъ грядки; на грядкахъ сѣютъ и сажаютъ огородныя овощи. Для гороха и бобовъ ставятъ тычинки и вѣшаютъ пугалы. Огороду вредятъ черви, воробьи, куры и домашній скотъ. Въ засуху грядки поливаютъ. Ого-

родныя овощи идутъ въ пользу людямъ, а остатки — домашнему скоту.

Весна говорить: гнило!

А лѣто: мило, лишь-бы было!

Мужикъ и медвѣдь.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ, и вздумали они вмѣстѣ рѣпу сѣять. Мужикъ сказалъ: „мнѣ корешокъ; а тебѣ, Миша, вершокъ“. Выросла славная рѣпа: мужикъ взялъ себѣ корешки, а Мишѣ отдалъ вершки. Поворчалъ Миша, да дѣлать нечего.

На другой годъ говорить мужикъ медвѣдю: „давай опять вмѣстѣ сѣять“. — Давай! только теперь ты себѣ бери вершки, а мнѣ отдай корешки, уговаривается Миша. „Ладно!“ говоритъ сговорчивый мужикъ, „пусть будетъ по-твоему“, и посѣялъ пшеницу. Хорошая пшеница уродилась: мужикъ получилъ вершки, а Миша корешки.

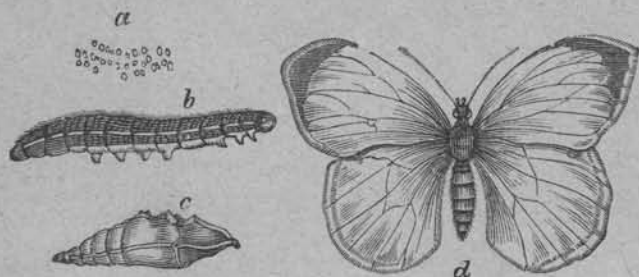
Съ тѣхъ поръ у медвѣдя съ мужикомъ и дружба врозь. *Что ѣдятъ у рыбы? у моркови? у картофля? у капусты? у мака? у ржи?*

Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и принёсъ къ отцу.

„Это вредная бабочка, сказалъ отецъ: если ихъ разведётся много, то пропадѣтъ наша капуста“.

— Неужели эта бабочка такая жадная? спрашивает мальчикъ.

„Не самая бабочка, а ея *гусеница*, отвѣчалъ отецъ: бабочка эта нанесётъ крохотныхъ яичекъ, а изъ яичекъ выползутъ червячки: ихъ-то и зовутъ гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и дѣлаетъ, что ѣсть да растётъ. Когда она вырастетъ, то сдѣлается *куколкой*. Куколка не ѣсть, не пьётъ, лежитъ безъ движенія; а потомъ вылетитъ изъ нея бабочка, такая-же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесётъ яичекъ и замрётъ гдѣ-нибудь на листкѣ“.

Разсказать по порядку превращенія бабочки.

С а д ъ.

Сады разводятся возлѣ домовъ и обносятся заборами или рѣшетками. Въ садахъ растутъ плодовые деревья, ягодные кусты и садовые цвѣты. Бываютъ въ садахъ и простыя красивыя деревья: хороши и тѣнисты липовыя

аллеи и бесѣдки. Дорожки въ саду усыпаютъ пескомъ. За садомъ смотритъ или самъ хозяинъ, или садовникъ. Садамъ вредятъ птицы, гусеницы и домашній скотъ. Кроты взрываютъ дорожки и портятъ клумбы.

Сравните садъ съ огородомъ.

С а д ъ.

Зеленѣйся, зеленѣйся,	Мои гости дорогие.
Мой зеленый садъ!	Сударь батюшка родимый
Расцвѣтайте, расцвѣтайте,	Будетъ по саду ходити,
Мои алыя цвѣточки!	Спѣлы ягоды щипати,
Поспѣвайте, поспѣвайте,	Меня младу похваляти,
Вкусны ягоды, скорѣй!	Что горазда садъ садити,
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ	Что горазда поливати,
	Отъ морозу укрывати.

Какія бываютъ растенія.

Изъ растеній мы знаемъ деревья, кусты, хлѣбныя растенія, овощи, грибы и травы.

У дерева одинъ толстый стволъ, много сучьевъ и вѣтокъ. На вѣткахъ или листья, или колючія иглы — *хвои*.

У куста не одинъ стволъ, а нѣсколько тоненькихъ стволовъ.

У хлѣбныхъ растеній, вмѣсто стебельковъ, — пустыя соломинки, а наверху колоски съ зѣрнышками.

У травы — тоненькій стебелѣкъ. У гриба нѣтъ ни листь-

евъ, ни вѣтокъ; только сверху шляпка, а снизу—корень.

У однихъ овощей мы ѣдимъ стручья и зѣрна, что въ стручьяхъ; у другихъ — корни; у третьихъ — листья.

Какія вы знаете деревья? кусты? хлѣбныя растенія? травы? грибы? овощи? цвѣты?

Пѣсенки цвѣтовъ.

Роза.

Зовутъ меня люди	Хоть кустъ мой зелёный
Царицей цвѣтовъ	Васъ ранить готовъ...
За цвѣтъ и за запахъ	Но кто жъ не проститъ мнѣ
Моихъ лепестковъ.	Колючихъ шиповъ?

Лилия

Въ моей бѣлой чашкѣ	И листикъ мой длинень,
Для всѣхъ ароматы	Но я не спѣсива:
И пыль золотая	И бабочкѣ пѣстрой,
Для пчёлки мохнатой;	Жучку, муравью
И стебель мой строень,	И всякой букашкѣ
Головка красива,	Пріютъ я даю.

Резеда.

Мой кустикъ не пышенъ	За то вы найдёте
И цвѣтъ не богатъ;	Вездѣ резеду:
Но издали слышенъ	И въ скромномъ букетѣ,
Мой всѣмъ аромать.	И въ царскомъ саду.

Роза

И по красотѣ, и по запаху розу называютъ царицею цвѣтовъ. Она растётъ на кустахъ. Корни у розоваго куста

длинные, крѣпкіе; коричневый стволъ и зелёные молодые побѣги покрыты колючими шипами. Листокъ на розовомъ кустѣ кругловатый съ острыми зубчиками. Цвѣты розы бываютъ бѣлые, пунцовые, розовые, жёлтые; но всегда одного цвѣта. У полныхъ розъ множество лепестковъ, сложенныхъ какъ шаръ.

Не красиво, да спасибо.

Простенькій, бѣленькій цвѣточекъ земляники выглядывалъ скромно изъ травы; а пышный тюльпанъ гордо покачивалъ надъ нимъ своею пестрою головкою. Прошло дней десять; на мѣстѣ бѣленькаго цвѣточка заалѣла душистая ягода, а на мѣстѣ гордаго тюльпана торчалъ увядшій стебель.

Тюльпанъ.

Тюльпанъ очень красивый садовый цвѣтокъ, но безъ запаха. Онъ вырастаетъ изъ луковицы. Луковица пускаетъ въ землю тонкіе корешки, точно ниточки; а вверхъ выгоняетъ длинные, гладкіе листья и круглый стебель. На стеблѣ раскрывается цвѣтокъ, похожій на колокольчикъ. Тюльпаны бываютъ жёлтые, красные и пѣстрые.

Сравните тюльпанъ съ земляникой и розой.

Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься.

Простой цвѣточекъ дикій попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой. И что же? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее знакомство—въ прибыль намъ.

Исторія одной яблоньки.

I.

Росла въ лѣсу дикая яблоня; осенью упало съ нея кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось въ землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко подъ снѣгомъ, а весной, когда солнышко пригрѣло мокрую землю, зерно стало проростать: пустило вниз корешокъ, а кверху выгнало два первые листика. Изъ-промежь листочковъ выѣжались стебелѣкъ съ почкой, а изъ почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листикъ за листикомъ, вѣточка за вѣточкой—и лѣтъ черезъ пять хорошенькая яблонька стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ упало зёрнышко.

Пришѣлъ въ лѣсъ садовникъ съ заступомъ, увидалъ яблоньку и говоритъ: „вотъ хорошее дерево; оно мнѣ пригодится“. Задрожала яблонька, когда садовникъ сталъ её выкапывать, и думаетъ: „пропала я совсѣмъ!“ Но садовникъ выкопалъ яблоньку осторожно, корешковъ не повредилъ, перенёсъ её въ садъ и посадилъ въ хорошую землю.

2.

Загордилась яблонька въ саду: „должно быть, я рѣдкое дерево,“ думаетъ она, „когда меня изъ лѣсу въ садъ перенесли“, и свысока посматриваетъ вокругъ на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что понала въ школу.

На другой годъ пришѣлъ садовникъ съ кривымъ ножомъ и сталъ яблоньку рѣзать. Задрожала яблонька и думаетъ: „ну, теперь-то я совсѣмъ пропала“.

Срѣзалъ садовникъ всю зелёную верхушку дерева, оставилъ одинъ пенёкъ, да и тотъ ещё расщепилъ сверху; въ трещину воткнулъ садовникъ молодой побѣгъ отъ хорошей яблони; закрылъ рану замазкой, обвязалъ тряпочкой, обставилъ новую прищепу колышками и ушѣлъ.

3.

Прихворнула яблонька; но была она молода и силь-

на, скоро поправилась и срослась съ чужой вѣточкой. Пьётъ вѣточка соки сильной яблоньки и растётъ быстро: выкидываетъ почку за почкой, листь за листкомъ, выгоняетъ побѣгъ за побѣгомъ, вѣточку за вѣточкой, и года черезъ три зацвѣло деревцо бѣлорозовыми, душистыми цвѣтами. Опали бѣлорозовые лепестки, и на ихъ мѣстѣ появилась зелѣная завязь, а къ осени изъ завязи сдѣлались яблоки; да ужъ не дикія кислицы, а большія, румяныя, сладкія, рассыпчатыя! И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что изъ другихъ садовъ приходили брать отъ нея побѣги для прищепъ.

Какъ разводятъ хорошія яблони?

Божья коровка.

Мальчикъ.

Посмотри, папа, какого я хорошенькаго, кругленькаго жучка поймалъ. Головка у него чѣрненькая, крылья красненькія, на крыльяхъ пятнышки. Да живъ ли онъ? Что-то онъ не шевелится.

Отецъ.

Живъ, а только прикинулся мѣртвымъ: сложилъ свои шесть ножекъ, спряталъ усики и ждѣтъ, чтобы ты

бросилъ его на траву. Это *божья коровка*, очень полезный жучёкъ. Онъ, а ещё больше его гусеница, истребляютъ множество вредныхъ зеленоватыхъ насѣкомыхъ, что кучами живутъ на листьяхъ и портятъ растенія.

Дитя.

Посмотри, папа, жучёкъ очнулся и взлѣзъ мнѣ на палецъ. Куда-то онъ ползѣтъ дальше?

Отецъ.

Вотъ увидишь: посмотри, какъ онъ раздвигаетъ свои твёрдыя надкрылья и распускаетъ изъ-подъ нихъ настояція крылышки—лѣгкія и прозрачныя.

Сынъ.

Вотъ и улетѣлъ: какой же онъ хитрый жучёкъ! Сравните божью коровку съ бабочкою.

Летитъ жукъ да шумитъ: „убью! Гусь спрашиваетъ: „кого?“ Телёнокъ говоритъ: „меня!“ А уточка: „такъ-такъ-такъ!“

Мотылёкъ.

Мальчикъ.

Расскажи, мотылёкъ, Какъ тебѣ не устать
Чѣмъ живѣшь ты, дружокъ? День-деньской всё порхать?

Мотылекъ.

Я живу средь луговъ
Въ блескъ лѣтняго дня,
Ароматы цвѣтовъ—
Вотъ вся пища моя.

Но короткъ мой вѣкъ—
Онъ не долѣе дня:
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня.

Воронъ и сорока.

Пѣстрая сорока прыгала по вѣткамъ дерева и безъ умолку болтала, а воронъ сидѣлъ молча. „Что-жъ ты молчишь, куманѣкъ, или ты не вѣришь тому, что я тебѣ рассказываю!“ спросила, наконецъ, сорока.

— Плохо вѣрю, кумушка, отвѣчалъ воронъ: кто такъ много болтаетъ, какъ ты, тотъ навѣрно и много врѣтъ.

Ласточка.

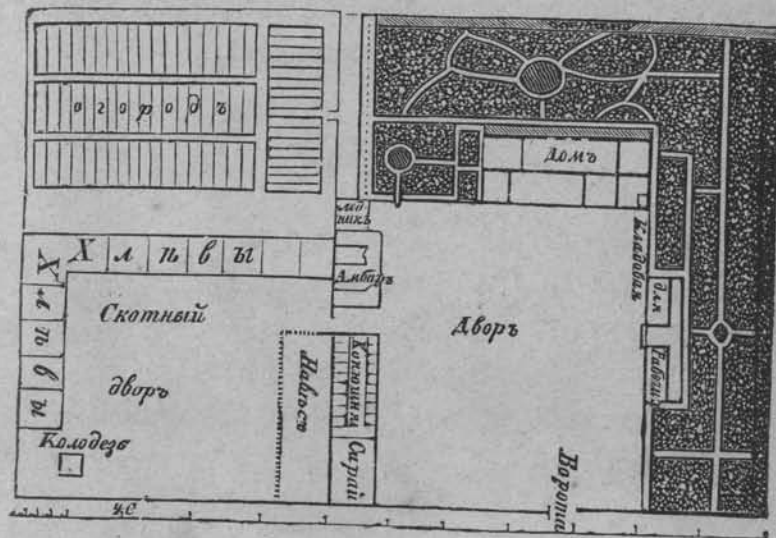

Ласточка-касаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глиной лѣпила, гнѣздышко вила. Свила себѣ гнѣздышко: яички носила. Нанесла яичекъ: съ яичекъ не сходить, дѣтокъ поджидаетъ. Высидѣла дѣтушекъ: дѣтки пищать, кушать хотятъ. Ласточка-касаточка день-деньской летаетъ, покою не знаетъ: ловить мошекъ, кормить крошекъ.

Придѣтъ пора немнучая, дѣтки оперятся, всё врозь разлетятся за синія моря, за тѣмные лѣса, за высокія

горы. Ласточка-касаточка не знаетъ покою: день-деньской всё рыщетъ—милыхъ дѣтокъ ищетъ.

Какъ живетъ ласточка и какъ курица?

Расскажите, что начерчено на этомъ планѣ?

Загадки: 1) Сидитъ красная дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ.—2) Ни окошекъ, ни дверей, полна горница людей.—3) Семьдесятъ одѣжекъ, а всё безъ застѣжекъ; ни шитъ, ни кроенъ, а весь въ рубцахъ.

Не плюй въ колодець — пригодится воды напиться.

I.

Жили себѣ дѣдъ да баба; у дѣда была дочь и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у ней такая же.

Годъ II.

Дѣдъ былъ человѣкъ смиренный, и дочь его Машенька—тоже дѣвочка смиренная, работающая, красавица.

Не влюбилась мачиха Машеньки и пристала къ дѣду: „Не хочу съ Машкой жить! Вези её въ лѣсъ, въ землянку; пусть тамъ прядётъ—больше напрядётъ.“

Совсѣмъ зашла мужика злая баба; нечего тому дѣлать: запрѣтъ онъ телѣгу, посадилъ Машу и повѣзъ въ лѣсъ. Ъхали, ѡхали и нашли они въ лѣсу землянку. Жаль старику дочери, да дѣлать нечего! Даль онъ ей огниво, кремешокъ, труту и мѣшочекъ крупъ, и говорить: „огонёкъ, Маша, не переводи, кашку вари, избушку припри, а сама сиди да пряди; завтра я приѣду

тебя провѣдать.“ Попрощался старикъ съ дочерью и поѡхаль домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а какъ пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только что каша закипать стала, какъ вылѣзла изъ-подъ полу мышка и говоритъ: „дай мнѣ, красная дѣвица, ложечку кашки.“ Машенька до-сыта мышку накормила; а мышка поблагодарила её и спряталась.

Поужинала Маша и сѣла опять прядь. Вдругъ, въ самую полночь, вломился медвѣдь въ избу и говоритъ Машѣ: „А ну-ка, дѣвушка, туши огонь, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ серебряный колокольчикъ: бѣгай да звони, а я буду тебя ловить.“

Испугалась Маша, не знаетъ, что ей дѣлать; а мышка вылѣзла изъ-подъ полу, взбѣжала дѣвчкѣ на плечо, да въ ухо и шепчетъ: „Не бойся, Маша, туши огонь, полѣзай сама подъ печь, а колокольчикъ мнѣ отдай.“ Машенька такъ и сдѣлала.

Сталъ медвѣдь въ жмурки играть: никакъ мышки поймать не можетъ; а та бѣгаетъ да колокольчикомъ звонить. Ловилъ медвѣдь, ловилъ, — разозлился, заревѣлъ и сталъ полѣньями во всѣ углы швырять: перебилъ всѣ горшки и миски, а въ мышку не попалъ. Присталъ, наконецъ, медвѣдь и говоритъ: „Мастерица ты, дѣвушка, въ жмурки играть! За это пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра.“ и ушѣлъ.

II.

Поутру баба сама посылаетъ дѣда въ лѣсъ: „поѣзжай; посмотри, много ли твоя Машутка напряла!“

Уѣхаль старикъ, а баба сѣла у окна и дожидается, что вотъ-де пріѣдетъ дѣдъ, Машуткины косточки въ мѣшкѣ привезётъ.

Сидить баба часъ, другой, слышитъ, что-то по дорогѣ изъ лѣсу тарахтитъ, а шавка изъ-подъ лавки: „Тяфь-тяфь-тяфь! Со старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонить, возъ добра везётъ.“ Крикнула баба на собачку: „врѣшь ты, шавка: это въ кузовѣ Машуткины косточки гремятъ.“ Но заскрипѣли ворота, кони на дворъ вбѣжали: а Маша съ отцомъ сидятъ на возу—полонъ возъ добра! Почернѣла тутъ баба отъ злости и говорить: „Эка невидаль какая! Вези мою дочку въ лѣсъ: моя Наташа не твоей Машкѣ чета—два стада коней пригонить, два воза серебра привезётъ.“

III.

На другой день дѣдъ отвѣзъ бабину дочь въ землянку и снарядилъ её всѣмъ, какъ и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула изъ-подъ полу и просить: „красная дѣвица, дай мнѣ ложечку кашки.“ А Наташа какъ крикнетъ: „ишь ты, гадина какая! ещё каши захотѣла!“ и швырнула въ мышку полѣномъ. Мышка убѣжала, а Наташа сѣла, всю кашу сама пріѣла и легла спать.

Въ самую полночь вломился медвѣдь въ избу: „А ну-ка, дѣвушка, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ колокольчикъ, бѣгай да звони, а я буду тебя ловить.“ Взяла Наташа колокольчикъ и стала бѣгать, да куда—колѣна трясутся, рука дрожить, колокольчикъ безъ толку звонить; а мышка и ѣ-подъ полу отзывается: „злой Наташкѣ избитой быть!“

На утро баба посылаетъ старика въ лѣсъ: „поѣзжай, говорить, гони коней, вези серебро.“

Уѣхаль старикъ, а баба сѣла у воротъ и дожидается. Вотъ затарахтѣло по дорогѣ изъ лѣсу, а собака изъ-подъ воротъ: „Тяфь-тяфь-тяфь! Хозяйкина дочка ѣдетъ, охаетъ да кричитъ; а пустой возъ тарахтитъ.“ Швырнула баба въ собачку полѣномъ: „врѣшь ты, шавка! это серебро въ сундукахъ звенить.“

Подѣхаль старикъ съ Наташей, и пасилу-то её съ пустого воза сняли. Завыла тутъ злая мачиха, да дѣлать нечего; а Машенька скоро потомъ за хорошаго молодца замужъ вышла.

НА УЛИЦѢ И НА ДОРОГѢ.

Приглашеніе на улицу.

По лугамъ вода разливалась,
По садамъ пташки разлетались;
Одна пташка тамъ осталася,
Раскричалася.

Она по пёрышкамъ — перепёлушка,
 А по голосу — красна-дѣвушка;
 Она звала братца играть на улицу,
 На широкую.
 Братецъ миленькій! лебедь бѣленькій!
 Ты пойдн со мной играть на улицу,
 На широкую.
 Ты, братъ, съ гусями; я съ ладонями,
 Съ перебоями.

Наша улица.

Улица, гдѣ стоитъ наша школа, очень длинна. Она идѣтъ отъ заставы до площади, гдѣ стоитъ соборъ. Въ неё выходитъ много переулковъ. Дома на улицѣ стоятъ по обѣ стороны рядами; у домовъ идутъ тротуары со столбиками, а по срединѣ каменная мостовая. На нашей улицѣ много вывѣсокъ: есть вывѣска булочника, портного и сапожника; есть нѣсколько магазиновъ и лавокъ.

Такова ли ваша улица?

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая — пустая. Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ плетѣтся, другая вскачь несѣтся. Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ, и пыль столбомъ. Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмѣтся, её заслышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Худое колесо громче скрипитъ.

Булочникъ.

Люблю я ходить мимо булочной: тамъ, за окномъ, лежать румяныя булки, вкусныя крендели и сухари. Но жарко, должно быть, булочнику возиться около огромной печи.

Я знаю, что булки пекутъ изъ пшеничной муки. Муку разводятъ водою, прибавляютъ дрожжей и ставятъ тѣсто въ квашнѣ куда-нибудь въ тёплое мѣсто. Когда тѣсто подыметъ, тогда начинаютъ его мѣсить и лѣпятъ изъ него булки и крендели; потомъ кладутъ ихъ на желѣзный листъ и ставятъ въ вытопленную печь, гдѣ уже нѣтъ ни огня, ни угольевъ.

Много работы булочнику, и работаетъ онъ по ночамъ, чтобы утромъ были готовы къ чаю свѣжія булки.

Разскажите по порядку, изъ чего и какъ дѣлаютъ булки.

Какъ Митѣ сшили сюртукъ.

Отецъ захотѣлъ сшить Митѣ суконный сюртукъ. Пришѣлъ портной и снялъ съ Мити мѣрку. Воротясь домой, портной развернулъ штуку сукна и нарисовалъ на нёмъ мѣломъ части сюртука: спинку, грудь, полы, рукава, воротникъ, лацканы и обшлага. Потомъ взялъ онъ большія ножницы, выкроилъ всё эти части и отдалъ въ мастерскую, гдѣ на лавкахъ сидѣли и шили работники. Работники стали пришивать одну часть сюртука къ другой и разглаживать швы утюгомъ. Черезъ недѣлю всё было сшито, петли обмѣтаны, пуговицы пришиты, подкладка подложена. Тогда работники вычистили сюртукъ и отнесли его къ хозяину, а хозяинъ отнёсъ Митѣ. Сюртукъ былъ какъ-разъ въ пору. Митинъ отецъ заплатилъ портному за матеріаль, за прикладъ и за работу; а сыну сказалъ: „носи на здоровье, да береги! сюртукъ стоитъ не дешево.“

Назовите всѣ части сюртука. Кто и какъ его сшилъ?

Сапожникъ.

Сапожникъ снимаетъ мѣрку съ ноги. По этой мѣркѣ дѣлаетъ онъ изъ дерева *колодку*. Острымъ ножёмъ выкроить онъ изъ кожи верхъ сапога и голенище, размочить ихъ въ водѣ и прибить гвоздиками на колодку. Когда кожа высохнетъ на колодкѣ, то приметъ форму сапога, и тогда сапожникъ снимаетъ сапогъ съ

колодки и пришиваетъ къ нему подошву. Подошву выкраиваетъ сапожникъ изъ толстой бычачьей кожи. Шьётъ сапожникъ не иглой, а шиломъ: проколетъ шиломъ дырочку и продёрнетъ въ неё *дратву*. Дратва дѣлается изъ крѣпкихъ нитокъ, просмоленныхъ смолою. Чтобы дратву удобнѣе было вдѣвать, къ ней привязываютъ твёрдую свиную щетину.

Пришивъ подошву, сапожникъ придѣлываетъ каблукъ и вбиваетъ въ него гвоздики; потомъ пришиваетъ къ голенищамъ ушки, чернить сапоги, чистить ихъ ваксою и несётъ тому, кто заказывалъ.

Назовите всѣ части сапога; расскажите, изъ чего и какъ его сшили?

*ЗАГАДКА: Сквозь быка и барана свинья лёнь волочить.

Ремесло не коромысло, плечъ не оттянетъ, а само прокормитъ.—Ладти плестъ—однова въ день пѣтъ.—У портного и локоть на отлетъ. Крой да пѣсни пой, шить станешь—наплачешься.—Безъ клинъевъ кафтана не сошьешь.

Въ дорогѣ.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ;
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ

Только вёрсты полосаты
Попадаютъ однѣ.

Загадка: Самъ не видитъ, не слышитъ, другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счётъ ведётъ.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Катить баринъ въ своей бричкѣ, на тройкѣ, во всю мочь, и спрашиваетъ у встрѣчнаго мужика: далеко ли до города? Посмотрѣлъ мужичокъ на колёса и говорить: „а какъ тише, баринъ, поѣдешь, то къ ночи доѣдешь“. Разсердился баринъ на глупый отвѣтъ и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Не проѣхалъ баринъ и трёхъ вёрстъ, какъ переднее колесо разлетѣлось; а желѣзная ось съ размаху въѣхала въ землю и лопнула пополамъ. Къ счастью, не подалѣку отъ дороги была кузница; кое-какъ дотащили туда бричку и чинили её цѣлый день. Только на другой день къ ночи попалъ баринъ въ городъ.

Куй желѣзо, пока горячо.

Большая печь въ кузницѣ называется *горномъ*. Въ горнѣ много горячихъ угольевъ, а съ-боку придѣланъ большой *мѣхъ*. Помощникъ кузнеца раздуваетъ мѣхомъ уголья, чтобы жарче горѣли.

Кузнецъ берётъ полосу желѣза и кладётъ её въ горнѣ. Желѣзо раскаляется, краснѣетъ, потомъ бѣлѣетъ и дѣлается мягкимъ. Кузнецъ берётъ желѣзо изъ горна боль-

шими щипцами, кладётъ его на желѣзную наковальню и начинаетъ ковать тяжёлымъ молотомъ, что кому нужно: подкову, гвоздь, топоръ, желѣзную ось. На кузнецѣ кожаный передникъ, потому что отъ раскалённаго желѣза сыплется искры.

Кузницу устраиваютъ возлѣ города и покрываютъ дѣрномъ, чтобы она не загорѣлась отъ искръ.

Какъ куютъ желѣзо и что изъ него дѣлаютъ?

Не огонь желѣзо калитъ, а мѣхъ.— У кузнеца—что стукъ, то гривна.

Какъ человекъ ѣздитъ по землѣ.

Ходитъ человекъ, хотъ не то, чтобы очень тихо, а всё-же не далеко бы онъ ушѣлъ на своихъ на двѣ хлѣ.

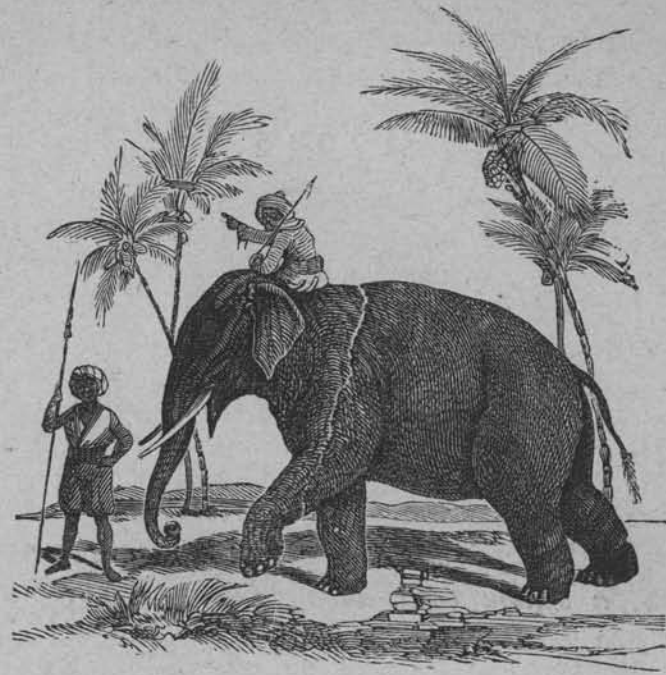
Но не даромъ Богъ далъ человѣку разумъ. Видитъ человѣкъ, что лошадка на своихъ четырехъ бѣгаетъ скорѣе его, и сѣмѣль взлѣсть къ ней на спину; сѣдло приладилъ, узду въ ротъ всунулъ; а потомъ придумалъ телѣги на колѣсахъ и сани на полозьяхъ—и вотъ, не уставая самъ, сталъ уѣзжать въ день вёрсты по сту и больше; заставилъ лошадку и пахать, и боронить, и обозы возить.

Да и съ одной ли лошадейю совладалъ человѣкъ? Покорилъ онъ своей волѣ и сильнаго вола съ могучей шеей, и длинноногаго верблюда съ жирными горбами, и лёгкаго оленя съ вѣтвистыми рогами. Мало этого: взлѣзъ человѣкъ на спину громадному слону и, сидя на нёмъ какъ муха, поколачиваетъ его въ голову молоточкомъ и ѣдетъ, куда угодно.

Замѣтилъ человѣкъ, что по ровной дорогѣ колесо ровнѣе катится и ѣхать легче, и сталъ ровнять большія почтовые дороги и прокладывать шоссе.

Какъ ѣздятъ люди по землѣ?

Шоссе и проселокъ.

Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога,
Ты въ даль протянулась, пряма какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!
Въ тебѣ, что ни шагъ—то мужикъ работаль,
Прорѣзываль горы, мосты настилаль.

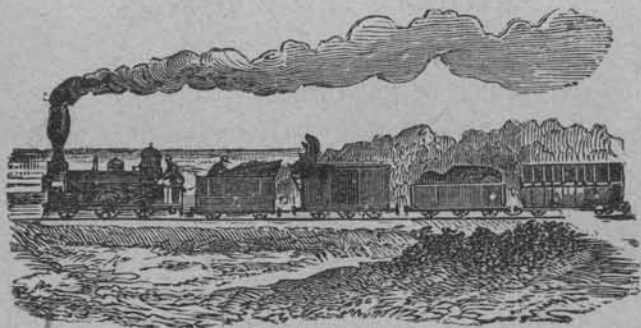
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вѣется живая дорожка
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывёшь?
Пдѣшь колесинъ ты, не зная разбору,
По рвамъ, по долинамъ, чрезъ рѣчку и гору.

Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата!

Обозъ

Шёлъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами;
Не возикъ и не возъ, возище то валить.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набить?
— Да пузырями.

*Языкъ до Кіева доведетъ. — Дорогой пять, а прямо
десять. — Подъ гору вскачь, а въ гору хотъ плачь. — Ъдешь
на день, а хлѣба бери на недѣлю. — Купи, денегъ не
жалѣй, со мной ѣздитъ веселѣй.*

Какъ ѣздить безъ лошадей.

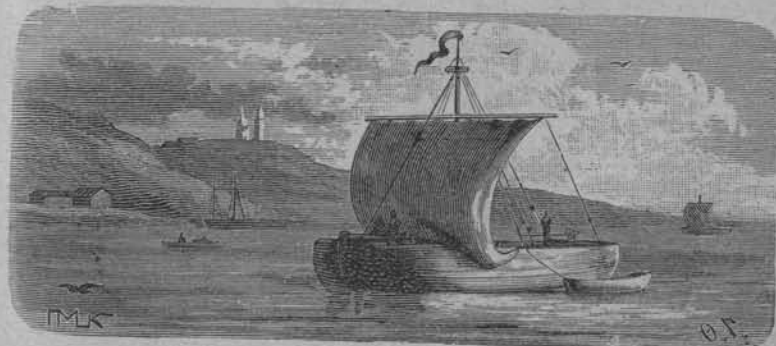
Тихо показалось челоуѣку ѣздить на долгихъ и на почтовыхъ, по простой дорогѣ и по шоссе; сталъ онъ думашку думать и выдумалъ *жельзную дорогу*. Про-

копать онъ горы, сравнилъ долины, проложилъ мосты и сдѣлалъ прямую, какъ стрѣла, дорожку, словно *полотно* разостлалъ. На этомъ полотнѣ положилъ чугуныя колеи—*рельсы*, а на рельсы поставилъ желѣзную машину съ трубою, котломъ и печкою, точно самоваръ. Въ печку дрова или уголь кладётъ, въ котлѣ воду кипятить, а на парахъ катить безъ лошадей, да такъ, что ни на какой лошади его не догонишь,—вѣреть по 50 въ часъ, по 1000 въ сутки. Катить желѣзная машина по *чугункѣ*, пыхтитъ, свистить, устали не знаетъ, только дрова и воду по станціямъ забираетъ. Тащить она цѣлый рядъ *вагоновъ*: въ однихъ вагонахъ сотни людей сидятъ, въ окошечки смотрять; а въ другихъ—чтò товару наложено—страсть.

Чугунка.

Полотно, а не дорожка,	Мчитъ стрѣлой, не то-что тянетъ,
Конь не конь, сороконожка	Не запнѣтся, не устанетъ;
По дорожкѣ той ползѣтъ,	Только съ присвистомъ пыхтитъ;
Весь обозъ одна везѣтъ.	Въ часъ полсотни укатить.

Какъ ѣздитъ по землѣ безъ лошадей?

Какъ человекъ ѣздитъ по водѣ.

Плавать человекъ не очень гораздъ: какъ ни учится, а плаваетъ всё хуже рака, не то что рыбы. „Это дѣло не ладно!“ подумалъ человекъ: выдолбилъ изъ дерева лодку, вырѣзалъ весельце—и поѣхалъ.

Надоѣло человеку весломъ махать: машешь-машешь, пристанешь,—а всё не далеко уѣхалъ. Какъ тутъ быть? И подумалъ человекъ: зачѣмъ это вѣтеръ даромъ по свѣту гуляетъ, по дорогѣ пыль подымаетъ, по морю волны, по небу облака гоняетъ? Дай-ка я заставлю его себя возить! Взялъ человекъ полотно, натянулъ на мачту, сдѣлалъ парусъ—и потащилъ вѣтеръ маленькую лодку и огромный корабль.

Запрѣгъ-то человекъ вѣтеръ, запрѣгъ; да нѣту кнута,

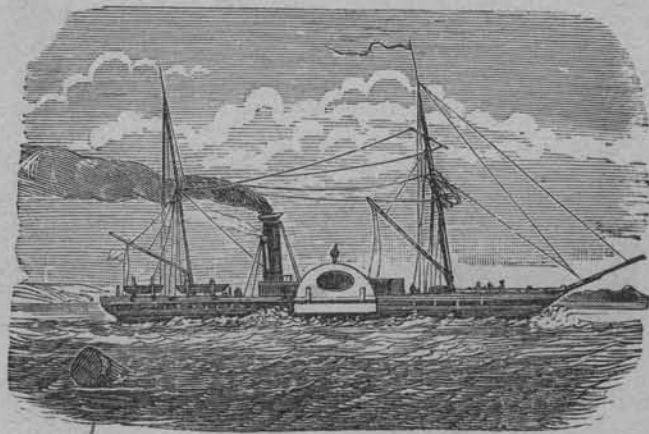
чтобъ вѣтеръ погонять; нѣту узды, чтобъ сдержать; нѣтъ вожжей, чтобъ управлять.

Корабль.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.

Какъ придумалъ человекъ ѣздить по водѣ?

Волга—добрая лошадка: все свезетъ.—Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ.

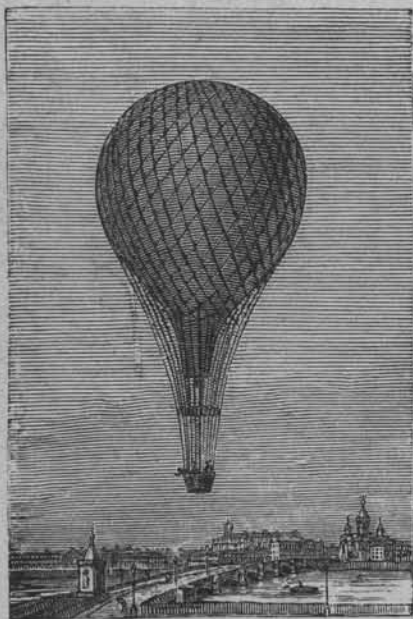
По водѣ на колесахъ.

Хорошо было-бы на парусахъ ѣздить, еслибы вѣтеръ насъ слушался; да въ томъ-то и бѣда, что хочешь ты ѣхать на югъ, а онъ тебѣ дуетъ на сѣверъ; хочешь ты ѣхать сегодня, а онъ говоритъ тебѣ: „погоди до

завтрева! сегодня я спать хочу“; хочешь ѣхать потихоньку, а онъ корабль твой какъ щепку кидаетъ, кверху дномъ переворачиваетъ.

„Нѣтъ, это не ладно!“ сказалъ человѣкъ: „парь хотъ ише вѣтра возить, за то послушиѣ“. Придѣлалъ человѣкъ къ кораблю колѣса, заставилъ парь тѣ колѣса вертѣть, и поѣхалъ по морю, словно по-суху, на колѣсахъ. Топитъ себѣ на кораблѣ печку, воду въ котлѣ кипятить, дымъ въ трубу выпускаетъ, а на парахъ ѣдетъ и противъ теченія, и противъ вѣтра,—куда хочеть.

Какую пользу приносятъ пароходы?

Какъ летаютъ люди по воздуху?

Стало свободно человѣку и по землѣ, и по водѣ ѣздить; но позавидовалъ онъ птицамъ небеснымъ. Крыльевъ Богъ человѣку не далъ—взять ихъ негдѣ; а не дурно бы по воздуху летать: не нужно тамъ ни шоссе дѣлать, ни полотна настилать—всюду дорога широкая. Сталъ человѣкъ учить-

ся да думать: выдумалъ *воздушный шаръ*, привѣсилъ къ шару лодочку и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, выше орла быстрокрылаго. Одна бѣда—неугомонный вѣтеръ обижаетъ человѣка въ воздухѣ еще хуже, чѣмъ на морѣ: носить его, куда ему, вѣтру, вздумается, а не куда человѣку хочется, и не можетъ человѣкъ до сихъ поръ на воздухѣ съ вѣтромъ справиться.

Село и деревня.

Въ селѣ и деревнѣ много крестьянскихъ дворовъ. Въ селѣ дворовъ больше и есть церковь; въ деревнѣ дворовъ меньше и церкви нѣтъ. Жители деревни ходятъ въ церковь въ ближайшее село. Улицъ въ селѣ и деревнѣ немного, и тѣ немощенныя; избы бревенчатыя, инныя съ тесовыми, инныя съ соломенными крышами. Въ деревнѣ есть овины, гумна, скотные дворы, огороды и сады. Заборы попадаются рѣдко, а чаще плетни. На улицѣ въ деревнѣ встрѣтишь у крестьянъ телѣги, сохи и бороны, а зимою—дровни и розвальни. Жители деревень и сѣлъ, по большей части, занимаются земледѣлемъ и скотоводствомъ; но есть богатыя *промышленныя* сѣла, гдѣ много *фабрикъ*.

Новоселовка и Михайловка.

Гулюшки, голубокъ,
Мой сизенькій воркунокъ!

Мимо терема леталъ,
Ворковалъ;

Къ окну прилетѣлъ,
Послушалъ,
Что въ теремѣ говорятъ,
Во высокомъ гуторять.
А въ теремѣ говорятъ,
Новосѣловку всё корятъ:
Новосѣловка — слобода
Крапивою заросла,
Полыномъ зацвѣла;
Тамъ некому поиграть,
Тамъ некому поплясать;
Тамъ дѣвушки босыя,

Сравните Новоселовку съ Михайловкой.

Молодушки косыя.
А въ теремѣ говорятъ,
Михайловку всё хвалятъ:
Михайловка — слобода
Малиною заросла,
Калиною зацвѣла;
Тамъ есть кому поиграть,
Тамъ есть кому поплясать;
Тамъ дѣвушки въ баш-
мачкахъ,
Молодушки въ ходоч-
кахъ.

Городъ.

Въ каждомъ уѣздѣ сѣль и деревень много, а уѣзд-
ный городъ одинъ. Въ городѣ деревянные или камен-
ные дома крыты тѣсомъ или желѣзомъ; нѣтъ ни гу-

мѣнь, ни овиновъ, а магазины да лавки; между домами
не шлетни, а заборы или хорошія рѣшѣтки. Въ боль-
шомъ городѣ улицы мощѣны камнемъ, а по бокамъ улицъ
тротуары. Въ городѣ нѣсколько площадей, улицъ и пе-
реулковъ. На улицахъ попадаются на встрѣчу дрожки,
кареты, коляски, а зимою — городскія сани. Церквей
въ городѣ нѣсколько, и одна называется соборною. Жи-
тели города занимаются ремѣслами, торговлею и служ-
бою. Вокругъ иныхъ городовъ много фабрикъ, простыхъ
и паровыхъ, съ высокими трубами.

Города бываютъ разные: *защитные, уѣздные, гу-
бернскіе и столичные.*

Въ Россіи двѣ столицы: Петербургъ и Москва. Въ
Петербургѣ живѣтъ Государь.

Сравните городъ съ деревней. Какіе бываютъ города?

Чудный работникъ.

Скрипъ машинъ неугомонный;
Веретѣнь, колѣсъ мильоны:
Всѣ скрежещутъ и визжать,
И не люди ихъ вертятъ.
Какъ по щучьему велѣнью,
Паръ приводитъ всё въ движеніе:
Паръ молотитъ, паръ и ткѣтъ,
Шерсть, бумагу, лёнъ прядѣтъ,
И узоры вышиваетъ,
И монету выбиваетъ,
Лѣсъ пилитъ, гранитъ хрусталь,
Масло бѣтъ, шлифуетъ сталь.

Ярмарка.

Флагъ поднять, ярмарка открыта. Народомъ площадь вся покрыта; глядятъ изъ лавокъ кушаки и разноцвѣтные платки, и разноцвѣтная серпянка; тутъ груды чашекъ и горшковъ, корчалъ, бочёнковъ, кувшиновъ; тамъ—лыки, вѣдра и ушаты, лотки, подойники, лопаты.

Весёлый говоръ, крикъ торговли, пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ и ранній звонъ колоколовъ — всё въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли приподнялись по верхъ воевъ, какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Куплей да продажей торгъ стоитъ.—Ваши деньги, нашъ товаръ.—Чего мало, то дорого; чего много, то дешево.—На базаръ ѣхать—съ собой цѣны не возить.—Торгуй правдою—больше барыша будетъ.

Зимнее утро въ столицѣ.

Встаётъ купецъ, идётъ разносчикъ,
На биржу тянется извозчикъ;
Съ кувшиномъ охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходить голубымъ;
И хлѣбникъ—нѣмецъ аккуратный—
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васъ-исъ-дасъ*.

Змѣй и цыганъ.

1.

Въ старые годы повадился въ одну деревнюшку змѣй летать, людей пожирать: всѣхъ переѣлъ, одинъ мужикъ остался.

Шёлъ мимо этой деревни цыганъ, и захотѣлъ на ночлегъ пристать. Въ какую избу ни заглянетъ—пусто! Зашёлъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку: сидитъ тамъ да плачетъ остальной мужичокъ. „Ты зачѣмъ сюда, цыганъ? спрашиваетъ мужичокъ:—видно жизнь тебѣ надоѣла.“—А что?—„Да вѣдь повадился сюда змѣй летать: всѣхъ поѣлъ; а завтра прилетитъ—меня сожрётъ и тебѣ не сдобровать: разомъ двухъ съѣстъ“.—А, можетъ, подавится, отвѣчаетъ цыганъ;—ляжемъ-ка спать: утро вечера мудренѣе.

Переночевали. Утромъ поднялся вдругъ вихрь: затряслась изба и прилетаетъ змѣй. „Ага, говоритъ, прибыль есть! оставилъ одного мужика, а нашёлъ двухъ—будетъ чѣмъ позавтракать“.—Будто и въ-правду съѣшь? спрашиваетъ цыганъ. „Да таки съѣмъ“.—Врѣшь; подавишься!—„Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня?“—Еще бы! отвѣчаетъ цыганъ; чай самъ знаешь, что у меня силы больше твоей.— „А ну, давай, попробуемъ, кто кого сильнѣе“.—Давай.

Змѣй взялъ жёрновъ и говоритъ: „Смотри: я этотъ камень одной рукой раздавлю“, стиснулъ жёрновъ въ

горсти такъ, что тотъ весь въ песокъ разсыпался— только искры брызнули.— Эко диво! говоритъ цыганъ,— а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Взялъ съ полки узелокъ творогу и ну давить: сыворотка и потекла.— Что, видѣль? У кого силы больше?— „Правда твоя, говоритъ змѣй: рука у тебя сильнѣе; а вотъ попробуемъ, кто крѣпче свистнетъ“.— Ну, свисти!— Змѣй какъ свистнулъ— со всѣхъ деревъ листь осыпался.— Хорошо, братъ, свистишь, говоритъ цыганъ:— а всё не по моему; завяжи-ка наперѣдъ свои бѣлмы, а то я какъ свистну, то онѣ у тебя изо лба повскочатъ.— Завязалъ змѣй платкомъ глаза и говоритъ: „А ну-ка, свисти!“ Цыганъ взялъ дубину, да какъ свиснетъ змѣя по башкѣ, такъ что тотъ во всё горло заоралъ: „Полно, полно, братъ цыганъ! не свисти больше, и съ одного разу глаза чуть на лобъ не вылѣзли.“— Какъ знаешь, говоритъ цыганъ,— а я еще готовъ разокъ-другой свистнуть.— „Нѣтъ, не надо; не хочу больше спорить, отвѣчаетъ змѣй;— давай лучше побратаемся!“— и побратались цыганъ со змѣемъ.

II.

Говоритъ змѣй цыгану: „ступай, братъ, на степь, тамъ пасѣтся стадо воловъ: выбери самага жирнаго и волоки сюда на обѣдъ“. Пошѣлъ цыганъ на степь, нашѣлъ гуртъ воловъ: давай ихъ ловить да другъ съ дружкой за хвосты связывать. Ждалъ-ждалъ змѣй— не дождался; побѣжалъ самъ: „Что такъ долго?“— А вотъ по-

годи, навяжу штукъ сорокъ да заразы и поволоку, чтобы на цѣлый мѣсяць хватило. „Экой ты какой! говоритъ змѣй:— нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать— будетъ съ насъ и одного“. Ухватилъ змѣй самага жирнаго вола за хвостъ, сдѣрнулъ шкуру, взвалилъ и шкуру и мясо на плечи, и потащилъ домой. „Какъ же, братъ, говоритъ цыганъ:— я столько штукъ навязалъ— неужели же бросить?“— Ну, брось.

Пришли въ избу, наложили два котла мяса, а воды нѣтъ.— „На тебѣ воловью шкуру, говоритъ змѣй: набери полную воды и принеси сюда“. Потащилъ цыганъ къ колодцу воловью шкуру: еле-еле порожнюю тащить; пришѣлъ и давай колодецъ кругомъ окапывать. Змѣй ждалъ-ждалъ— не дождался, побѣжалъ самъ. „Что ты дѣлаешь?“— Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ:— хочу колодецъ кругомъ окопать и въ избу переташить, чтобы не нужно было всякій разъ по воду ходить.— „Экой ты какой! много затѣваешь“, сказалъ змѣй: набралъ полную шкуру воды и понёсъ домой.

Есть и мясо, и вода, да дровъ нѣтъ, и говоритъ змѣй цыгану: „сходи, братъ, въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки сюда“. Пошѣлъ цыганъ въ лѣсъ: началъ лыки драть да верёвки вить. Ждалъ-ждалъ змѣй— не дождался, опять бѣжить: „Что ты здѣсь дѣлаешь?“— Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ:— хочу заразы дубовъ двадцать зацѣпить верёвкой и тащить всё съ кореньями, чтобъ надолго дровъ хватило.— „Экой ты, право! говоритъ змѣй,— всё по-

своему дѣлаешь“, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу.

Наварилъ змѣй говядины и зовётъ цыгана обѣдать, а цыганъ надулся и говоритъ: „не хочу!“ Вотъ змѣй сожралъ самъ цѣлаго вола и сталъ цыгана спрашивать: „скажи, братъ, за что ты сердишься?“—А за то, отвѣчаетъ цыганъ, что всё, что я ни сдѣлаю—всё не такъ, всё не по твоему.—„Ну, не сердись, помиримся.“—Если хочешь со мной мириться, говоритъ цыганъ:—поѣдемъ ко мнѣ въ гости.—„Изволь, братъ, поѣдемъ!“

Змѣй досталъ повозку, запрѣгъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоёмъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать; а цыганята увидали отца, бѣгутъ къ нему на встрѣчу, голые, чѣрные, да во всё горло кричатъ: „батька пріѣхалъ! змѣя привёзъ!“ Змѣй испугался и спрашиваетъ у цыгана: „это кто?“—А это мои дѣти, отвѣчаетъ цыганъ,—чай голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся! Змѣй съ повозки да бѣжать, и оставилъ цыгану и повозку, и лошадей.

ОТДѢЛЪ II.

ВРЕМЕНА ГОДА.

ЗИМА.

Что сдѣлала зима?

Гдѣ сладкій шѣночь	Подъ ледяной
Густыхъ лѣсовъ,	Своей корой
Потоковъ ропоть,	Ручей нѣмѣть;
Цвѣты луговъ?	Всё цѣпенѣть;
Деревья голы;	Лишь вѣтеръ злой,
Ковёръ зимы	Бушующь, воетъ
Покрыль холмы,	И небо кроетъ
Луга и доли.	Сѣдою мглой.

Загадка: Зимой грьетъ, весной тлѣетъ; лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

Проказы старухи зимы.

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыханіе со свѣта сжить. Прежде всего она стала до птицъ добираться: надоѣли ей онѣ своимъ крикомъ и пискомъ. Подула зима холодомъ, посорвала листья съ лѣсовъ и дубравъ и разметала ихъ по дорогамъ. Некуда пти-

цамъ дѣваться; стали онѣ стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетѣли за высокія горы, за синія моря, въ тёплыя страны. Остался воробей, и тотъ подъ стрѣху забился.

Видитъ зима, что птицъ ей не догнать: накинута на звѣрей. Запорошила снѣгомъ поля, завалила сугробами лѣса, одѣла деревья ледяной корой и посылаетъ морозъ за морозомъ. Идутъ морозы одинъ другого злѣе, съ ёлки на ёлку перепрыгиваютъ, потрескиваютъ да пощолкиваютъ, звѣрей пугаютъ. Не испугалися звѣри: у однихъ шубы тёплыя, другіе въ глубокія норы запрятались; бѣлка въ дуплѣ орѣшки грызётъ, медвѣдь въ берлогѣ лапу сосётъ; зайныка, прыгаючи, грѣтеея; а лошадки, коровки, овечки давнымъ-давно въ тёплыхъ хлѣвахъ готовое сѣно жуютъ, тёплое пойло пьютъ.

Пуще злится зима—до рыбъ она добирается: посылаетъ морозъ за морозомъ, одинъ другого лютѣе. Морозцы бойко бѣгутъ, молотками громко постукиваютъ: безъ клиньевъ, безъ подклинковъ по озёрамъ, по рѣкамъ мосты строятъ. Замёрзли рѣки и озёра, да только сверху; а рыба вся въ глубь ушла: подъ ледяной кровлей ей ещё теплѣе.

— Ну, постой-же, думаетъ зима: дойму я людей,— посылаетъ морозъ за морозомъ, одинъ другого злѣе. Заволокли морозы узорами оконницы въ окнахъ; стучать въ стѣны, и въ двери, такъ что бревна лопаются. Люди затопили печки, пекутъ себѣ блины горячіе да надъ зимою посмѣиваются. Слуचितся кому за дровами

въ лѣсъ ѣхать, надѣнетъ онъ тулупъ, валенки, рукавицы тёплыя, да какъ примется топоромъ махать, даже потъ прошибѣтъ. По дорогамъ, будто зимѣ на смѣхъ, обозы потянулись: отъ лошадей паръ валить; извозчики ногами потопываютъ, рукавицами похлопываютъ, плечами передѣргиваютъ, морозцы похваляютъ.

Обиднѣе всего показалось зимѣ, что даже малые ребяташки—и тѣ ея не боятся! катаются себѣ на конькахъ да на салазкахъ, въ снѣжки играютъ, бабъ лѣпятъ, горы строятъ, водой поливаютъ, да еще морозъ кличутъ: „приди-ка пособить!“ Шишнётъ зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за носъ, даже побѣлѣютъ; а мальчикъ схватить снѣгу, давай тереть—и разгорится у него лицо, какъ огонь.

Видитъ зима, что ни чѣмъ ей не взять: заплакала со злости. Со стрѣхъ зимнія слёзы закапали... видно, весна недалёко!

Что сдѣлала зима съ птицами? со звѣрями? съ рыбами? съ людьми?

Загадки: 1) Летитъ молчитъ, сядетъ молчитъ, а помретъ да сгниетъ, такъ и зареветъ.—2) Старикъ у воротъ тепло уволокъ; самъ не бѣжитъ, стоять не велитъ.

Маленькій мужичокъ.

Однажды, въ студёную зимнюю пору я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ. Гляжу, поднимается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ. И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ, лошадку ведётъ подъ-узды мужичокъ въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ, въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ.—Здорово, товарищъ!—„Ступай себѣ мимо!“—Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу! Откуда дровишки?—„Изъ лѣсу, вѣстимо! Отецъ, слышишь, рубить, а я отвожу“.

Зайка.

Зайка у ёлочки попрыгиваетъ,

Лапочкой объ лапochку поколачиваетъ:

* *
*

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!

Елочки отъ холоду подъ инеемъ трещать.

* *
*

Елочки отъ холода потрескиваютъ,

Лапочки отъ холода совсѣмъ свело.

* *
*

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лапоткахъ ходить.

* *
*

Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своею хозяйшккой сѣренькой.

* *
*

Пирогы бы мнѣ ѣсть, да всё съ капусткою,
Пирогы бы со сладкою морковкою.

* *
*

На полатахъ зимушку пролѣживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать».

*Телга хлѣбъ въ домъ возитъ, а сани на базаръ.—
Что лѣтомъ ногой, то зимою рукой.— Лѣто проле-
жишь, зимой съ сумой побѣжишь.— Береги носъ въ боль-
шой морозъ.— Что мужику дѣется, бѣжитъ да грѣется.*

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

23 декабря.

Завтра рождественскій сочельникъ, и сегодня распустили нашу школу. Насилу-то мы досидѣли послѣдній урокъ! Я такъ бѣжалъ домой, что потерялъ было книгу. До 8-го января мы свободны. Эта первая треть учебнаго года—самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсѣмъ развалилась; надобно бы устроить кукольный театръ маленькимъ братьямъ и сестрамъ: я объ этомъ позабочусь.

24 декабря.

„Кутья стоитъ на покути, а узварь пошелъ на базаръ“, сказала намъ сегодня няня. Кутья, точно, стояла

въ переднемъ углу, подъ образами, на сѣнѣ; да и узварь съ базару воротился, и оказался очень вкуснымъ. Мамаша рассказала мнѣ, зачѣмъ кутью ставятъ на сѣно. Вечеромъ была страшная метель; но это не помѣшало мальчикамъ и дѣвочкамъ прійти колядовать. Охъ, какъ воетъ въ трубѣ! Какъ жутко должно быть теперь въ открытомъ полѣ!

Такъ ли вы провели рождественскій сочельникъ?

Метель.

Въ чистомъ полѣ, въ полночь, завываетъ, гудѣтъ, завываетъ-несѣтся метелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идѣтъ, по слѣдамъ разстиляется-стелется.

„Ну, заѣхалъ въ сугробъ! Видно, здѣсь ночевать; ну, Савраско, потрогивай, маленькій! Вовсе сбились съ тобой; захотѣлося спать; понабилося снѣгу за валенки“.

„Что тамъ? Словно-ка гдѣ колокольчикъ звенить? Огоньки тамъ, что-ль, зажигаются? А хозяйка-то ждѣтъ, а мальчишка-то спитъ. Что ему! знай по печи валется“.

Въ чистомъ полѣ, въ полночь, завываетъ, гудѣтъ, завываетъ-несѣтся метелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идѣтъ, по слѣдамъ разстиляется-стелется.

*Не то снѣгъ, что мететъ, а что сверху идетъ.—
Сипитъ да дуетъ: что-то будетъ?*

Расскажите все, что здѣсь нарисовано?

Коляда подѣ Рождество.

Коляда, коляда!	Коляду святую
Пришла коляда	По всѣмъ по дворамъ,
Наканунѣ Рождества.	По проулочкамъ.
Мы ходили, мы искали	Нашли коляду

У Петрова-то двора.

Петровъ-то дворъ—железный тыпъ;
Среди двора три терема стоятъ:
Въ первомъ терему—свѣтель мѣсяць,
Въ другомъ терему—красно солнце,
А въ третьемъ терему—часты звѣзды.

Свѣтель мѣсяць—Петръ сударь,
Свѣтъ—Ивановичъ!

Красно солнце—Марья Павловна!
Часты звѣздочки—ихъ дѣтушки!

Здравствуй, хозяинъ съ хозяйшкой,
На долгіе вѣка, на многія лѣта!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

25 декабря.

Когда мы проснулись сегодня, метель уже стихла и солнце свѣтило ярко. У нашихъ кроватокъ лежали подарки: я получилъ книгу съ картинками и краски; Вѣра и Надя—новыя куклы, Костя лошадку, а Воля—барабанщика, и барабанилъ Воля до тѣхъ поръ, пока у барабанщика руки перестали подниматься.

Послѣ обѣдни, куда насъ не взяли по случаю холода. приходилъ къ намъ священникъ съ причтомъ: они пѣли, какъ родился Спаситель, какъ появилась на небѣ новая звѣзда, какъ пѣли ангелы и какъ мудрецы съ востока приходили поклониться божественному младенцу. Видно, тамъ, гдѣ родился Спаситель, не было такъ холодно, какъ у насъ, если пастухи ночевали въ полѣ.

Такъ ли вы провели Рождество?

Вечеромъ къ намъ принесли звѣзду и вертепъ. Красивую звѣзду едѣлалъ дѣвчонка! Вертепъ тоже очень удался: страшная смерть ловко срубила голову злему Ироду. И подѣломъ ему—не преслѣдуй Христа, не убивай младенцевъ.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя; то, какъ звѣрь, она завоюетъ, то заплачетъ, какъ дитя; то по кровлѣ обветшалой вдругъ соломой зашумитъ, то, какъ путникъ запоздалый, къ намъ въ окошко застучитъ.

Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась; на мутномъ небѣ мгла носилась; луна, какъ блѣдное пятно, сквозь облака едва смотрѣла... А нынче: посмотри въ окно! Подъ голубыми небесами, великолѣпными коврами, блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ; прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ; и ель сквозь иней зеленѣетъ, и рѣчка подо льдомъ блеститъ!

Коляда на новый годъ.

Ай, во борѣ, борѣ,
Сосенка стояла,
Зелена, кудрява!

Ой, Овсень! ой, Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосенку срубили,
Дощечки пилили,

Мосточекъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздями убивали.

Ой, Овсень! ой, Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсену

Да новому году.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1 января.

Вчера вечеромъ у насъ были гости: встрѣчали новый годъ. Но я не дождался двѣнадцати часовъ и за—

спуль, не раздѣвшись. Сегодня все поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ и желаютъ другъ другу счастья. Мамаша надѣла на меня новенькую рубашку. Приходили крестьянскія дѣти и обсыпали всехъ ячменемъ и пшеницею: желали хорошаго урожая въ новомъ году. Сегодня мы ѣдемъ въ гости къ тетускѣ. Я знаю, что тамъ будутъ играть въ фанты, гадать и пѣть подблюдныя пѣсни. — „Какой начался сегодня годъ, спросили меня: простой или високосный?“ а я и не зналъ.

Какъ вы встрѣтили и провели первый день новаго года?

Подблюдныя пѣсни.

1) Дивная щука.

Щука шла изъ Новагорода;
Слава!
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Слава!
Какъ на щукѣ — чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченная,
Слава!
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Слава!
Какъ головка у щуки унизанная,
Слава!
А на мѣсто глазъ — дорогой алмазь.
Слава!

2) Русскому царству слава.

Слава Богу на небѣ!
Слава!
Государю нашему на всей землѣ!
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краще солнца свѣтла,
Слава!
Чтобъ по большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
По малымъ-то рѣчкамъ до мельницы,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поёмъ,
Слава!
Хлѣбу поёмъ, хлѣбу честь воздаёмъ,
Слава!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

6 января.

Вчера мы обѣдали очень поздно, при свѣчахъ: дождались святой воды. Ночью былъ страшный морозъ;

я самъ слышалъ, какъ трещало. Говорятъ, что въ саду нашли двухъ замёрзшихъ воронъ. Даже и меня не взяли сегодня на Иорданъ—такъ холодно!

Приходилъ священникъ съ причтомъ: кропили весь домъ святой водой и пѣли, какъ Иоаннъ Предтеча крестилъ Спасителя въ Иорданѣ, какъ сходилъ Духъ Святой въ видѣ голубя и какъ слышенъ былъ съ неба голосъ Бога Отца. Дьячокъ нарисовалъ у насъ на дверяхъ большой красный крестъ.

Сердце сжимается, какъ подумаешь, что завтра классы. Но мамаша говоритъ, что если бы я всё гулялъ, то и праздники не были бы для меня такіе весёлые. Какъ бы разсчитать, далеко ли до масленицы?

Таково ли было Крещеніе въ этомъ году? Разскажите, какъ крестился Спаситель.

Крещенскій вечеръ.

Разъ, въ крещенскій вечерокъ,	Ярый воскъ топили;
Дѣвушки гадали:	Въ чашу съ чистою водой
За ворота башмачёкъ,	Клали перстень золотой,
Снявъ съ ноги, бросали;	Серьги изумрудны;
Снѣгъ пололи, подъ окномъ	Разстилали бѣлый платъ
Слушали, кормили	И надъ чашей пѣли въ ладъ
Счѣтнымъ курицу зерномъ,	Пѣсенки подблюдны.

Силенъ морозъ: бревна рветъ, на-лету птицу бьетъ. — Въ морозъ заснуть легко, проснуться трудно. — Трещи, не трещи: прошли водокрещи!

2 февраля.

Сегодня большой праздникъ—Срѣтеніе Господне. Отецъ прочёлъ намъ изъ Евангелія, какъ Симеонъ Богопріимецъ встрѣтилъ Спасителя во храмѣ. Бабушка при этомъ заплакала и всѣхъ насъ перецѣловала. Я долго потомъ думалъ: отчего это заплакала бабушка?

Зима начинается надоѣдать. Дни замѣтно стали длиннѣе, но солнышко всё ещё плохо грѣетъ. Масленица близёхонько. Въ прошломъ году она была раньше.— Ахъ, еслибъ весна приходила поскорѣе!

Дуй, не дуй, не къ Рождеству пошло, къ Великому дню.—Февраль три часа дня прибавитъ.—Февраль воду подпуститъ, мартъ подберетъ.—Солнце на мѣтѣ—зима на морозѣ.

Оренбург. И. Иванова
Приходень у Иванова

ВЕСНА.

Ожиданіе весны.

На зимнихъ поляхъ не ищите цвѣтовъ: всю землю одѣлъ ещё снѣжный покровъ. Подъ снѣгомъ цвѣточкамъ тепло почивать; когда же малютки проснутся опять? Не всё же морозы и вьюги одни; придутъ къ намъ и тёплые, красные дни. Весна по полямъ всюду станетъ бродить: и рощу, и поле, и рѣчки будить; она, разбивая льдяныя оковы, холодные сниметъ съ природы покровы; разбудитъ цвѣточки отъ долгаго сна; проглянутъ малютки и скажутъ: весна!

Масленица — семикова племянница. — Звалъ, позывалъ честный семикъ широкую масленицу къ себѣ погулять: на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться. — Не все кому масленица: придетъ и великій постъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній

Чистый понедельник.

На масленицѣ мы славно повеселились: и съ горъ покатались, и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: за то сегодня — какая тишина и въ домѣ, и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣсть. Мамаша и бабушка надѣли тѣмныя платья и собираются говѣть. Приходилъ священникъ: прочёлъ молитву и поздравилъ всѣхъ съ великимъ постомъ.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовые сосульки, снѣгъ рыхлѣетъ; въ саду показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать: будетъ ли Пасха на снѣгу или на зеленой травкѣ? Ученья всего шесть недѣль; на седьмую насъ распустятъ. Надя и Вѣра уже начали собирать цвѣтныя тряпочки для писанокъ. Раненько, мои милыя!

Какъ вы провели масленицу? Что вы знаете о великомъ постѣ?

Заговляюсь на хрипъ, на рдѣку, да на бѣлую ка-

пусту. — Недѣля средокрестная — переломъ поста. — Щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Вербное Воскресенье.

Вотъ и пролетѣло шесть недѣль поста! Вчера нашу школу распустили. Когда я пришёлъ домой, отецъ спросилъ меня: „когда воскресенье бываетъ въ субботу?“ Я не зналъ; а выходитъ, что на вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскресенье Лазаря.

Сегодня все наши, кромѣ дѣтей, ходили очень рано къ заутренѣ. Когда мамаша и бабушка воротились до-

мой съ вербами, то нашли насъ ещё въ постеляхъ; стали насъ, шутя, вербами бить и приговаривать: „не я бью, верба бьётъ—вставайте, дѣти, и будьте здоровы!“

Вскочили мы, а у насъ, у каждаго, за кроватью заткнуто по вербочкѣ съ румянымъ восковымъ херувимчикомъ! Херувимчики были похожи на Надю—такіе же толстухи!

Но вотъ что хорошо! На вербочкахъ ужъ есть пушистые барашки, а сегодня у насъ выставили первую раму!

Такъ ли вы провели Вербное Воскресеніе? Что празднуется въ этотъ день?

Выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Призывъ весны.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью, радостью,
Съ великою милостью: со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокемъ,
Съ хлѣбомъ обильнымъ!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Страстной поведѣльникъ.

Сегодня мы начали съ папашей говѣть: ходимъ къ заутренѣ, къ часамъ и къ вечернѣ. Священникъ въ чѣрныхъ ризахъ. Когда онъ читаетъ молитву: „Господи, Владыко живота моего!“ всѣ кладутъ земные поклоны.

Солнышко каждый день работаетъ прилежно. Дороги испортились; снѣгъ проваливается; вездѣ лужи; лёдъ на рѣкѣ почернѣлъ; у береговъ полыньи; на припѣкѣ, какъ будто, зеленѣетъ травка; на деревьяхъ почки вздулись; въ водостокахъ шумятъ ручейки.

Какіе устѣхи съдѣлала ваша весна къ этому дню?

Весеннія воды.

Ещё въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ, Онъ гласятъ во всѣ концы:
А воды ужъ весной шумятъ; «Мы молодой весны гонцы,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ, «Она насъ выслала впередъ...
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ; «Весна идѣтъ! весна идѣтъ!»

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Страстной четвергъ.

Вчера я исповѣдывался во второй разъ въ моей жизни. Со страхомъ пошѣлъ я за ширмочки, гдѣ сидѣлъ священникъ въ чѣрной эпитрахили. Передъ нимъ, на налоѣ, лежали крестъ и Евангеліе.

Сегодня я приобщался и цѣлый день не бѣгалъ, а всё сидѣлъ возлѣ бабушки и читалъ ей Евангеліе.

Вечеромъ мы ходили на Страсти. Священникъ посреди церкви читалъ, какъ страшно мучили Спасителя. Не даромъ, послѣ каждаго Евангелія, на клиросѣ славили долготерпѣніе Твое, Господи! Всѣ мы стояли съ зажжёнными свѣчами. Кончилъ священникъ тѣмъ, какъ похоронили Спасителя и приставили стражу къ Его гробу.

Трудно было выстоять всё двѣнадцать Евангелій; но я выстоялъ. Вечеръ былъ тихій, и мнѣ удалось безъ фонаря донести домой зажжённую страстную свѣчу. Бабушка взяла у меня свѣчу и выжгла на дверяхъ кресты.

Такъ ли вы говѣли? Такъ ли вы ходили на Страсти?

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Страстная пятница.

Сегодня я былъ на выносѣ плащаницы и ходилъ со свѣчѳю вѳкругъ церкви. День былъ ясный; солнышко сильно грѣло; птички носились у церковной крыши и весело щебетали. Свѣчи наши тихо теплились, и мнѣ

было какъ-то грустно, но пріятно слушать, какъ прекрасный Іосифъ обвилъ чистою плащаницею тѣло Спасителя.

Мы не прикладывались сегодня къ плащаницѣ, потому что не вытерпѣли—и утромъ напились чаю.

Снѣгъ ещё бѣлѣетъ кое-гдѣ въ тѣни; но на дворѣ у насъ совсѣмъ сухо, и весело идти по сухой землѣ. На рѣкѣ только чернѣетъ бывшая дорога. Вотъ бы теперь по ней проѣхать! Переправы уже два дня нѣтъ. Милое солнышко! работай прилежнѣе: помни, что послѣ завтра праздникъ.

Какъ вы провозжали плащаницу? Какіе устъхи сдѣлали ваша весна?

Сегодня не таетъ, а завтра Богъ знаетъ. — Вѣтеръ снѣгъ сгнѣдаетъ. — Весна и осень на тѣгой кобылѣ ѣздятъ. Весенній ледъ толстѣ, да простѣ; осенній тонкѣ, да цѣ. окѣ.

Страстная суббота.

Рано утромъ, до чаю, ходили мы приложиться къ плащаницѣ. Утро было ясное, но маленькій морозъ затянулъ лужицы льдомъ. Я всякій разъ пробую ледокъ ногою: хочу помочь солнышку.

Плащаница лежитъ посреди церкви: кругомъ горятъ большія свѣчи. Кто это положилъ на плащаницу души-

стей вѣнокъ? По угламъ плащаницы вышиты золотомъ терновый вѣнокъ, трость и копьё. Я знаю, зачѣмъ они здѣсь.

Я видѣлъ уже сегодня куличъ и пасху. Бабушка приготовила по пасочкѣ каждому изъ насъ, и всѣ подъ ростъ; моя, конечно, больше всѣхъ.

Ахъ, какая радость! лёдъ на рѣкѣ тронулся. Весело смотрѣть, какъ плывутъ громадные льдины: шумять, сталкиваются, тѣсняются, взбираются одна на другую. Прощайте, льдинки, до будущаго года!

Тыкал ли у васъ въ церкви плащаница? Когда вскрывалась ваша рѣка?

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Свѣтлое воскресенье.

Я рѣшился не спать въ эту ночь; но, когда стемнѣло, братья и сѣстры заснули, то и я, сидя въ креслахъ, задремалъ, хоть и зналъ, что въ залѣ накрывали большой столъ чистою скатертью и разставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хорошихъ вещей.

Ровно въ полночь ударили въ соборъ въ большой колоколь; въ другихъ церквахъ отвѣтили, и звонъ разлился по всему городу. На улицахъ слышалась ѣзда экипажей и людской говоръ. Сонъ мигомъ соскочилъ съ меня, и мы всѣ отправились въ церковь.

На улицахъ темно; но церковь наша горитъ тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валить столько, что мы едва протѣснились. Мамаша не пустила меня съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Но какъ обрадовался я, когда, наконецъ, за стеклянными дверьми священники появились въ блестящихъ ризахъ и заплѣли „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!“ Вотъ ужъ именно изъ праздниковъ праздник!

Послѣ ранней обѣдни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокругъ церкви!

Мы воротились домой, когда уже разсвѣтало. Я похристосовался съ нашей нянею: она, бѣдняжка, больна и въ церковь не ходила. Потомъ всѣ стали разговляться, но меня одолѣлъ сонъ.

Когда я проснулся, яркое солнышко свѣтило съ неба и по всему городу гудѣли колокола.

Такъ ли вы встрѣтили и провели Святый Праздникъ?

Христось воскресь!

Повсюду благовѣсть гудить,
Изъ всѣхъ церквей народъ валить;
Заря глядитъ уже съ небесъ...
Христось воскресь! Христось воскресь!

* *
*

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
И рѣки рвутся изъ оковъ,
И зеленѣеть ближній лѣсъ...
Христось воскресь! Христось воскресь!

* *
*

Вотъ просыпается земля,
И одѣваются поля...
Весна идѣтъ полна чудесъ!
Христось воскресь! Христось воскресь!

Пчелка.

Только-что по проталинкамъ весеннимъ показались ранніе цвѣточки, какъ изъ царства воскового, изъ душистой келейки медовой, вылетаетъ первая пчёлка. Полетѣла по рашнимъ цѣточкамъ о красной веснѣ развѣдать: скоро-ли луга зазеленѣють, распустятся клейкіе листочки, зацвѣтѣтъ черѣмуха душиста?

Ласточка.

Травка зеленѣеть,
Солнышко блеститъ;

Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.

Съ нею солнце краше
И весна милѣй...
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!

Дамъ тебѣ я зѣрень;
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далѣкихъ
Принесла съ собой.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Радоница)

Бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестѣрь на кладбище. Тамъ, подъ крестами, много спитъ нашихъ родныхъ; тамъ и моя сестрѣнка—Лиза. Какъ обросла травкою ея маленькая могилка!

Повсюду проглянули жѣлтые одуванчики, а длинныя космы плакучихъ берёзъ будто осыпаны зелѣнымъ пухомя. Пташки носятся и щебечуть; та тащитъ соломинку, та пѣрышко: видно, принялись онѣ вить гнѣзда. За кладбищемъ крестьяне уже пахутъ яровое поле.

(Что такое Радоница?) Успѣхи весны къ этому дню?

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка, пашней десятиной! Выбѣлимъ жёлто о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну, тащися, сивка!... Я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зѣрна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися, сивка!... Пашенку

мы рано съ сивкою распашемъ: зёрнышку сготовимъ колыбель святую. Его вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!.. Выйдетъ въ полѣ травка, вырастетъ и колось; станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы: сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжёлыхъ! Ну, тащися, сивка!.. Накормлю до-сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посѣю: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

Орель и ворона.

Жила была на Руси ворона, съ няньками, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси, лебеди, нанесли яицъ; а ворона стала ихъ обижать, стала у нихъ яички таскать.

Случилось сычу мимо летѣть; видитъ онъ, что ворона птицъ обижаетъ, полетѣлъ и сказалъ орлу: „Батюшка, сизый орель! дай намъ праведный судъ на воровку ворону“.

Сизый орель послалъ за вороной лёгкаго посла, воробья. Воробей полетѣлъ, захватилъ ворону; она было упираться, а онъ давай её пинками, и приволокъ—таки къ орлу.

Вотъ сталъ орель ворону судить: „Ахъ ты, воровка ворона, глупая голова! Про тебя говорятъ, что ты на

чужое добро ротъ разѣваешь: у большихъ птицъ яйца таскаешь“.

— Напраслина, батюшка, сизый орель, напраслина! Это всё слѣпой сычъ, старый хрычъ, про меня навралъ.

„Про тебя сказываютъ, говорить орель,—что выйдетъ мужикъ сѣять, а ты выскочишь со всёмъ своимъ содомомъ—и ну разгребать“.

— Напраслина, батюшка, сизый орель, напраслина!

„Да еще сказываютъ: стануть бабы снопы класть, а ты со всёмъ своимъ содомомъ выскочишь—и ну снопы ворошить“.

— Напраслина, батюшка, сизый орель, напраслина! Осудилъ орель ворону въ острогъ посадить.

Весеннее утро пахаря.

Весеннее солнце взошло надъ землёй; пахарь ужъ въ полѣ идётъ за сохой. Тихо идётъ онъ и громко поётъ: „Кто-то весною, какъ пахарь, живётъ?“

Пахарь и цвѣтокъ.

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Въ недобрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ вѣль я плугъ, твой стебелѣкъ
 Былъ на пути...
Краса долины! я не могъ
 Тебя спасти.

* * *

Ты скромно въ зелени мелькаль,
 Какъ синенькій глазокъ; ты ждалъ
 Привѣта солнышка—и вдругъ
 Тебя скосилъ мой острый плугъ
 И погубилъ.

Орелъ и кошка.

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грѣло, и маленькая семья была очень счастлива. Вдругъ, откуда ни возьмись—огромный степной орелъ: какъ молнія, спустился онъ съ вышины и схватилъ одного котенка. Но не успѣлъ ещё орелъ подняться, какъ мать вцѣпилась уже въ него. Хищникъ бросилъ котенка и схватился со старой кошкой. Закипѣла битва на смерть.

Могучія крылья, крѣпкій клювъ, сильныя лапы съ длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: онъ рвалъ кожу кошки и выклевалъ ей одинъ глазъ. Но кошка не потеряла мужества, крѣпко вцѣпилась въ орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже побѣда стала клониться на сторону кошки; но орелъ всё еще былъ очень силенъ, а кошка уже устала; однако же она собрала свои послѣднія силы, сдѣлала ловкій прыжокъ и повалила орла на землю. Въ ту же минуту откусила она ему голову и, забывъ свои собственныя раны, принялась облизывать своего израненнаго котенка.

Сравните орла съ кошкой.

Вечерняя заря весною.

Слети къ намъ, тихій вечеръ,	Какъ тихо всюду стало,
На мирныя поля;	Какъ воздухъ охладѣлъ!
Тебѣ поёмъ мы пѣсню,	И въ ближней рощѣ звонко
Вечерняя заря!	Ужъ соловей пропѣлъ.

* *

* *

Темнѣть ужъ въ долинѣ,	Слети-жъ къ намъ, тихій вечеръ,
И ночи близокъ часъ;	На мирныя поля;
На маковкѣ березы	Тебѣ поёмъ мы пѣсню,
Послѣдній лучъ угасъ.	Вечерняя заря!

Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой!

Земля кормить человѣка, но кормить не даромъ. Много должны потрудиться люди, чтобы поле, вмѣсто травы, годной только для скота, дало рожь для чѣрнаго хлѣба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледѣлецъ пашетъ поле *сохою*, если не нужно пахать глубоко, или *плугомъ*, если пашетъ *новину*, или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга, и въ неё запрягаютъ одну лошадку. Плугъ гораздо тяжелѣе сохи, берѣтъ глубже, и въ него впрягаютъ нѣсколько паръ лошадей или воловъ.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого ещё мало. Если поле новое или земля сама по себѣ очень жирна, то *навозу* не надобно; но если на *нивь* что-нибудь уже было сѣяно и она истощилась, то её надобно удобрить навозомъ.

Навозъ вывозятъ крестьяне на поле осенью или весною и разбрасываютъ кучками. Но въ кучкахъ навозъ мало принесётъ пользы: надобно его запахать сохою въ землю.

Вотъ навозъ перегнилъ; но сѣять всё ещё нельзя. Земля лежитъ комьями, а для зёрнышка надобно мягкую постельку. Выѣзжаютъ крестьяне на поле съ зубчатыми боронами: боронятъ, пока всё комья разобьются, и тогда только начинаютъ сѣять.

Сѣютъ или весною, или осенью. Осенью сѣютъ *озимый* хлѣбъ: рожь и озимую пшеницу. Весною сѣютъ яровой хлѣбъ: ячмень, овёс, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходитъ ещё съ осени, и когда на лугахъ трава уже давно пожелтѣла, тогда озимья поля покрываются всходами, словно зелѣнымъ бархатомъ. Жалко смотрѣть, какъ падаетъ снѣгъ на такое бархатное поле. Молодые листочки озими подъ снѣгомъ скоро вянутъ; но тѣмъ лучше растутъ корешки, кустятся и глубже идутъ въ землю. Всю зиму просидитъ озимь подъ снѣгомъ, а весною, когда снѣгъ сойдётъ и солнышко пригрѣетъ, пуститъ новые стебельки, новые листики, крѣпче, здоровѣе прежнихъ. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чѣмъ ляжетъ снѣгъ: тогда, пожалуй, озимь можетъ вымерзнуть. Вотъ почему крестьяне боятся морозовъ безъ снѣгу, и не жалѣютъ, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстымъ снѣжнымъ одѣяломъ.

Какъ обрабатываютъ поле и сѣютъ хлѣбъ?

*Что нарисовано на этой картинкѣ?
Не приходитъ Вознесенье въ среду, а въ четвергъ.*

Поле и школа.

Люди пахутъ поле, зерномъ посыпаютъ: дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать. Зёрнышко ложится въ мягкую землю: слово Божье входитъ въ души молодыхъ. Дождёмъ землю смочить, солнышкомъ пригрѣетъ: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ. Подъ землёй, въ потѣмкахъ, не улежатъ зёрна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянуть посѣвы яриной зелѣной: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольётся жатвой золоти-

стой: взойдётъ Божье слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь и ведро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія!

Сравните то, что дѣлается на полѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ школѣ.

Посѣвъ льна.

Ужъ я сѣяла-сѣяла ленокъ,	Я сушила-сушила ленокъ,
Я сѣяла, приговаривала,	Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала:	Чеботами приколачивала...

Ты удайся, удайся, ленокъ!

Ты удайся, мой бѣленькій ле-

нокъ!

Лѣнь мой, лѣнь,

Бѣлый лѣнь!

* *
*

Я полола-полола ленокъ,	Я трепала-трепала ленокъ,
Я полола, приговаривала,	Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...	Чеботами приколачивала,

(Повторяется тотъ же припѣвъ).

* *
*

Ужъ я дѣргала-дѣргала ленокъ,	Я чесала-чесала ленокъ,
Я дѣргала, приговаривала,	Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...	Чеботами приколачивала...

* *
*

Ужъ я стлала-стлала ленокъ,	Ужъ я пряла-то, пряла ленокъ,
Я стлала, приговаривала,	Ужъ я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала...	Чеботами приколачивала:

* *
*

Ты удайся, удайся, ленокъ!

Ты удайся, мой бѣленькій	Лѣнь мой, лѣнь,
ленокъ!	Бѣлый лѣнь!

Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ, съ сохой, надъ полосой своей трудился; трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой. За то, кто мимо ни проходить, отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! Мартышку это въ зависть вводить. Хвалы при-манчивы—какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться! Хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то поне-сѣтъ, то такъ, то сякъ его обхватить, то поволочить, то покатить; рѣкой съ бѣдняжки лѣтся потъ, и наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ; а всё ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

М а й.

Дождались мы свѣтлаго мая;
Цвѣты и деревья цвѣтутъ,
И по небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ.

Троицынъ день.

Рано мы проснулись сегодня. Мы знали, что у насъ на дворѣ цѣлый возъ молоденькихъ берёзокъ и что надобно разставлять ихъ и по двору, и на воро-

тахъ, и на крыльцѣ, и въ комнатахъ по угламъ, и за образами, гдѣ ещё торчатъ высохшія вербочки. Чуть-чуть накрапываетъ весенній тёплый дождикъ, отчего липкіе листочки на берёзѣ ещё ярче и душистѣй. Правду говорятъ, что Троицынъ день—зелёный праздникъ.

Мнѣ и двумъ старшимъ сёстрамъ поручили нарвать букеты въ церковь; я наломалъ душистой сирени и нашёлъ одно *счастье* о девяти лепесткахъ.

Въ церкви на полу набросана трава, свѣжія вѣтви нависли на образа. У всѣхъ въ рукахъ цвѣты или хоть какая-нибудь вѣточка. У одной бѣдной дѣвочки не было ничего. Костя отдалъ ей свой букетъ. Какой добрякъ нашъ маленькій Костя!

Завтра Духовъ день, а сегодня гремѣлъ первый громъ.

Какъ вы провели Троицынъ день? Что празднуется въ Духовъ день?

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая, И солнце нивы золотить.
 Когда весенній первый громъ, Съ горы бѣжитъ потокъ про-
 Какъ-бы рѣзвися и играя, ворный,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ. Въ лѣсу не молкнетъ птичій
 Гремятъ раскаты молодые... гамъ,
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль И гамъ лѣсной, и шумъ на-
 летить, горный—
 Повисли перлы дождевые, Всѣ вторить весело громамъ.

Майское утро.

Утро свѣжестью пахнуло; поле зеленою одѣто; сквозь волнистые туманы улынулось уже лѣто.

Выхожу я въ лѣсъ сосѣдній; тамъ, подъ зеленою тѣнистой, ужъ расцвѣлъ питомецъ мая—ландышъ бѣлый и душистый.

И кругомъ ковѣрь зелёный, въ золотистыхъ переливахъ; и роса въ алмазныхъ капляхъ—на деревьяхъ и на нивахъ.

ЛѢТО.

ЛѢТОМЪ.

Всю щедрую руку Создатель открылъ,
 И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
 Одѣты деревья, одѣты кусты,
 Кругомъ по травѣ заперѣли цвѣты.
 Привольно стадамъ на зелѣныхъ лугахъ;
 Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ.
 Въ садахъ между листьевъ желтѣютъ плоды
 И пахаря зрѣютъ на нивахъ труды.
 Въ лугу ужъ звенить и сверкаетъ коса,
 А въ рощицѣ птичьи твердятъ голоса:
 «Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
 «Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;
 «Послушай, какую мы пѣсню поёмъ,
 «Какъ щедрому лѣту хвалу воздаёмъ».
 «—Не лѣто хвалите», имъ мальчикъ сказалъ.
 «Хвалите Того вы, Кто лѣто намъ далъ!»

Ивановскій червячокъ.

Насталъ Ивановъ день, и свѣтлякъ зажѣгъ свой фонарикъ. Словно зелёная звѣздочка блеститъ онъ въ темнотѣ и падаетъ съ травки на травку.

— Поймаемъ его и положимъ въ стаканъ съ травою. Отчего же это свѣтлякъ потушилъ свой фонарикъ? Не задавили ли мы бѣдняка? Нѣтъ, онъ только испугался; а вотъ теперь опять засвѣтилъ попрежнему. Оставимъ же его на ночь въ покоѣ, а завтра разсмотримъ хорошенько.

— Какъ некрасивъ этотъ червякъ днёмъ! А ночью можно было подумать, что онъ брильянтовый. Его коричневое тѣльце сверху плоско, снизу выпукло и всё состоитъ изъ одиннадцати колець. Колечки будто вдѣты одно въ другое. Подъ верхнимъ кольцомъ, какъ подъ щиткомъ, прячется головка съ чѣрными уси-ками, съ большими чѣрными глазками. Да это на-сѣкомое, а не червякъ: у него шесть чѣрненькихъ ножекъ. Видите-ли вы эти бѣлыя пятнышки на заднихъ трѣхъ колечкахъ? Вотъ эти-то пятнышки и свѣтятъ въ темнотѣ.

Крылышекъ нѣтъ у нашего свѣтляка—это самочка; но у самца есть и крылышки, и тѣмныя, твёрдыя надкрылья, какъ у всякаго жучка. Самчикъ также свѣтитъ; но онъ летаетъ отлично, и его поймать не легко.

Самка свѣтляка приклеиваетъ свои крошечныя яички

къ травинкѣ. Изъ яичекъ выходятъ *личинки*, очень похожія на мать; а къ Иванову дню жучокъ готовъ и зажигаетъ свой фонарикъ.

Опишите свѣтляка, расскажите его превращенія.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

29-го іюня.

Сегодня у меня не одинъ праздникъ, а много: я именинникъ; вчера въ нашей школѣ былъ публичный актъ и мнѣ подарили книгу; сегодня начались каникулы; завтра мы ѣдемъ въ деревню— а въ деревнѣ-то зелень, цвѣты, поля, рощи, птички, ягоды! Я знаю, что какъ мы пріѣдемъ въ деревню, такъ и отправимся съ папашей на сѣнокосъ. Вотъ гдѣ повеселюсь-то я вволю! Не забыть бы купить удочекъ.

Какихъ святыхъ память празднуется 29 іюня? Какъ вы провели ваши каникулы?

На лугу лѣтомъ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

„Сегодня, дѣти, мы всё ѣдемъ на сѣнокосъ“, ска-заль намъ недавно отецъ—и мы такъ раскричались и разбѣгались, что насъ насилу уняли. Я приготовилъ удочки для рыбы и сачки для раковъ, дѣвочки—корзинки для ягодъ, и послѣ обѣда вся наша семья отпра-вилась на двухъ телѣгахъ.

Часа черезъ два ѣзды по узкимъ просёлкамъ, а подь конецъ и вовсе безъ дороги, добрались мы до своего заливного сѣнокоса на берегу Десны.

Когда мы пріѣхали, солнце уже садилось за мѣловыя горы, но работа еще кипѣла по всему лугу; а лугъ-то, лугъ—и глазомъ не окинешь!

Косари въ бѣлыхъ рубашкахъ дружно наступали на высокую траву, и за каждымъ быстро вытягивалась позади зелѣная грядка. Подальше—крестьянки съ пѣснями сгребали въ копны сѣно, а у ольховой рощи уже складывался стогъ: два работника стояли на верху ростущаго стога и искусно складывали сѣно, а двое другихъ подавали имъ его на вилахъ. Мальчики на лошадакахъ подтаскивали къ стогу новыя копны, зацѣпивъ ихъ верѣвкой; двѣ собачонки барахтались въ сѣнѣ. Весело разносились въ воздухѣ пѣсни, смѣхъ, говоръ, лай собакъ и звонъ косы подь ударами точильной лопатки, набитой пескомъ.

Но вотъ солнце сѣло; стало темнѣть; на западѣ разгорѣлась заря; журавли съ крикомъ пронеслись въ вышинѣ; пролетѣла вереница дикихъ утокъ на ночлегъ; въ ближнемъ озерѣ, что осталось послѣ разлива, хоромъ заквакали лягушки; ночные кузнечики затрещали.

Работы прекратились. На берегу запылали костры, отражаясь въ водѣ; чѣрные котлы повисли надь огнями, а вокругъ ихъ задвигались люди, точно громадныя тѣни.

Молодые ребята отправились съ огнемъ щупать раковъ; одинъ удалецъ взялъ въ руки двѣ горящія го-

ловни и прокатился съ ними огненнымъ колесомъ по скошенному лугу. Палатки наши разбили, и мы, набѣгавшись вволю, уснули на душистомъ сѣнѣ. Я попросилъ разбудить себя пораньше: утромъ рыба лучше клюётъ.

Что вы видѣли на сѣнокосѣ? Разкажете и сравните съ тѣмъ, что прочли.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надь лугами...	Въ ожиданьи конь убогій,
Пѣсней душу веселя,	Точно вкопанный, стоитъ,
Бабы съ граблями, рядами,	Уши врозь, дугою ноги,
Ходятъ, сѣно шевеля.	И какъ будто стоя спить.
Тамъ сухое убираютъ;	Только жучка удалая,
Мужички его кругомъ	Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ
На возъ вилами кидаютъ...	волнахъ,
Возъ ростётъ, ростётъ, какъ	То взлетая, то ныряя,
домъ.	Скачетъ, лая впопыхахъ.

Пѣсня косаря.

Раззудись, плечо!	Подкошѣнная.
Размахнись, рука!	Поклонись, цвѣты,
Ты пахни въ лицо,	Головой землѣ!
Вѣтеръ съ полудня!	Наряду съ травой
Освѣжи, взволнуй	Вы засохнете.
Степь просторную!	Нагребу копѣнь,
Зажужжи, коса,	Намечу стоговъ:
Засверкай кругомъ!	Дастъ казачка мнѣ
Зашуми, трава,	Денегъ пригоршни.

Рыбка.

Жарко... а въ рѣчкѣ, въ прибрежной тѣни, рѣзвые рыбки стадами гуляютъ; въ свѣжихъ струяхъ такъ свободно онѣ ищутъ добычи иль вольно играютъ. Вонъ, посмотрите, какъ рыбка одна бойко рѣзвится у самаго дна.

Рыбочка-рыбка, пожалуй, рѣзвись, только стального крючка берегись: съ удочкой мальчикъ подѣ ивой сидитъ и за лесою прилежно слѣдитъ.

Рыбкѣ не виденъ коварный крючокъ: лакомый вѣтса на немъ червячокъ. Быстро схватила насадку она, съ нею нырнула до самаго дна. Мальчикъ проворно бѣдняжку подѣккъ, дѣрнулъ... Ну, рыбка, твой кончился вѣкъ!

Опишите удочку и рыбную ловлю.

Ивушка.

Ивушка, ивушка зелёная моя!
 Что же ты, ивушка, не весело стоишь?
 Или тебя, ивушка, солнышкомъ печётъ;
 Солнышкомъ печётъ, частымъ дождичкомъ съчетъ,
 Подѣ корешокъ ключева вода течётъ?

* *
 *

Ѣхали бояре изъ Новгорода,
 Срубили ивушку подѣ самый корешокъ,
 Стали они ивушку потѣсывать;
 Сдѣлали изъ ивушки два весла,
 Два весла, третью лодочку;

Сѣли въ лодочку, поѢхали домой;
 Взяли, подхватили меня, молодца, съ собой.

Ворона и ракъ.

Летѣла ворона надѣ озеромъ; смотреть—ракъ ползѣтъ: цапъ его! Сѣла на вербу и думаетъ закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ: „Ай, ворона! ворона! зналъ я твоего отца и мать, что за славныя были птицы!“—Угу! говоритъ ворона, не раскрывая рта. „И сестѣрь, и братьевъ твоихъ зналъ—отличныя были птицы!“—Угу! опять говоритъ ворона.— „Да хоть хорошия были птицы, а всё же далеко до тебя“.—Ага! каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Левъ и лягушка.

Слышитъ левъ кваканье лягушки и думаетъ: „большой, должно быть, зверь кричитъ“. Выскочила лягушка изъ болота, и левъ печально раздавилъ ее лапой.

До солнца пройди три покоса, ходить будешь не босо. — Снѣгу надуется, хлѣба прибудетъ; вода разольется, сѣна наберется.

Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ породствѣ съ нимъ сравняться. Она завистлива была—

и ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться. „Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?“ подругѣ говорить.— „Нѣтъ, кумушка, далѣко!“— „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко... Ну, каково? пополнилась-ли я?“— „Почти что ничего.“— „Ну, какъ теперь?“— „Всѣ тожь.“ Пыхтѣла, да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнявшись съ воломъ, съ-натуги лопнула и— околѣла.

Волчьи слезы.

Провѣдалъ волкъ, что у пастуха пало все стадо; пришелъ къ нему со слезами на глазахъ и говоритъ: „жаль мнѣ тебя, добрый человекъ!“ Посмотрѣлъ пастухъ на волчьи слезы и молвилъ: „Спасибо, кумъ! Но кто тебя знаетъ, отчего ты плачешь: оттого-ли, что тебѣ жаль меня, или оттого, что тебѣ самому нечѣмъ теперь поживиться?“

Лѣтнее утро.

Ночка укатила за лѣса, за горы; утренней прохладой въ воздухѣ пахнуло; сѣрые туманы поднялись въ лощинахъ; звѣздочки погасли одна за другою. Молодикъ рогатый поблѣднѣлъ и меркнетъ: съ высоты небесной видитъ онъ, что тучки все бѣгутъ къ востоку и, завидѣвъ солнце, въ пурпуръ золотистый, въ серебрясты ткани спѣшать нарядиться.

Вотъ и показалось! Весело и бодро на небо всплы-

ваетъ солнце золотое. Яркими лучами будить оно рѣчку, поле, лугъ и рощу; будить птицъ на вѣткахъ; будить звѣря въ чащѣ; будить и букашку, что во мху зелѣномъ заспалась немного. Говорить всеѣмъ кротко солнце золотое: „отдохнули, полно—пора и за дѣло!“

За ночь все вздохнуло отъ денной работы: и поля, и нивы подъ росой студѣной полны новой силы, свѣжи, серебристы. Листья на деревьяхъ, травка на покосахъ, колосокъ на полѣ... все пріободрилось. Пташки пробудились, стали голосистѣй, веселѣй за дѣло прежнее берутся. Коротка ночь лѣтомъ, да богата с лой!

Дѣточки проснулись, кинули постельки; вволю отдохнули члены молодые: ножки хотятъ бѣгать, ручки просятъ дѣла; въ головахъ кудрявыхъ, словно пчѣлки въ ульяхъ, мыслишки роятся. Дѣточки одѣлись, студѣной водицей личики умыли, Богу помолились, въ школу собрались. Вотъ бѣгутъ, щебечутъ, словно птички въ полѣ; весело берутся за свои дѣлишки. Солнце смотреть съ неба на прилежныхъ дѣтокъ, говоритъ имъ кротко: „помогай вамъ Боже!“

Путешествіе воды.

1. Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человеку. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большіе моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и солѣная, да не все

и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенести её за тысячи вёрстъ? Какъ поднять на высокія горы?

Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ лёгкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками въ голубомъ небѣ.

2. Подымутся пары облаками; но не стоятъ же имъ надъ моремъ! Выходить тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія пѣрышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что еслибы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, сѣла, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣтся, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзаетъ и летитъ пушистыми снѣжинками.

3. Освѣжить вода луга и нивы, и начнётъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собирается она въ маленькія струйки. Струйка льётся къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ-подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключомъ. Вьётъ ключъ и льётся по землѣ ручейкомъ. Пророетъ себѣ ручейкъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ; встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ—сольются и побѣгутъ они вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третій, четвёртый, пятый товарищъ...

Глядишь: уже порядочная рѣчка течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поить рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, носитъ бревенчатые плоты и лёгкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ весёлыя рыбки, блестя серебряною чешуёю.

4. Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвёртая... И вотъ огромная рѣчка, со множествомъ притоковъ, пробѣгаетъ, изъ края въ край, большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжёлыя барки, нагруженныя до верху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя сѣла и торговые города, одинъ богаче другого. Несётъ рѣчка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море, и вноситъ въ него своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.

Много воды вливаетъ рѣка въ море, а солнце всё работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ её по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель.

Разскажите по порядку, какъ путешествуетъ вода.

Крестьянинъ и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья отъ разоренья, что рѣчки имъ и ручейки при водопольѣ причиняли, пош. и просить себѣ управы у рѣки, куда ручьи и рѣчки тѣ впадали. И было что на нихъ донести! Гдѣ озими разрыты; гдѣ мельницы посорваны и смыты; потоцено скота, что и не счесть! А та рѣка течётъ такъ смирно, хоть и пышно; на ней стоятъ большіе города, и никогда за ней такихъ проказъ не слышно: „такъ, вѣрно, ихъ она уймётъ“, между собой крестьяне разсуждали. Но что-жь? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали и посмотрѣли, такъ узнали, что половину ихъ добра по ней несётъ.

Гуси и журавли.

Гуси и журавли паслись вмѣстѣ на лугу. Вдали показались охотники. Легкіе журавли снялись и улетѣли, а тяжелые гуси остались и были перебиты.

На полѣ лѣтомъ.

Весело на полѣ, привольно на широкомъ! До синей полосы далѣкаго лѣса точно бѣгутъ по холмамъ разноцвѣтныя нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхаетъ она крѣпительный воздухъ. Синѣетъ молодой овёсъ, бѣлѣетъ цвѣтущая гречиха съ красными стебельками, съ бѣлорозовыми медовыми цвѣточками. Подальше отъ дороги запрятался кудрявый горохъ, а за нимъ блѣднозелёная полоска льна съ голубоватыми глазками. На другой сторонѣ дороги чернѣютъ поля подъ струящимся паромъ.

Жаворонокъ трепещется надъ рожью, а острокрылый орёлъ зорко смотритъ съ вышины: видитъ онъ и крикливую перепѣлку въ густой ржи, видитъ онъ и полевою мышку, какъ она спѣшитъ въ свою нору съ зѣрнышкомъ, упавшимъ изъ спѣлаго колоса.

Повсюду трещать сотни невидимыхъ кузнечиковъ, а по дорогѣ на двухъ волахъ ползётъ скрипучій возъ съ новымъ сѣномъ и наполняетъ воздухъ благоуханіемъ.

Что сами вы видѣли лѣтомъ на полѣ? Сравните.

Горохъ завидное дѣло. — Государыня гречиха стоитъ боярыней, а хватитъ морозомъ — веди на калмчій дворъ. — Не вѣрь гречихѣ въ цвѣту, а вѣрь въ закрому. —

*Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ, четыре спѣетъ, на седьмую
сымя летитъ.—На дорогѣ грязь—такъ овесъ князь.*

Н и в а.

Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ.
Волны такъ и ходятъ.
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вѣтса,

Надъ тобою туча
Грозно пронесѣтся.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую.

О р е л ь.

Орѣль сизокрылый
всѣмъ птицамъ царь.
Вѣтъ онъ гнѣзда на
скалахъ да на старыхъ
дубахъ; летаетъ высо-
ко, видитъ далѣко. на
солнце, не мигаючи,
смотреть.

Носъ у орла сер-
помъ, когти крючкомъ,
крылья длинныя; грудь
на-выкатъ—молодецкая.

Въ облакахъ орѣль
носится; добычу сверху

высматриваетъ. Налетитъ онъ на утку шилохвостую, на
гуся краснолапаго, на кукушку обманщицу—только пѣ-
рышки посыплются.

Сравните орла съ курицей.

С о к о л ь в ѣ к л ѣ т е ѣ.

Растужится, расплachtetся младъ-ясѣнь соколъ, си-
дючи-то въ клѣточкѣ, на серебряной нашѣсточкѣ. Жа-
лобу-то творитъ младъ-ясѣнь соколъ на крылышки, на
правильныя свои пѣрышки: „Ой, вы, крылья мои, крылыш-
ки, вы правильныя мои пѣрышки! Уносили меня, крылыш-
ки, и отъ вѣтру, и отъ вихря, отъ частаго дождя отъ
осенняго; только не унесли вы меня, крылышки, отъ не-
весѣлой отъ неволюшки—отъ золотой отъ клѣточки, отъ
серебряной нашѣсточки!“

З а с у х а.

Было сухое лѣто. День за днѣмъ вставало солнце на
безоблачномъ небѣ. Пыль столбомъ стояла по дорогамъ.
Земля затвердѣла, какъ камень, и стала трескаться.
Ручейки пересохли. Цвѣты печально опустили головки;
трава пожелтѣла; молодая рожь блѣкнетъ. Съ грустью
смотреть земледѣлецъ на своё поле и думаетъ: „Господи!
я всё сдѣлалъ, что было въ моей власти: глубоко вспа-
халъ я ниву, прилежно взборонилъ её частою бороною,

засѣять полными сѣменами—теперь да будетъ Твоя святая воля!“

Что сдѣлала засуха?

Какъ въ маѣ дождь, такъ будетъ и рожь.—Посѣешь крупнымъ зерномъ, будешь съ хлѣбомъ и виномъ.—Не земля хлѣбъ родитъ, а небо.—Не поле родитъ, а нива.

Пища растеній.

Появились облачки на свѣтломъ небѣ, взгромозились они въ тѣмныя тучи; а къ вечеру освѣжающій дождь напоилъ и луга, и нивы. Повеселѣли поблѣкшія полевые растенія, невидимо потянули они своими тоненькими корешками питательные соки изъ размякшей почвы. Трава зазеленѣла; цвѣты приподняли головки; яркіе листья на деревьяхъ жадно впитываютъ влажный воздухъ. Весело заколыхались на нивахъ и рожь, и ячмень, и пшеница: стали быстро наливаться зѣрнышки въ усатыхъ колосьяхъ.

Чѣмъ питаются растенія? почему имъ нуженъ дождь?

Рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ.

Урожай.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плывётъ—лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Кто деретъ носъ кверху.

Спросилъ мальчикъ отца: „скажи мнѣ, тятя, отчего это иной колосъ такъ и гнется къ землѣ, а другой торчкомъ торчитъ?“

— Который колосъ полонъ, отвѣчалъ отецъ,—тотъ къ землѣ гнется; а который пустой, тотъ и торчитъ кверху.

Новый хлѣбъ.

Воскресное солнышко садилось за рощей. Вышелъ крестьянинъ съ дѣтьми въ поле и весело взглянулъ на луга и нивы. На лугахъ стояли уже высокіе стога, а на нивахъ еще колыхались густые и рослые хлѣба. Перекрестился крестьянинъ и сказалъ: „Божья благодать, дѣтки! Будетъ сѣнцо у скотинки, будетъ и у насъ хлѣбецъ“. Сорвалъ крестьянинъ ржаной колосокъ, вытряхнулъ зѣрна на ладонь. смотреть — зѣрнышко потемнѣло: по-

пробоваль на зубъ—хруститъ: „Пора жать, дѣтки! Мать вчера подмела послѣднюю мучицу въ закромахъ“.

На другой день и старъ, и малъ высыпали въ поле. Стали быстро вставать снопы одинъ за другимъ; а къ вечеру уже высокія копны стояли на полѣ рядами.

Ещё жатва не была кончена, а цѣпъ уже прыгаль на гумнѣ. Отецъ свѣзъ мѣшокъ ржи на мельницу и привѣзъ оттуда мягкой муки. Мать достала дрожжей, и на другой день дѣти уже ѣли душистый хлѣбъ изъ новой ржи.

Какъ узнаютъ, что рожь поспѣла, и что потомъ съ нею дѣлаютъ?

Обработка поля.

Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ, какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно, какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ, какъ колосъ растѣтъ, наливаютъ зерно. Готовую жатву подрѣжутъ серпами; снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ, просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами, на мельницѣ смелотъ и хлѣбъ испекутъ.

Держись за сошеньку, за кривую поженьку.—Хлѣбъ на хлѣбъ спяты — ни молотить, ни вѣять.—Навозъ отвеземъ, такъ хлѣба привеземъ.—Клади навозъ густо, въ амбаръ не будетъ пусто.—Глубже пахатъ, больше хлѣба жеватъ.—Гдѣ пахарь плачетъ, тамъ жнея скачетъ.

Въ лѣсу лѣтомъ.

Нѣтъ въ лѣсу того раздолья, какъ на полѣ; но хорошо въ немъ въ жаркій полдень. И чего только не намотришься въ лѣсу! Высокія красноватыя сосны развѣсили свои иглистыя вершины, а зеленныя ёлочки выгибаютъ свои колючія вѣтви. Красуется бѣлая, кудреватая берѣзка съ душистыми листочками; дрожитъ сѣрая осина; а коренастый дубъ раскинулъ шатромъ свои вырѣзные листья. Изъ травы глядитъ бѣленькій глазокъ земляники, а рядомъ уже краснѣетъ душистая ягодка.

Вѣлыя серѣжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Гдѣ-то рубить крѣпконосый дятель; кричитъ жалобно жѣлтая иволга; отсчитываетъ года бездомная кукушка. Сѣрый зайчикъ шмыгнулъ въ кусты; высоко между вѣтвями мелькнула пушистымъ хвостомъ цѣпкая бѣлка. Далеко въ чащѣ что-то трещить и ломится: ужъ не гнѣтъ ли дугъ косолапый Мишка?

Какія растенія, какихъ звѣрей и птицъ вы видите въ лесу?

Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья про-межъ себя: кто изъ нихъ лучше. Вотъ дубъ и говорить: „Я всёмъ деревьямъ царь!

Корень мой глубоко въ землю ушѣлъ, стволъ въ три обхвата, верхушка въ небо смотрится; листья у меня вырѣзные, а сучья будто изъ желѣза вылиты. Я не кланяюсь бурямъ, не гнусь передъ грозюю“.

Услышала яблоня, какъ дубъ хвастаетъ, и молвила: „Не хвастай много, дубище, что ты великъ и толстъ; за то растутъ на тебѣ одни жолуди, свиньямъ на потѣху; а моѣ-то румяное яблочко и на царскомъ столѣ бываетъ“.

Слушаетъ сосенка, иглистой верхушкой качаетъ: „Погодите, говорить, похваляться; вотъ придѣтъ зима, и будете вы оба стоять голѣшеньки, а на мнѣ всё же останутся мои зелѣныя колочки; безъ меня въ холодной сторонѣ житья бы людямъ не было: я имъ и печки топлю, и избы строю“.

Сравните дубъ съ яблоней, березу съ сосной, сосну съ елкой.

Чудная бѣлка.

Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами.
Ель растѣтъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живѣтъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поѣтъ,
Да орѣшки все грызѣтъ;
А орѣшки не простые,
Всѣ скорлупки золотыя,

Ядра — чистый изумрудъ.
 Слуги бѣлку берегутъ,
 Служать ей прислугой разной —
 И приставленъ дьякъ приказный
 Строгий счётъ орѣхамъ вестъ;
 Отдаетъ ей войско честь;
 Изъ скорлупокъ льютъ монету
 Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
 Дѣвки сыплютъ изумрудъ
 Въ кладовыя да подъ спудъ.
 Всѣ въ томъ островѣ богаты:
 Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты.

Жалобы зайки.

Растужился, расплакался сѣренькій зайка, подъ кустикомъ сидючи; плачетъ, приговариваетъ:

„Нѣтъ на свѣтѣ доли хуже моей, сѣренькаго зайки!
 И кто только не точить зубовъ на меня! Охотники, собаки, волкъ, лиса и хищная птица: кривоносый ястребъ, пучеглазая сова; даже глупая ворона, и та таскаетъ своими кривыми лапами моихъ милыхъ дѣтушекъ — сѣренькихъ зайчатъ. Отовсюду грозитъ мнѣ бѣда; а защищаться-то нечѣмъ: лазить на дерево, какъ бѣлка, я не могу; рыть норъ, какъ кроликъ, не умѣю. Правда, зубки мои исправно грызутъ капустку и кору гложутъ, да укусить смѣлости не хватаетъ. Вѣгать я таки мастеръ и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бѣжать по ровному полю или на гору; а какъ подъ гору — то и пойдешь кувырккомъ черезъ голову: переднія ноги не доросли.“

„Всѣ бы ещё можно жить на свѣтѣ, еслибъ не трусость негодная. Заслышишь шорохъ — уши подымутся, сердчишко забьется, не взвидишь свѣта, пырснешь изъ куста — да и угодишь прямо въ тенѣта или охотнику подъ ноги.“

„Охъ, плохо мнѣ, сѣренькому зайкѣ! Хитришь, по кустикамъ прячешься, по за кочками слоняешься, слѣды путаешь; а рано или поздно бѣды не миновать, и по-тащить меня кухарка на кухню за длинныя уши.“

„Одно только и есть у меня утѣшеніе, что хвостикъ коротенькій: собакѣ схватить не за что. Будь у меня такой хвостике, какъ у лисицы, куда бы мнѣ съ нимъ дѣваться! Тогда бы, кажется, пошелъ и утопился.“

Сравните зайца съ кошкой.

Лиса Патрикѣевна.

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое, ушки на макушкѣ, хвостикъ на отлѣтѣ, шубка тѣпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилеть, а на шеѣ бѣлый галстучекъ.

Ходить лиса тихохонько, къ землѣ пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвостъ носить бережно; смотреть ласково, улыбается, зубки бѣлые показываетъ.

Роетъ норы, умница, глубокия; много входовъ въ нихъ и выходовъ; кладовыя есть, есть и спаленки, мягкой травушкой полы выстланы.

Всѣмъ бы лисанька хороша была хозяйюшка, да разбойница—лиса-постница: любить курочекъ, любить утокъ, свернѣтъ шею гусю жирному, не помилуетъ и кролика.

Сравните лису съ зайцемъ.

Ученый медвѣдь.

„Дѣти! дѣти! кричала няня: идите медвѣдя смотрѣть“. Выбѣжали дѣти на крыльцо, а тамъ уже много народу собралось. Нижегородскій мужикъ, съ большимъ коломъ въ рукахъ, держитъ на цѣпи медвѣдя, а мальчикъ приготовился въ барабанъ бить.

— А ну-ка, Миша, говоритъ нижегородецъ, дѣргая медвѣдя цѣпью:—встань, подымись, съ боку на бокъ перевались, честнымъ господамъ поклонись и молодкамъ покажись.

Заревѣлъ медвѣдь, нехотя поднялся на заднія лапы, съ ноги на ногу переваливается, на право, на лѣво раскланивается.

— А ну-ка, Мишенька, продолжалъ нижегородецъ:—покажи, какъ малые ребятишки горохъ воруютъ: гдѣ сухо—на брюхѣ, а мокренько—на колѣночкахъ.

И поползъ Миша, на брюхо припадаетъ, лапой загребаешь, будто горохъ дѣргаетъ.

— А ну-ка, Мишенька! покажи, какъ бабы на работу идутъ.

Идѣтъ медвѣдь, нейдѣтъ; назадъ оглядывается, лапой за ухомъ скребѣтъ.

Нѣсколько разъ медвѣдь показывалъ досаду, ревѣлъ, не хотѣлъ вставать; но желѣзное кольцо цѣпи, продѣтое въ губу, и колъ въ рукахъ хозяина заставляли бѣднаго звѣря повиноваться. Когда медвѣдь передѣлалъ все свои штуки, нижегородецъ сказалъ:

— А ну-ка, Миша! теперича съ ноги на ногу перевались, честнымъ господамъ поклонись, да не лѣнись, да пониже поклонись! Потѣшь господъ и за шапку берись: хлѣбъ положить, такъ съѣшь; а деньги, такъ ко мнѣ вернись!

И пошѣлъ медвѣдь, съ шапкой въ переднихъ лапахъ, обходить зрителей. Дѣти положили гривенникъ; но имъ было жаль бѣднаго Миши: изъ губы, продѣтой кольцомъ сочилась кровь.

Не ладно скроенъ, да крѣпко спитъ.

Впленькій, гладенькій зайчикъ сказалъ ежу: „Какое у тебя, братецъ, некрасивое колючее платье.“— „Правда, отвѣчалъ ежъ:—но мои колючки спасаютъ меня отъ

зубовъ собаки и волка. Служитъ ли тебѣ такъ же твоя хорошенькая шкурка? — Зайчикъ, вмѣсто отвѣта, только вздохнулъ.

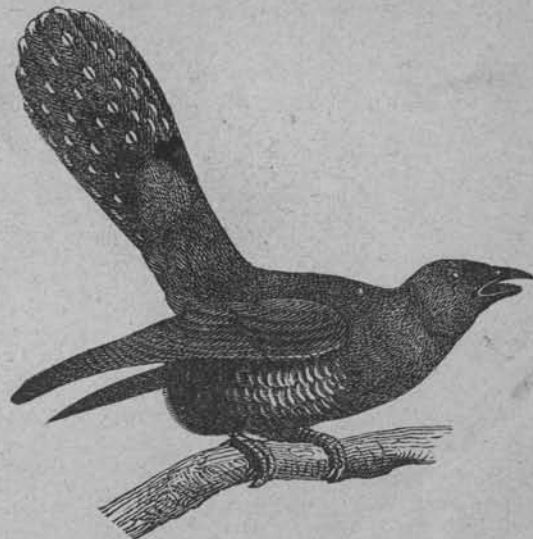
Дятель.

Тукъ-тукъ-тукъ! Въ глухомъ лѣсу, на соснѣ, чѣрный дятель плотничаетъ. Лапками цѣпляется, хвостикомъ упирается, носомъ постукиваетъ — мурашей да козявокъ изъ за коры выпугиваетъ; кругомъ ствола объжить, никого не проглядить. Испугалися мураши: „эти-де порядки не хороши!“ Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотятъ вонь идти. Тукъ-тукъ-тукъ! Чѣрный дятель стучить, носомъ кору долбить, длинный языкъ въ дыры запускаетъ: мурашей, словно рыбку, таскаетъ.

Кукушечка.

Сѣрая кукушка — бездомная лѣнивица, гнѣзда не вѣётъ, въ чужія гнѣзда яички кладётъ, своихъ кукушатъ на выкормъ отдаётъ; да еще и подсмѣивается, передъ муженькомъ хвалится: „хи-хи-хи! ха-ха-ха! погляди-ка, муженёкъ, какъ я овсянкѣ на радость яичко снесла“. А хвостатый муженёкъ, на берёзѣ сидючи, хвостъ развернулъ, крылья опустилъ, шею вытянулъ, изъ стороны въ сторону покачивается, года высчитываетъ, глупыхъ людей обсчитываетъ.

Сравните кукушку съ дятломъ.

Эхо.

Ревѣтъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поютъ-ли пѣсню за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

6 августа.

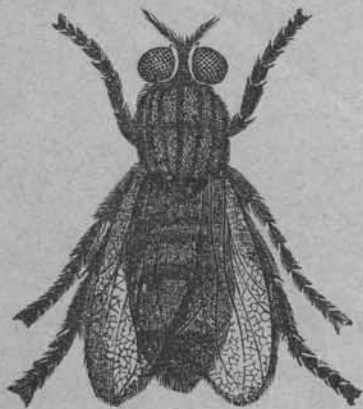
Давно я не писалъ ничего въ своёмъ дневникѣ: но

до того мнѣ было цѣлое лѣто! Теперь ужъ мы не такъ много бѣгаемъ: перепадаютъ дожди и пахнетъ осенью.

Съ торжествомъ понесли мы сегодня въ церковь полное блюдо румяныхъ яблокъ, жёлтыхъ грушъ и синихъ сливъ. Мамаша и бабушка только сегодня начали ѣсть плоды; но мы давнымъ-давно разрѣшили.

На поляхъ уже стоятъ ряды высокихъ копѣнъ; скоро къ намъ принесутъ послѣдній снопъ и поставятъ его подъ образами. Мухи начинаютъ больно кусаться—видно лѣту конецъ.

М у х а.

Не правда ли, какъ красива муха подъ увеличительнымъ стекломъ? Крылышки ея сотканы чрезвычайно искусно и отливаются радужными цвѣтами. На головѣ у нея два большіе глаза, но каждый глазъ состоитъ изъ множества маленькихъ глазковъ. На концѣ

мохнатыхъ лапокъ клейкія подушечки, и онѣ-то помогаютъ мухѣ ползать по гладкому стеклу и по потолку. Муха кладѣтъ свои яички въ сыромъ мѣстѣ, въ кучи сору. Уже на другой день изъ яичекъ выходятъ червячки (личинки); черезъ двѣ недѣли изъ червячка сдѣлается куколка, а ещё черезъ двѣ изъ куколки выйдетъ

молодая мушка. Эта мушка въ то же лѣто можетъ уже нанести яичекъ; а такъ какъ муха несѣтъ яйца четыре раза въ лѣто и каждый разъ по 80 и 90 штукъ, то подумайте, сколько было бы мухъ, еслибы ихъ не истребляли холода, птицы и въ особенности пауки.

Опишите муху и ея превращенія.

Красное лѣто никому не надокучило.—Лѣтний день за зимнюю недѣлю.—Лѣто—страдная пора.—Не моли лѣта долгаго, а моли теплаго.—Хорошо бы лѣто, да мухи заѣли.

О С Е Н Ъ.

Примѣты осени.

Мелькаетъ жёлтый листъ на зелени деревъ; работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдали ковѣръ луговъ, и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всёмъ встрѣчаетъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина; тамъ скирдъ виднѣется; а тамъ черезъ заборъ кистями красными повиснула рябина; тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ; и курится овинъ, и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ...

И цѣлый день скрипятъ воза; и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣпами; и стая журавлей несѣтся высоко, перекликаясь порой подъ небесами.

По какимъ примѣтамъ вы узнаете осень?

Мизгирь.

(Паукъ).

Было лѣто тёплое: народилось комаровъ, мухъ да мошекъ несмѣтное число; стали они людей кусать, горячую кровь пить. Провѣдалъ объ этомъ мизгирь—удалой воинъ; сталъ онъ ножками трясти, да мерѣжки плести, ставить на дорожки, куда летаютъ комары да мошки. Попала къ нему муха-горюха; а мизгирь на неё наскочилъ, хочетъ её губить. Тутъ муха взмолилася: „батюшка, мизгирь! не губи ты меня; послѣ меня много сиротъ безпріютныхъ останется.“ Сжалился надъ мухой мизгирь: отпустилъ её на всѣ четыре стороны.

Полетѣла муха, забубнила: „Ой, вы, мухи-горюхи, комары да мошки! Проявился мизгирь, сталъ онъ ножками трясти, да мерѣжки плести—всѣхъ васъ передушить хочетъ!“ Полетѣли комары и мошки, забились подъ осиновое корыто и лежать, словно мѣртвые.

Ждалъ-ждалъ мизгирь—никто къ нему въ гости не летитъ. Отыскалъ онъ тогда таракана-усача и говоритъ: „иди, тараканъ! ударь въ барабанъ! скажи всѣмъ комарамъ да мошкамъ, что мизгирия больше въ живыхъ нѣтъ; въ городъ, моль, его отослали и тамъ ему голову отсѣкли.“

Пошѣлъ тараканъ, ударилъ въ барабанъ, подлѣзъ подъ осиновое корыто и кричить: „Что вы тутъ запали, словно мѣртвые сидите! Вѣдь мизгирия давно въ живыхъ нѣтъ: его въ городъ услали и тамъ ему голову отсѣкли.“

Обрадовались комары да мошки; вылѣзли изъ-подъ корыта да мизгирию въ сѣти и попали. А онъ, разбойникъ, радъ гостямъ; принялся ихъ душить, да еще приговариваетъ: „Что вы очень мелки? Почаще-бы ко мнѣ въ гости бывали, моего пивца испивали.“ Передушилъ всѣхъ—однѣ шкурочки остались.

Изъ огня да въ полымя.

Крестянинъ везъ на мельницу рожь. Мѣшокъ былъ дырявый, и нѣсколько зеренъ разсыпалось по дорогѣ. Голуби налетѣли кучей, но пришелъ пѣтухъ и прогналъ голубей. Голуби стали жаловаться коршуну. Коршунъ разсудилъ по своему: сначала растерзалъ пѣтуха, а потомъ передушилъ голубей.

Полевая мышка.

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой...
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золь—я за тобой
Не погонюсь.

* * *

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,

Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

* *
*

Твой бѣдный домикъ разорёнъ:
Почти съ землёй сравнялся онъ;
И станешь вновь искать ты мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ,
Шумитъ кругомъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1-го октября.

Покровъ—нашъ храмовой праздникъ. Сколько народу было въ церкви, и какъ всё весело! Въ нынѣшнемъ году большой урожай.)

У насъ въ саду вчера сняли послѣднія яблоки; только на одной рябинѣ еще краснѣютъ ягоды и дожидаются перваго мороза.

Зелѣныя рожи превратились въ разноцвѣтныя; осинка дрожить, вся золотая и пурпуровая; вѣтеръ обрываетъ послѣдніе листья; крылья мельницъ не перестаютъ вѣтаться; мой новый змѣй летаетъ высоко; а въ сѣняхъ у насъ уже стоятъ приготовлены зимнія рамы.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли.

* *
*

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

* *
*

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю выюгу,—

* *
*

«Скучно склоняться до самой земли,
«Спѣлыя зѣрна купая въ пыли.

* *
*

«Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
«Всякой пролѣтной, прозорливой птицы;

* *
*

«Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бѣтъ.
«Гдѣ же нашъ пахарь—чего ещё ждётъ?

* *
*

Вѣтеръ несётъ имъ печальный отвѣтъ:
«Вашему пахарю моченьки нѣтъ.»

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера съ зарёй
Всё грачи летали,
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера всё спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Въ ноябрѣ.

Проснулись мы сегодня и видимъ, что въ комнатѣ

ужь очень свѣтло, хоть солнышка и не видно. Бросились мы къ окну и вскрикнули отъ радости.

Блестящій пушистый снѣгъ толстымъ слоємъ покрывъ и дворъ нашъ, и заборъ, и конуру жучки, и крышу сарая. Дядя Кондратій проѣхалъ уже на дровняхъ, а Васька бѣжитъ изъ кухни и отряхиваетъ лапки.

„Зима, зима!“ кричали мы и хлопали въ ладоши; проворно одѣлись, проворно позавтракали—и скорѣй на дворъ. Костя сталъ ладить свои салазки, а я, не подумавъ хорошенько, схватилъ коньки—и къ рѣкѣ, а она, тѣмная и синяя, течётъ среди бѣлыхъ береговъ.

Осенней озими въ закромы не кладутъ. — Корми меня въ весну, а въ осень я самъ сытъ буду. — Въ осень и у воробья пиво. Осень—то матка: кисель да блины; а весною—то гладко, сиди да гляди.

Волшебница зима.

Пришла волшебница зима!	Проказамъ матушки зимы.
Пришла, разсыпалась: клоками	Опратнѣй моднаго паркета,
Повисла на сукахъ деревьевъ;	Блится рѣчка, льдомъ одѣта;
Легла волнистыми коврами	Мальчишекъ радостный народъ
Среди полей, вокруг холмовъ;	Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
Брега съ недвижною рѣкой	Мелькаетъ, вѣтсѣ первый
Сравнила пухлой пеленой;	снѣгъ,
Блеснулъ морозъ—и рады мы	Звѣздами падая на брегъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНІЙ.

№ 1. *Мыло сыро, да моетъ бѣло. — Бѣла береста, да деготь черенъ. — И красно, и пестро, да линюче.*

Цвѣта предметовъ. Что бываетъ бѣлага цвѣта? чернаго? зеленаго? желтаго? синяго? голубого? краснаго? сѣраго? Какого цвѣта бываютъ глаза у людей? Какого—волосы? Какого цвѣта бываетъ шерсть у лошадей? Какіе цвѣтки синіе? Какіе—желтые? розовые? бѣлые?

№ 2. *Денежки круглы: день и ночь катятся. — Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ. — Горбатаго къ стѣнѣ не приставишь. — Малъ, да конопляникъ; велика, да моховина.*

Форма предметовъ. Что бываетъ кругло и что плоско? что длинно и что коротко? что толсто и что тонко? что прямо и что криво? что велико и что мало? что гладко и что шероховато? что остро и что тупо?

№ 3. *Есть-словцо, какъ медъ сладко; нѣтъ-словцо, какъ полынь горько. — Сладкимъ портятъ, а горькимъ льчатъ. — Камзолы зелены, а щи не солены. — На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ.*

Плотность, тяжесть, вкусъ. Что бываетъ жидко? густо? твердо? мягко? черство? хрупко? упруго? ломко? тяжело? легко? Что кисло? сладко? горько? солоно? прѣсно?

№ 4. *Линейка пряма, а серпъ..? Хорошая бумага гладка, а дурная..? Воскъ мягокъ, а желѣзо..? Свинецъ тяжелъ, а пухъ..? Щавель кисель, а полынь..? Сталь упруга, а стекло..?*

Трава зеленого цвѣта, а небо..? Золото желто, а серебро... Молоко бѣло, а чернила..?

№ 5. *Яблоки бываютъ:* (по формѣ) круглыя или продолговатыя; (по цвѣту) желтыя, зеленыя, красныя, розовыя; (по плотности) твердыя, мягкія, рассыпчатыя; (по вкусу) кислыя, сладкія, кисло-сладкія.

Какова *груша:* по формѣ? по цвѣту? по плотности?

Какова *вишня:* по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Какова *морковь:* по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Каковъ *серебряный рубль:* по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

Каковъ *мѣдный пятакъ:* по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

№ 6. *Безрукій клѣтъ обокралъ, голому за назуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой караулъ закричалъ, безногий въ погонь погналъ. — За правое дѣло стой смѣло! — Ерема въ воду, Тома ко дну: оба упрямы — со дна не бывали.*

Люди бываютъ: высокіе и приземистые, худощавые и полные, стройные и горбатые, сильные и слабые, больные и здоровые, молодые и старые, зоркіе и близорукіе, бѣдные и богатые.

Люди должны быть: добры, справедливы, честны, прилежны, ласковы, учтивы, сострадательны, терпѣливы, бережливы, щедры, правдивы, смѣлы, уступчивы, скромны.

Люди не должны быть: злыми, лживыми, гордыми, сварливыми, мстительными, жадными, скупыми, упрямыми, трусливыми.

№ 7. *Противоположныя качества:* Ваня прилеженъ, а Митя лѣнивъ. Лиза послушна, а Соня..? Костя смѣлъ, а Петя..? Ваня и Митя добры, а Соня и Гриша..? Не должно

быть скрытнымъ, но..? Пусть богатый дѣлится съ... (съ кѣмъ?) Молодые люди должны уважать... (кого?) Не должно быть расточительнымъ, но..? Не должно быть скупымъ, но..? Не должно быть упрямымъ, но..? Не должно быть грубымъ, но..? Не должно быть трусливымъ, но..?

№ 8. *Толкуй про словый, а сосновый крѣпче. — Не тужи, наживемъ ременны гужи.*

Какую посуду дѣлаютъ изъ дерева? Изъ дерева дѣлаютъ *деревянную* посуду. Какую посуду дѣлаютъ изъ мѣди? изъ чулуна? изъ глины? Какую монету чеканятъ изъ золота? изъ серебра? изъ мѣди? Какое платье шьютъ изъ сукна? Какія веревки вьютъ изъ пеньки? Какіе вѣнки вьютъ изъ цвѣтовъ? Какія вѣ окнѣ рамы и какія оконницы?

№ 9. *Шуба овечья, да душа человѣчья. — Человѣческому дѣлу не до вѣку стоять. — Сегодняшней работы на завтра не откладывай. — Лисій хвостъ, да волчій ротъ. — Гречневая каша сама себя хвалитъ.*

Гнѣздо птицы, или *птичье* гнѣздо. Хвостъ лошади, или лошадиный хвостъ. Лапа медвѣдя, или..? Крыло вороны, или..? Хвостъ лисицы, или..? Книга дѣтей, или..? Грива коня, или..? Пѣнье соловья, или..? Дѣло человѣка, или..? Вѣрность собаки, или..? Мѣхъ куницы, или..? Площадь города, или..? Звонъ колокола, или..? Лапка лягушки, или..? Рыба изъ Волги, или..? Салопъ изъ мѣха лисицы, или..?

№ 10. *Меньше говори, да больше слушай. — Держись сохи плотнѣе, будетъ прибыльнѣе. — Скупой богатъ бѣднѣе нищаго. — Правда свѣтлѣе солнца. — Худое колесо громче скрипитъ.*

Желѣзо тяжело, но свинець еще тяжелѣе. Лошадь высока, но верблюдъ еще выше. Бѣлка хитра, но лисица еще..? Серебро дорого, но золото еще..? Мѣдь тверда, но желѣзо..? Нитки тонки, но волосъ..? Веревка толста, а канатъ..? Сосна

крѣпка, а дубь..? Груша сладка, а мѣдь..? Муха мала, а мошка..? Мѣсяць свѣтитъ ярко, а солнце..? Сосна горитъ жарко, а берѣза..? Молоко жидко, а вода..? Ножъ остѣрь, а бритва..? Рѣка глубока, а море..? Церковь наша высока, а колокольня..?

№ 11. *Что дѣлается утромъ?* Солнце восходить. Становится свѣтло. Птицы просыпаются и поютъ, летаютъ, ищутъ корма и вьютъ гнѣзда. Крестьяне встаютъ, одѣваются, молятся Богу, завтракаютъ и идутъ на работу. Хозяйки топятъ печи и начинаютъ стряпать обѣдъ. Дѣти берутъ свои книги и отправляются въ школу.

Что дѣлалось вчера утромъ? Что будетъ дѣлаться завтра утромъ?

№ 12. *Что дѣлалось вчера вечеромъ?* Солнце садилось. Птички замолкали и прятались въ гнѣзда. Стада возвращались въ село. Крестьяне переставали работать и шли домой. Дѣти ложились спать.

Что дѣлается сегодня вечеромъ? Что будетъ дѣлаться завтра вечеромъ?

№ 13. *Весна теперь.* Снѣгъ таетъ. Рѣки вскрываются. Новая трава показывается. Скотъ выгоняютъ въ поле. Крестьяне прячутъ сани и ладятъ телѣги.

Что дѣлалось весной въ прошломъ году? Что будетъ дѣлаться весной въ будущемъ году?

№ 14. *Что дѣлалось прошедшее лѣто?* Дни были длинные и жаркіе. На поляхъ созрѣвалъ хлѣбъ. Крестьяне косили и жали. Дѣти бѣгали въ лѣсъ за ягодами.

Что дѣлается нынѣшнимъ лѣтомъ? Что будетъ дѣлаться будущимъ лѣтомъ?

№ 15. *Будущая осень.* Настанетъ осень. Дни будутъ коротки, ночи долги и темны. Пойдутъ дожди и начнутся замо-

розки. Крестьяне станутъ молотить хлѣбъ, крестьянки прясть пряжу. Въ домахъ будутъ вставлять зимнія рамы. Начнутъ топить печи.

Настоящая осень? Прошедшая осень?

№ 16. *Зима теперь.* Настаётъ зима. Начинаются морозы. Земля покрывается снѣгомъ, а рѣки льдомъ. Люди надѣваютъ шубы и тулупы. Ложится санный путь. Обозы тянутся по дорогамъ. Мальчики катаются по льду.

Прошедшая зима? Будущая зима?

№ 17. Къ добру мостись, а отъ худа пятись! — Куй желѣзо, пока горячо! — Упалъ — такъ цѣлуй мать-сыру землю да становись на ноги! — Любишь кататься — люби и саночки возить! — Ходи — не шатайся! Ышь — не объѣдайся! стой — не качайся!

Не лѣнись, а трудись! Днемъ работай, а ночью..? Свое береги, а чужого..? Гулять гуляйте, а дѣла..? Раньше вставайте, руки и лицо мойте... волоса..? платье..? Богу..? уроки..?

Что приказано въ пятой заповѣди? что въ третьей? что въ шестой?

№ 18. Дѣвочка бѣгаетъ по полю, рвѣтъ цвѣты и ловитъ бабочекъ.

Я бѣгаю по полю..? Ты бѣгаешь по полю..? Онъ бѣгаетъ по полю..? Мы съ братомъ бѣгаемъ по полю..? Вы съ сестрой бѣгаете по полю..? Братъ и сестра бѣгаютъ по полю..?

№ 19. *Вхалъ, да не дохалъ; еще поѣдемъ, авось доѣдемъ* — Учился читать да писать, а выучился пѣть да плясать. — За него грошъ дать — не додать, а два дать — передать — Умный шутитъ — умный и отшучиваться.

Ваня шѣлъ, да не дошѣлъ. Птицы садились на крышу, да не сѣли. Воробей вилъ гнѣздо, да не..? Крестьянинъ рубилъ дерево, да не..? Я хотѣлъ крикнуть, да не..? Я подымалъ

камень, да не..? Птица падала, да не..? Онъ давалъ мнѣ яблоко, да не..? Я зажигалъ свѣчу, да не..?

№ 20. *Люди хвалятъ—не захвалятъ; люди хулятъ—не захулятъ; вѣтры вѣютъ—не развѣютъ; солнце сушитъ—не засушитъ; дожди мочатъ—не размочатъ.—Ждали обозу, а дождались навозу.—Авоськаль, авоськаль—да и доавоськался*

Я рвалъ веревку, да не..? Кошка ловила мышъ, да не..? Мы запирали двери, да не..? Мальчикъ лѣзъ на яблоню, да не..? Ваня училъ урокъ, да не..?

№ 21. *Высокая гора.* Видна изъ-далека высокая гора.— Камни часто валяются (съ чего)..? Мы подходимъ (къ чему)..? Трудно взойти (на что?)..? Опасно жить (подъ чѣмъ?)..? Весело стоять (на чемъ?)..?

У насъ на Кавказѣ *высокія горы.* Снѣгъ часто валится (съ чего?)..? Облака часто сходятся (куда? къ чему?)..? Трудно переѣзжать (черезъ что?)..? Глубокія долины лежатъ (между чѣмъ?)..? Снѣгъ и ледъ лежатъ и зиму, и лѣто (на чемъ? гдѣ?)..?

№ 22. *Добрый человекъ.* Не помнитъ зла (кто?)..? Худо тому мѣсту, гдѣ нѣтъ (кого?)..? Поклонись въ поясъ (кому?)..? Поминай добромъ (кого?)..? Хорошо имѣть дѣло (съ кѣмъ?)..? Вспоминай чаще (о комъ?)..?

Добрые люди. Вездѣ нужны (кто?)..? На свѣтѣ не (безъ кого?)..? Дай Богъ здоровья (кому?)..? Ищи со свѣчей (кого?)..? Свѣтъ держится (кѣмъ?)..? Приятно говорить (о комъ?)..?

№ 23. *Послушныя и прилежныя дѣти.* Родителямъ на утѣшеніе и людямъ на пользу растутъ (кто?)..? Худо той школѣ, гдѣ мало (кого?)..? Богъ даетъ разумъ (кому?)..? Всѣ любятъ (кого?)..? Приятно толковать (съ кѣмъ?)..? Весело говорить (о комъ?)..?

№ 24. *Свои два глаза.* Дороже алмаза (что?)..? Я не отдамъ ни за что (чего?)..? Трудно не вѣрить (чему?)..? Береги

пуще всего (что?)..? Мы видимъ и небо, и землю (чѣмъ?)..? Кто-жъ не заботится (о чемъ?)..?

№ 25. *Пять пальцевъ.* На рукѣ (что?)..? Плохо пришлось бы человѣку (безъ чего?)..? Тепло въ рукавицѣ (чему?)..? Плотникъ отрубилъ себѣ (что?)..? Многое можно сдѣлать (чѣмъ?)..? Не мало искусства (въ чемъ?)..?

№ 26. *Пахаль.* (Кто?) *Крестьянинъ пахаль.* (Что?) *Крестьянинъ пахаль поле.* (Чѣмъ?) *Крестьянинъ пахаль поле сохою.* (Гдѣ?) *За нашимъ садомъ крестьянинъ пахаль поле сохою.* (Когда?) *Вчера за нашимъ садомъ крестьянинъ пахаль поле сохою.* (Какъ?) *Вчера за нашимъ садомъ крестьянинъ пахаль поле сохою очень усердно.*

Копалъ. Кто? что? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

Рубилъ. Кто? что? когда? гдѣ? чѣмъ? какъ?

Писалъ. Кто? что? когда? чѣмъ? кому?

№ 27. *Лошадь бѣжала.* Какая? когда? куда? (гдѣ?) / какъ?

Канарейка улетѣла. Какая? откуда? куда? когда?

Дѣвочки рвали цветы. Гдѣ? когда? какія? для кого?

Собирали грибы. Кто? гдѣ? когда? во что?

Жам. Кто? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

№ 28. *Яблоко упало.* Какое? когда? гдѣ? съ чего? на что?

Учитель похвалилъ дѣтей. Когда? гдѣ? какихъ? за что?

Упалъ и ушибся. Кто? гдѣ? когда? съ чего? обо что? какъ?

Бѣжалъ на лошади. Кто? гдѣ? когда? куда? откуда? на какой лошади? какъ?

№ 29. *Шьетъ сюртукъ.* Кто? гдѣ? кому? изъ чего? чѣмъ?

Сапожникъ шьетъ. Что? гдѣ? кому? изъ чего? для кого?

Каменщики строятъ. Что? гдѣ? изъ чего? какъ? *)

*) Всѣ эти упражненія №№ 26, 27, 28 и 29 слѣдуетъ передѣлать по различнымъ числамъ и временамъ: изъ прошедшаго въ настоящее, изъ настоящаго въ будущее, изъ единственнаго во множественное, и наоборотъ.

№ 30. *Столъ.* Что такое столъ? Кто дѣлаеть столы и изъ чего? Что внизу стола? Что вверху стола? Что кладуть на столахъ?

№ 31. *Перочинный ножикъ.* Что такое перочинный ножикъ? Изъ чего дѣлають лезвее перочиннаго ножа? Изъ чего дѣлается черенокъ? Гдѣ дѣлаются перочинные ножики? Что дѣлають перочинными ножиками?

№ 32. *Домъ.* Что такое домъ? Изъ чего строятся дома? Кто и изъ чего строить деревянные дома? Кто и изъ чего строить каменные дома? Что у дома сверху? Что съ боковъ? Что снизу? Что продѣлываютъ въ стѣнахъ дома?

№ 33. *Хлѣбъ.* Кто и изъ чего дѣлаеть хлѣбъ? Изъ чего дѣлается тѣсто? Кто, гдѣ и изъ чего дѣлаеть муку? Гдѣ и когда созрѣваютъ хлѣбныя зерна? Кто, гдѣ и когда сѣеть хлѣбныя зерна? Кто и чѣмъ обрабатываетъ поле? Что нужно для роста хлѣба?

№ 34. Напишите такъ же о стулѣ; о грифельной доскѣ; о классной доскѣ; о томъ, что дѣлается въ классѣ; о томъ, что дѣлается дома, и т. п. (Поставьте сначала вопросы, а потомъ напишите отвѣты на нихъ).

№ 35. Напишите такъ же о кошкѣ, о собакѣ, о лошаdkѣ, о коровкѣ, объ уточкѣ; опишите садъ, огородъ, вашъ домъ и т. п.

№ 36. Напишите о воробѣ, о канарейкѣ. Напишите, что вы дѣлали сегодня въ классѣ. Напишите, что думаете дѣлать завтра. Напишите, что вы дѣлали прошлое лѣто. Напишите товарищу, какъ вы провели Свѣтлый Праздникъ, какъ провели Рождество. Напишите отцу, чѣмъ вы занимаетесь въ классѣ.

Церковно-славянское чтеніе.

1. Церковно-славянская азбука въ сравненіи съ русской.

Церковно-славянская азбука.		Русская азбука.		Произношеніе.
Начертаніе.	Названіе.	Начертаніе.	Названіе.	
Ѧ	азъ	А а	а	а
Б б	буки	Б б	бе	бъ
Ѧ Ѧ	вѣди	В в	ве	въ
Г г	глаголь	Г г	ге	гъ
Д д	добро	Д д	де	дъ
Ѧ Ѧ	есть	Е е	е	е
Ж ж	живете	Ж ж	же	жъ
З з	зѣло	—	—	зъ
З з	земля	З з	зе	зъ
И и	иже	И и	и	и
ї і	і	І і	і	і
К к	како	К к	ка	къ
Л л	люди	Л л	эль	лъ
М м	мыслѣте	М м	эмъ	мъ
Н н	нашъ	Н н	энъ	нъ
О о	онъ	О о	о	о
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	омега	—	—	о
П п	покой	П п	пе	пъ
Р р	рцы	Р р	эръ	ръ

Ѡ ѡ	слово	С с	эсь	сь
Ѣ ѣ	твердо	Т т	те	ть
Ѥ ѥ	укъ	—	—	у
Ѧ ѧ Ѧ ѧ Ѧ ѧ	у	У у	у	у
Ѧ ѧ	ферть	Ф ф	эфъ	фъ
Х х	хѣръ	Х х	ха	хъ
Ѧ ѧ	отъ	—	—	отъ
Ц ц	цы	Ц ц	це	ць
Ч ч	червь	Ч ч	че	чь
Ш ш	ша	Ш ш	ша	шъ
Щ щ	ща	Щ щ	ща	щъ
Ъ ъ	ерь	Ъ ъ	ерь	твердый знакъ
Ы ы	еры	Ы ы	еры	ы
Ь ь	ерь	Ь ь	ерь	мягкій знакъ
Ѣ ѣ	ять	Ѣ ѣ	ять	е
Ю ю	ю	Ю ю	ю	ю
Ѣ ѣ	юсь	—	—	ю
Ѧ ѧ Ѧ ѧ Ѧ ѧ	я	Я я	я	я
Ѧ ѧ	кси	—	—	къ
Ѧ ѧ	пси	—	—	къ
Ѧ ѧ	ѡита	Ѧ ѧ	ѡита	фъ
Ѧ ѧ	ижица	Ѧ ѧ	ижица	въ
Ѧ ѧ	ижица	—	—	и

Какія изъ церковно-славянскихъ буквъ изображаются совершенно иначе въ церковной печати, чѣмъ въ гражданской?

Укажите буквы, которыхъ вовсе нѣтъ въ русской азбукѣ?

Укажите такія буквы, которыхъ есть по нѣскольку на одинъ и тотъ же звукъ?

Славянскую азбуку составили ученые и мудрые братья Кирилль и Меодій лѣтъ тысячу тому назадъ. Они переложили съ греческаго языка на славянской всѣ Священныя и Богослужебныя книги, чтобы по нимъ проповѣдывать Христову вѣру Славянскимъ народамъ. За святую и праведную жизнь, за христіанскіе труды Кирилль и Меодій причтены къ лику Святыхъ и Равноапостольныхъ Угодниковъ Божіихъ. Память ихъ празднуется Православною русскою Церковью 11 мая. Отъ славянской азбуки произошла и русская. Она составлена Петромъ Великимъ лѣтъ около двухсотъ тому назадъ и въ отличіе отъ *церковно-славянской* называется — *гражданской*.

2. Слова подъ титлами.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ нѣкоторыя слова, особенно уважаемыя и часто употребляемыя въ молитвахъ и въ Священномъ писаніи, пишутся и печатаются не всѣми буквами, а сокращенно, и тогда ставится надъ ними значекъ, называемый — *титло*. Если подъ титломъ напечатана одна изъ пропущенныхъ буквъ, то такое *титло* называется *буквеннымъ* въ отличіе отъ *простого*.

Простое титло изображается такъ : Бѣзъ—Богъ, Іисъ—Иисусъ, Дхъ—Духъ, цѣрь—царь, члкъз—человѣкъ.

Буквенныя титла:

Ѡ слово-титло: ГѠбъ—Господь, крѠтъ—кресть.

Ѧ глаголь-титло; ѦвѠліе—Евангеліе.

Ѧ добро-титло: БѠа—Богородица, ВѠла—Владыка, мѠнци—младенець.

Ѧ онъ-титло: ТрѠца—Троица, прѠрѠкъ—пророкъ.

Прочтите слѣдующія слова подъ титлами:

АѠгъ, АрѠаѠгъ, АѠлъ, БѠтъ, БжествѠ, БѠа, вѠжѠнъ,
вѠгословѠнъ, вѠгъ, ВѠла, ВѠлча, ВоскрѠніе, ГѠбъ, гѠство, гѠзъ,
гѠръ, гѠдинъ, гѠжа, ДѠхъ, ДѠвѠзъ, дѠва, дѠтво, дѠша, дѠнь, Ѧство,
ѦвѠліе, ѦпкѠзъ, Ѡиль, Ѡисъ, ІерѠлімъ, КрѠтитель, мѠскій, МѠръ,
мѠсть, мѠтъ, мѠрдіе, мѠтына, мѠтва, мѠти, МѠра, мѠръ, мѠнкъ, мѠцъ,
мѠнци, НѠбо, нѠбый, нѠтъ, нѠшъ, СѠцъ, ПремѠсть, прѠтолъ, прѠнъ,
прѠрѠкъ, прѠтеча, прѠшъ, РѠжтѠво, СѠтъ, СѠль, ТрѠца, ОуѠтъ,
оуѠнкъ, оуѠнци, ХрѠтѠсъ, ЦрѠвъ, црѠковъ, црѠтво, ЧѠкъ, чѠль,
чѠчкій.

3. Церковно-славянскія числа.

Въ церковныхъ книгахъ числа изображаются славянскими буквами, причемъ, чтобы видѣть, что буква означаетъ число, надъ ней ставятъ титло: а—1, в—2, м—40, ф—500.

Тысячи пишутся тѣми-же буквами, обозначаясь только дважды перечеркнутой чертою внизу, слѣва буквы: а̅—1.000. а̅̅—30,000.

Отъ десяти до двадцати единицы ставятся передъ десятками, а послѣ двадцати единицы ставятся послѣ десятковъ, десятки послѣ сотенъ, сотни послѣ тысячъ: дѠ—14, лѠ—32, рѠвъ—122, лѠпз—1887.

4. Численное значеніе церковно-славянскихъ буквъ по порядку.

а — 1	дѠ — 11	л — 30	Ѡ — 400
в — 2	дѠі — 12	м — 40	ф — 500
г — 3	дѠи — 13	н — 50	х — 600
л — 4	дѠі — 14	Ѡ — 60	ѡ — 700
е — 5	дѠі — 15	б — 70	ѡ — 800
с — 6	дѠі — 16	п — 80	ц — 900
з — 7	дѠі — 17	ч — 90	а̅ — 1000
н — 8	дѠі — 18	р — 100	а̅і — 10,000
ѡ — 9	дѠі — 19	с — 200	а̅р — 100,000
т — 10	к — 20	т — 300	а̅а̅ — 1,000,000

а̅̅.	а̅̅і.	а̅̅л.	а̅̅е.	а̅̅с.	а̅̅з.	а̅̅н.	а̅̅ѡ.
2 т.	3 т.	4 т.	5 т.	6 т.	7 т.	8 т.	9 т.

кѠ.	мѠз.	чѠс.	рѠг.	рѠк.	рѠвъ.	а̅гѠ.	а̅зѠна.
23	47	96	103	120	122	3004	7251

а̅̅̅чг.
1893.

І. Чтенія изъ книгъ Ветхаго Заветъа.

1. Сотвореніе міра.

Кн. Бытіѣ, гл. а. ѱ—ла, гл. в. в.

- а. (1) Вѣ началѣ сотвори Бгъ нво и зѣмлю.
- б. (2). Земля же вѣ невидима, и нестроена: и тма верху вѣданы: и Дхъ Бжій ношашесѣ верху воды.
- г. (3). И рече Бгъ: да вѣдетъ свѣтъ: и вѣсть свѣтъ.
- д. (4). И видѣ Бгъ свѣтъ, такъ добрѣ: и разлучи Бгъ междѣ свѣтомъ, и междѣ тмою.
- е. (5). И нарече Бгъ свѣтъ дѣнь, а тмѣ нарече нощь. и вѣсть вечеръ, и вѣсть оутро, дѣнь єдинъ.
- з. (6). И рече Бгъ: да вѣдетъ твѣрдъ посреде воды: и да вѣдетъ разлучающа посреде воды и воды: и вѣсть такъ.
- з. (7). И сотвори Бгъ твѣрдъ: и разлучи Бгъ междѣ водою, такъ же вѣ подъ твѣрдю, и междѣ водою, такъ же вѣ надъ твѣрдю.
- и. (8). И нарече Бгъ твѣрдъ, нво: и видѣ Бгъ, такъ добрѣ. и вѣсть вечеръ, и вѣсть оутро, дѣнь вторый.
- ѱ. (9). И рече Бгъ: да соверсетъ вода, такъ же подъ нбсѣмъ, въ соврѣніе єдино, и да гавитсѣ сѣша: и вѣсть такъ: и собрасѣ вода, такъ же подъ нбсѣмъ, въ соврѣніѣ своѣ, и гависѣ сѣша.
- г. (10). И нарече Бгъ сѣшъ, зѣмлю: и соврѣніѣмъ водъ нарече морѣ: и видѣ Бгъ, такъ добрѣ.
- д. (11). И рече Бгъ: да прораститъ земля вѣліе травное, сѣющее сѣмѣ по родѣ и по подобію, и дрѣво плодовитое творѣщее плодъ, ємѣже сѣмѣ єгѣ въ нѣмъ по родѣ на земли: и вѣсть такъ.

д. (12). И изнесѣ земля вѣліе травное, сѣющее сѣмѣ по родѣ и по подобію, и дрѣво плодовитое творѣщее плодъ, ємѣже сѣмѣ єгѣ въ нѣмъ по родѣ на земли: и видѣ Бгъ, такъ добрѣ.

г. (13). И вѣсть вечеръ, и вѣсть оутро, дѣнь третій.

д. (14). И рече Бгъ: да вѣдѣтъ свѣтила на тверди нбнѣй, ѱсвѣщати зѣмлю, и разлучати междѣ днѣмъ, и междѣ нощію: и да вѣдѣтъ въ знаменіѣ, и во времена, и во дни, и въ лѣта.

е. (15). И да вѣдѣтъ въ просвѣщеніе на тверди нбнѣй, такъ свѣтити по земли: и вѣсть такъ.

з. (16). И сотвори Бгъ два свѣтила великаѣ: свѣтило великое въ началѣ днѣ, и свѣтило меньшее въ началѣ нощи, и звѣзды.

з. (17). И положи ѣ Бгъ на тверди нбнѣй, такъ свѣтити на зѣмлю,

и. (18). И владѣти днѣмъ и нощію, и разлучати междѣ свѣтомъ и междѣ тмою: и видѣ Бгъ, такъ добрѣ.

ѱ. (19). И вѣсть вечеръ, и вѣсть оутро, дѣнь четвертый.

к. (20). И рече Бгъ: да изведѣтъ воды гады дѣши живыхъ, и птицы летящыѣ по земли по тверди нбнѣй: и вѣсть такъ.

ка. (21). И сотвори Бгъ киты великіѣ, и всѣкѣ дѣшѣ животныхъ гадѣвъ, такъ же изведѣша воды по родѣмъ ихъ, и всѣкѣ птицѣ пернатѣ по родѣ: и видѣ Бгъ, такъ добрѣ.

кв. (22). И влѣви ѣ Бгъ, глагола: раститесѣ, и множитесѣ, и напоинте воды, такъ же въ морѣхъ: и птицы да оумножатсѣ на земли.

кг. (23). И вѣсть вечеръ, и вѣсть оутро, дѣнь пятый.

ка. (24). И рече Бгъ: да изведеть земля дшл живл по рдл, четверонгга и гды, и зври земли по рдл: и высть такъ.

ке. (25). И сотвори Бгъ зври земли по рдл, и скоты по рдл ихъ, и вса гды земли по рдл ихъ: и видъ Бгъ, такъ двбра.

кс. (26). И рече Бгъ: сотворимъ члвкка по швразл на шемл и по подобю: и да швладетъ рыбами морскими, и птицами нбными, (и зврми), и скотами, и всею землю, и всеми гды пресмыкающимса по земли.

кз. (27). И сотвори Бгъ члвкка, по швразл Бжю сотвори егд: мжа и женл сотвори ихъ.

ки. (28). И влви ихъ Бгъ, гл: раститесъ и множитесъ, и напоите землю, и гдствйте ею, и швладите рыбами морскими, (и зврми), и птицами нбными, и всеми скотами, и всею землю, и всеми гадами пресмыкающимса по земли.

кф. (29). И рече Бгъ: се дахъ вамъ всакю травл сменню сшюшю смл, еже есть верхл земли всеа: и вское древо, еже имать вь севл плодл смене сменнагш, вамъ вдетъ вь снбдъ.

л. (30). И всемъ шврэмъ земнымъ, и всемъ птицамъ нбнымъ, и вскомъ гдл пресмыкающемса по земли, иже имать вь севл дшл животл, и всакл травл зеленю вь снбдъ: и высть такъ.

ла. (31). И видъ Бгъ всеа, елика сотвори: и се двбра шлв. И высть вечеръ, и высть оутро, день шестый.

Гл. в. в. (2). И соверши Бгъ вь день шестый дла своа, такъ сотвори: и почи вь день седмый ш всхъ дла своихъ, такъ сотвори.

2. Всемирный потопъ.

(Кн. Быт. гл. 3, 11—14).

1.

Вь шестсотное лто вь жити Нвевл, втораго мца, вь двадцать седмый день мца, вь день той разверзшасъ вси истощицы вэдны, и хлбн нбныхъ шверзшасъ. И высть дождь на землю чтыредцать дней, и чтыредцать ношей. Вь день той виде Нве, Гимъ, Хамъ, Яфе-фъ, сынове Нвевы, и жена Нвева, и три жены сынвв егв съ нимъ вь ковчгъ: и вси зврие земни по рдл, и вси скоти по рдл, и всакй гдл двжшйсъ на земли по рдл, и вскамъ птица пернатамъ по рдл своемл. Вишоша къ Нюю вь ковчгъ два два, мжескй полъ и женскй, ш всакл плоти, вь нейже есть дхъ животный: И входшамъ мжескй полъ и женскй, ш всакл плоти вишоша къ Нюю вь ковчгъ, такъже заповда Гдъ Бгъ Нюю: и затвори Гдъ Бгъ ковчгъ швнл егв. И высть потопъ чтыредцать дней, и чтыредцать ношей на земли, и оумножисъ вода, и вьл ковчгъ, и возвысисъ ш земли: И возмогаше вода, и оумножашесъ шлв на земли, и ношашесъ ковчгъ верхл воды. Но да же возмогаше шлв шлв на земли: и покры всеа горы высокл, такъже вхл подъ небесемъ: Пятнадцатъ лактей горъ возвысисъ вода, и покры всеа горы высвкк. И оумре вскамъ плоть двжшасъ по земли, птицъ и скотвв, и зврей, и всакй гдл двжшйсъ на земли, и всакй члвкк. И всеа елика имлтъ

дыханіе жизни, и всё, еже вѣ на сѣши, оумре. И потребісѣмъ всекое востаніе, еже вѣше на лицѣ всеѣ земли, ш члѣвка даже до скота, и гадѣвъ, и птицѣ нѣныхъ, и потребісѣмъ ш земли: и шста Нѣе єдинъ, и иже съ нимъ въ ковчѣзѣ. И възвысисѣмъ вода надъ землею днѣй сто пѣтьдесѣтъ.

2.

(Кн. Бытіѣ гл. и. а—дї, иі—к. гл. ф. а).

И поманѣ Бгъ Нѣа, и всеѣ звѣри, и всеѣ скоты, и всеѣ птицы, и всеѣ гады пресмыкающісѣмъ, єлика вѣхъ съ нимъ въ ковчѣзѣ: и наведе Бгъ дѣхъ на землю, и преста вода. И заключісѣмъ истѣчницы вѣзды, и хлѣви невѣснымъ: и оудержасѣмъ дождь ш нѣсе: И вспѣтъ поїде вода идѣщая ш земли: и оумалѣсѣмъ вода по стѣ пѣтідесѣтихъ днѣхъ. И сѣде ковчѣзъ въ мѣа седмый, въ двѣдесѣть седмый дѣнь мѣа, на горахъ Араратскихъ. Вода же оухолѣши оумалѣсѣмъ даже до десѣтагѣ мѣа: и въ десѣтый мѣзъ, въ пѣрвый дѣнь мѣа, іавісѣмъ верси горъ.

И вѣсть по четыредесѣтихъ днѣхъ шверзе Нѣе Окѣнце ковчѣга єже сотвори: И посла вѣана (вѣдѣти, аще оустѣпіла вода ш лица земли), и ишѣдъ не возвратісѣмъ, дѣндеже ишѣче вода ш земли. И посла голѣбницѣ по нѣмъ вѣдѣти, аще оустѣпіла вода ш лица земли. И не шѣрѣтши голѣбница покѣмъ ногѣма своїма, возвратісѣмъ къ нѣмъ въ ковчѣзѣ, іако вода вѣше по всемъ лицѣ всеѣ земли: и простѣръ рѣкѣ свою, пріѣтъ ю, и внесѣ ю къ сѣвѣ въ ковчѣзѣ. И премѣдливъ єще сѣдмь днѣй, іаки посла голѣбницѣ изъ ковчѣга. И возвратісѣмъ къ нѣмъ голѣ-

бница къ вѣчерѣ, и имѣаше сѣдѣцѣ масличенъ съ листѣемъ во оустѣхъ своихъ: и познѣ Нѣе, іако оустѣпі вода ш лица земли. И премѣдливъ єще сѣдмь днѣй дрѣгнхъ, іаки посла голѣбницѣ, и не приложі возвратітисѣмъ къ нѣмъ потѣмъ.

И вѣсть въ пѣрвое и шестьсѣтное лѣто житіѣ Нѣева, въ пѣрвый дѣнь пѣрваго мѣа, ишѣче вода ш лица земли: и шкры Нѣе покѣмъ ковчѣга, єго же сотвори, и вѣдѣ іако ишѣче вода ш лица земли. Въ мѣзъ же вторый, въ двѣдесѣть седмый

Жертвоприношеніе Ноево.

дѣнь мѣа ишѣше землѣ... И ишѣде Нѣе, и женѣ єгѣ, и сынове єгѣ, и жены сыновѣ єгѣ съ нимъ: И всеѣ звѣріе, и всеѣ скѣти, и всеѣ птицы, и всеѣ гады двіжѣщісѣмъ по рѣдѣ своемъ

на земли, изыдоша из ковчега. И созда Нше жертвенникъ Гдѣи: и взѣ ѿ всѣхъ скотѣвъ чистыхъ, и ѿ всѣхъ птицъ чистыхъ, и вознесе во всеожженіе на жертвенникъ... И въ агословіи Бгъ Пша, и сыны егѡ, и рече имъ: раститесь и множитесь, и наполните землю, и овладѣйте ею.

3. Продажа Юсифа братьями.

Кн. Бытіѣ, гл. 43., г—л.

Іаковъ же люблѣше Іѡсифа паче всѣхъ сынѣвъ свойхъ, ѣкв сынъ въ старости емѣ бысть: и сотвори емѣ ризѣ пѣстрѣ. Видѣвшѣ же братіѣ егѡ, ѣкв любитъ егѡ Оцъ паче всѣхъ сынѣвъ свойхъ, возненавидѣша егѡ, и не можахѣ глаголати къ немѣ ничтѡже мирно.

Видѣвъ же Іѡсифъ сонъ, повѣда и братіѣ своей. И рече имъ: послушайте сна сегѡ, егѡже видѣхъ. Видѣхъ вѣсѣ въ жѣвѣ щихъ снопы средѣ поля: и воста мой снопы, и ста прѣмш: вѣши же снопы ѡбратившесѣ поклонишасѣ моему снопу. Рѣша же емѣ братіѣ егѡ: еда царствѣмъ царствовать вѣдешѣ надъ нами, или господствѣмъ господствовать вѣдешѣ надъ нами, и приложиша ещѣ ненавидѣти егѡ снѡвъ ради егѡ, и ради словѣсѣ егѡ.

Видѣ же сонъ дрѣгій, и повѣда егѡ Оцѣ своемѣ, и братіѣ своей, и рече: сѣ видѣхъ дрѣгій сонъ: ѣки вы солнце и луна, и единадѣсѣть звѣздъ поклонихусѣ мнѣ. И запрети емѣ Оцѣ егѡ, и рече емѣ: что сонъ сей, егѡже еси видѣлъ; еда при-

шедше придемъ ѣзъ и матери твоѣ, и братіѣ твоѣ поклонитисѣ тебѣ до земли; Позавидѣша же емѣ братіѣ егѡ: Оцъ же егѡ совоудѣ слово сѣе.

Видѣша же братіѣ егѡ пастѣ Овцы Отца своего въ Гѡхемѣ. И рече Іиль ко Іѡсифѣ: еда братіѣ твоѣ не пасѣтъ въ Гѡхемѣ; гряди, да пошлю тѣ къ нимъ, рече же емѣ: сѣ ѣзъ. Рече же емѣ Іиль: шѣдъ, виждъ, ѣще здравствѣютъ братіѣ твоѣ, и Овцы; и повѣждъ ми. и посла егѡ ѿ юдоли Хевронѣи: и приде въ Гѡхемъ. И ѡбръте егѡ человекъ заблѣждающа на поли: вопроси же егѡ члѣвкъ, глагола: чего ѡищѣши; Онъ же рече: братіѣ моеѣ ищѣ: повѣждъ ми, гдѣ пасѣтъ. Рече же емѣ человекъ: Видѣша ѿсюдѣ: слышахъ во ихъ глѡщихъ: пойдѣмъ въ Доѡаимъ. и иде Іѡсифъ въ слѣдъ братіѣ своеѣ, и ѡбръте ѣ въ Доѡаимѣ.

Предъзрѣша же егѡ издадалече, прѣжде привлиженіѣ егѡ къ нимъ: и злѣ оумыслиша оубити егѡ. Рече же кійждо къ братѣ своемѣ: сѣ сновидецъ Оный идетъ. Нынѣ оубо приидите, оубіемъ егѡ, и ввержимъ егѡ во едина ѿ рѣвъ, и речемъ: звѣрь лютъ снѣде егѡ: и оузримъ, что вѣдѣтъ сѡнѣ егѡ.

Слышавъ же Рѣвѣмъ, ѿ егѡ изъ рѣкъ ихъ, и рече: не оубіемъ егѡ на души. Рече же имъ Рѣвѣмъ: не пролите крове: вверзите егѡ во едина ѿ рѣвъ сѣхъ, иже въ пѣстыни, рѣки же не возложите на него: (тѣшесѣ во) ѣкв да изыметъ егѡ ѿ рѣкъ ихъ, и ѡдастъ егѡ Оцѣ своемѣ. Бысть же егда приде Іѡсифъ къ братіѣ своей, совлекоша со Іѡсифа ризѣ пѣстрѣю, ѣже на немъ: И поемше егѡ, ввергоша въ ровъ: ровъ же тѣщъ,

воды не имаше. И съдоша части хлѣвъ: и воззрѣвше очима, видѣша: и се пѣтницы Ісмáилтáне идѣху ѿ Галаáда, и гелвюдды ихъ полны ѳвміáма и ритины и стáкти: идѣху же везуще во Егѳпетъ.

Рече же Іуда къ брати своей: какъ польза, áще оубіемъ врата нашего, и скроемъ кровъ егѳ; Градите, продадимъ его

Братья продають Іосифа въ неволю.

Ісмáилтáншмъ сѣмъ: рѣцѣ же наши да не вѣдѣтъ на нѣмъ, ꙗкѣ братъ нашъ, и плоть наша есть. послѣшаша же братѣмъ егѳ. И мимодóша чelовѣцы Мадіáмстѣи къпцы: и извлекóша и возведóша Іўсифа изъ рóва, и продáша Іўсифа Ісмáилтáншмъ на двáдeсáть златнѣцъ: и поведóша Іўсифа во Егѳпетъ. Возвратѣ же Рѣвѣмъ къ рóвѣ, и не оузрѣ Іўсифа въ рóвѣ: и растерзá

рѣзы своѣ. И прѣиде къ брати своей, и рече: Ѹтрочица нѣсть, áзъ же какъ идѣху къ тебѣ.

4. Іосифъ открывается братьямъ.

Кн. Бытѣ, гл. мѣ. á—ѳ. гѣ—ѳѣ, вѣ—кѣ.

И не можáше Іўсифъ оудержáтисѣ всѣмъ предстоáщимъ емѣ, но рече: ѡтослите всѣхъ ѿ менѣ: и не предстоáше ни еди́нъ Іўсифѣ, егдá познавáшесѣ брати своей. И испѣсти глáсъ съ плáчeмъ: слышаша же вси Егѳтáне, и слышано вѣсть въ домѣ Фараѳновѣ. Рече же Іўсифъ брати своей: áзъ есмь Іўсифъ: еще ли ѳцѣ мой живъ есть; и не могóша братѣмъ ѿвѣщати емѣ: смѣтишасѣ во. Рече же Іўсифъ брати своей: прѣблѣжитесѣ ко мѣ: и прѣблѣжишасѣ. И рече: áзъ есмь Іўсифъ, братъ вашъ, егóже продáсте во Егѳпетъ. Нѣ оубо не скорбите, ни же жѣстокѣ вамъ да тáвѣтсѣ, ꙗкѣ продáсте мѣ сѣмъ: на жизнь во послá мѣ Бѣгъ прѣдъ вами. Сѣ во вторóе лѣто глáдъ на землѣ, и еще пѣть лѣтъ ѡста, въ нѣхъ же не вѣдетъ ѡранѣа, ни жáтвы. Послá во мѣ Бѣгъ прѣдъ вами ѡстáвити вамъ ѡстáнокъ на землѣ, и прѣпитати вашъ ѡстáнокъ вѣлѣй. Нѣнѣ оубо не вы послáсте мѣ сѣмо, но Бѣгъ: и сотвори мѣ ꙗкѣ ѳцá Фараѳнѣ, и гдѣна всемѣ домѣ егѳ, и кнáзѣ все́й землѣ Егѳпетскѣй... Возвѣстите оубо ѳцѣ моему всю слáвѣ мою свѣщю во Егѳптѣ, и елѣка видите: и оускорѣвше, прѣведите ѳцá моего сѣмъ. И нападѣ на выю Веніáмина, врата своего, плáкасѣ надъ нѣмъ: и Веніáминъ плáкасѣ на выи егѳ. И ѡбловызáвъ всю братиую свою, плáкасѣ надъ нѣми: и по сѣхъ глаго-

лаша кз немѸ вратѣм ѿгв... И ѿпвстѣ вратѣю своѣю: и ѿидѡша. И речѣ ѿмз: не гнѣвайтесь на пѸтѣ. Изыдѡша же ѿз ѿгѸпта, и прѣидѡша въ зѣмлю Ханааню ко ІаковѸ, ѡцѸ своемѸ, и повѣдаша ѿмѸ, глаголюще: ѿкв снз твоѣй Іѡсифъ живз ѿсть, и снз владѣетъ надъ всею землѣю ѿгѸпетскою. И оужасѣсѧ въ мысли Іаковз: не вѣроваше во ѿмз. Глѡша же ѿмѸ всѧ речѣннаѧ ѡ Іѡсифѧ, ѿлика речѣ ѿмз: оузрѣвз же колесніцы, ѿже послѧ Іѡсифз, ѿже взѧти ѿгѡ, ѡживѣ двѸхъ Іаковѧ, ѡца ѿхъ. И речѣ Іаилъ: велико мнѣ ѿсть (сѣ), аще ѿще Іѡсифз, сынз мой, живз ѿсть: шѣдз оузрю ѿгѡ, прѣжде неже оумрѣти мнѣ.

Іосифъ открывається братьямъ.

II. Чтенія изъ Святаго Евангелія.

1. Рождество Господа нашего Иисуса Христа.

(ЛѸк. гл. ѵ, ст. а—д).

Изыде повелѣніе ѡ Кесарѧ Августѧ, написати всю вселеннѸю. Сѣ написаніе первое высть владѣицѸ ѿрѣію КѸрнію. И идѡхѸ вси написатисѧ, кождо во своѣ градѸ. Вызиде же и Іѡсифъ ѡ Галілен, ѿз града Назарѣта во ІѸдею, во градѸ Дѣдовз, ѿже нарицѣетсѧ Риѡлѣемз, занѣ выти ѿмѸ ѡ домѸ и ѡтѣчества Дѣдова, написатисѧ съ Марією ѡвѣрченною ѿмѸ женѡю, сѡщєю непраздною. Бысть же, ѿгда выша тамѸ, исполнишасѧ днѣ родити ѿй: и роди снѧ своего первенца, и повѣтъ ѿгѡ, и положи ѿгѡ въ ѿслехъ: занѣ не вѣ ѿмз мѣста во ѡвѣтели. И пѧстырѣ вѣхѸ въ тойже странѣ, вѣдѡще, и стрегѸще стражѸ нощнѸю ѡ стадѣ своемѸ. И сѣ Аггѡлъ Гдѣнь стѧ въ нѣхъ, и слава Гдѣнь ѡсѧ ѿхъ: и оубѡшасѧ страхѡмъ велимъ. И речѣ ѿмз Аггѡлз: не войтесѧ: сѣ во благовѣствѣю вамъ радость велию, аже вѣдетъ всемъ людемъ. Іаковъ родисѧ вамъ днѣсь Спасъ, ѿже ѿсть Хрѣтѡсъ Гдѣ, во градѣ Дѣдовѣ. И сѣ вамъ знаменіе: ѡвѣршите младенца повѣта лежѧща въ ѿслехъ. И внезапѸ высть со Аггѡломъ множество вѣи небесныхъ, хвалѣщихъ Бѣга, и глаголющихъ: Слава въ вышнихъ БѣгѸ, и на землѣи миръ, во чѣловѣцѣхъ благоволѣніе.

Тропарь Рождеству Христову.

Рѣтвѣ Твое, Хрѣте Бже нашъ, возсіа мiрови свѣтъ рѣзв-
ма: въ нѣмъ во звѣздамъ слѣжащiн, звѣздоу оучахуся. Тевѣ
кланатиса Слнцѣ прѣвды, и Тевѣ вѣдѣти съ высоты востѣка:
Гдi, слава Тевѣ.

Кондакъ праздника.

Два днѣсь пресвщественнаго рождѣтъ, и землѣ вертѣпъ не-
прислѣпному приноситъ, Аггли съ пѣстырми словослѣватъ, всл-
сви же со звѣздоу пѣтешествуютъ: насъ во радi родиса Отро-
ча млада, превѣчный Богъ.

2. Срѣтеніе Господа нашего Иисуса Христа.

(Лѣк. гл. ѳ, ст. кс—лв).

Бѣ члвкъ въ Иерусалимѣ, ѣмѣже йма Сѣмѣонъ: и члвкъ
сѣй праведенъ и влагочестивъ, члѣм оутѣхи Иилевы, и Дхъ въ
Сѣтъ въ нѣмъ. И въ ѣмѣ шѣщанно Дхѣмъ Сѣтымъ, не видѣти
смѣрти, прѣжде даже не видитъ Хрѣста Гднѣ. И прииде Дхѣмъ
въ цѣрковь: и ѣгда введѣста родитѣлѣмъ Отрочѣ Ииса, сотворити
йма по Сѣвычайю законномъ ш Нѣмъ, и той приѣмъ Сѣго на
рѣкъ своѣю, и влагословн Бѣга, и речѣ: Нынѣ шпѣщѣши рава
твоего, влѣко, по глаголѣ твоемъ, съ миромъ: ѣко видѣствъ Очи
мой спасѣніе твоѣ, ѣже ѣси оуготовалъ прѣд лицѣмъ всѣхъ лю-
дѣй: свѣтъ во шгкрѣвеніе пѣзыкшмъ, и слѣвлъ людѣй твоихъ
Иилѣ.

3. Крещеніе Господа нашего Иисуса Христа.

(Мѣр. гл. а, ст. ѳ—аі).

Прииде Иисъ ш Назарѣта Галілейскаго, и крѣтиса ш Иованна
во Иорданѣ. И ѣвѣ, восходѣ ш воды, видѣ разводѣшася нѣса,
и Дхѣ ѣакъ голѣва, сходѣша Нанѣ. И гласъ выствъ съ нѣсѣ:
Ты ѣси Сѣнъ мой возлюбленный, ш Нѣмѣже влаговоліхъ.

Тропарь Крещенію.

Во Иорданѣ крѣщающася Тевѣ, Гдi, Трѣческоѣ швѣсѣ по-
клонѣніе: Родитѣлѣмъ во гласъ свидѣльствоваше Тевѣ, возлю-
бленного Тѣ Сѣа именовѣ, и Дхъ, въ видѣ голѣвинѣ, извѣство-
ваше словесѣ оутвердѣніе, пѣвлѣсѣ Хрѣте Бже и мiръ просвѣ-
щѣй, слава Тевѣ.

4. Входъ Господень во Иерусалимъ.

(Матѣ. гл. ка, ст. а—аі).

ѣгда привлѣжшася во Иерѣлимъ, и принѣша въ Вифсагію
къ горѣ ѣлевнѣтѣй, тогда Иисъ послѣ два оученика, глаголѣ
йма: идѣта въ вѣсь, ѣже прѣмо вама: и ѣвѣ шѣврѣщѣта ѣслѣ
привѣзано, и жрѣвѣ съ нѣмъ: шрѣшнѣша привѣдѣта Шн. И
ѣще вама ктѣ речѣтъ чтѣ, речѣта: ѣакъ Гдѣ ѣю трѣвѣтъ:
ѣвѣ же послѣтъ ѣ... Шѣдша же оученика, и сотѣврша, ѣко-
же повѣлѣ йма Иисъ, привѣдѣста ѣслѣ и жрѣвѣ: и возложнша
верхъ ѣю рѣзы своѣ, и всѣде верхъ йхъ. Шнѣжайшн же на-
родн постилѣхъ рѣзы своѣ по пѣти: дрѣзн же рѣзахъ вѣтѣи
ш дрѣвѣ, и постилѣхъ по пѣти. Народн же прѣходѣщн ѣмѣ

и вслѣдствующи звѣхъ, глаголюще: Ѡсанна Снъ Дѣдовъ: благословѣнъ градъи во йма Гдѣне: Ѡсанна въ вышнихъ. И вшедшъ Ѡмъ во Йерлімъ, потрасѣсѧ весь градъ, глагола: кто есть сей; Народи же глаголахъ: сей есть Іисъ пророкъ, иже ѡ Назарета Галилейска.

5. Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа, или Святая Пасха.

(Матѡ. гл. ѳи, ст. а—т).

Въ вечеръ свѣвѣтнѣй, свитающи во єдинъ ѡ свѣвѣтъ, пріиде Маріа Магдаліна, и другѧ Маріа, видѣти гробъ. И сѣтрѣсѧ высть велій: Ангъ во Гдѣнь сшѣдъ съ нбсѣ, пристѣпль ѡвалѣи камень ѡ двѣри гроба, и сѣдѡше на немъ. Бѣ же зрѧкъ єгѡ ѧко молніа, и ѡдѣаніе єгѡ вѣло ѧкѡ снѣгъ. ѡ стрѣха же єгѡ сотраосѡшасѧ стрегѣщи, и выша ѧкѡ мѣртви. ѡвѣщавъ же Ангъ, рече женѧмъ: не войтесѧ въ, вѣмъ во, ѧкѡ Іиса распѧтого ищете. Нѣсть здѣ: востѧ во, ѧкоже рече: пріидите видите мѣсто, и дѣже лежѧ Гдѣ. И скорш шѣдшѧ рцыте оученикѡмъ єгѡ, ѧкѡ востѧ ѡ мѣртвыхъ: и сѣварѣтъ въ въ Галиен: тамо єго оўзрите, сѣ рѣхъ вамъ. И ишѣдшѧ скорш ѡ гроба со страхомъ и радостію велією, текобсть возвѣстити оучкѡмъ єгѡ. Єгда же иждѣтъ возвѣстити оученикѡмъ єгѡ, и сѣ Іисъ срѣте ѧ, глагола: радѡйтесѧ. ѡнѣ же пристѣпльшѣ ѧстѣсѧ за нѡзѣ єгѡ, и поклоністѣсѧ ємъ. Тогда глагола йма Іисъ: не войтесѧ: идите, возвѣстите брати моѣй, да иждѣтъ въ Галилею, и тѣ Мѧ видѧтъ.

Тропарь.

Хрѡтѡсъ воскрѣсе изъ мѣртвыхъ, смѣртію смѣрть поправъ: и сѣшымъ во гробѣхъ живѡтъ даровавъ.

Кондакъ.

Аще и во гробѣ снизшелъ єси, везсмѣртне, но ѡдовъ разрѣшилъ єси силъ, и воскрѣсѧ єси ѧкѡ повѣдѣтель, Хрѡте Бже, женѧмъ Мѣронѡсицамъ вѣщавый, радѡйтесѧ: и твоимъ Апломъ мѣрѡ дарѡмъ, падшимъ подѧмъ воскрѣсеніе.

6. Вознесеніе Господа нашего Иисуса Христа.

(Лѡк. гл. ѳд, ст. ѳ—нг).

Извѣдъ и хъ (Аплѡвъ Іисъ) вѡнъ до Виѡніи: и воздвигъ рѣцѣ свои, и благослови и хъ. И высть єгда благословѡше и хъ, ѡстѣпѣ ѡ нихъ, и возношѡшесѧ на небо. И тѣи поклонішасѧ ємъ, и возвратішасѧ во Йерѡсалимъ съ радостію великою: и вѡхъ вѣнъ въ цѣркѡи, хвалѡще и благословѡще Бга.

Тропарь Вознесенію.

Вознеслѧ єси во слѡвѣ, Хрѡтѣ, Бже нашѧ, радость сотворивый оученикѡмъ ѡвѣтованіемъ єтагѡ Дха, и звѣщеннымъ ймъ вѣвшимъ блѡгословеніемъ: ѧкѡ Ты єси Снъ Бжій, Извадѣтель мѣра.

7. Сошествіе Святаго Духа на апостоловъ.

(Лѡк. Изъ кн. Дѣан. Апост. гл. ѳ, ст. а—ѳі).

Єгда скончавѡшасѧ днѣ пѡтъдѣсѡтницы, вѣша вси Апли єдинодушнѡ вѣспѣ. И высть вnezапъ съ небесѣ шѡмъ, ѧкѡ носімъ дыханію вѣрнъ, и испѡлни весь дѡмъ, и дѣже вѡхъ сѣдѡше. И іавішасѧ ймъ раздѣленіи ѡзыцы ѧкѡ Ѣгненни, сѣде же на

единомъ коеждо ихъ. И исполнишася вси Дѣла Сѣа, и нача-
ша глаголати иными ѡзыки, такоже Дѣхъ даше имъ провѣща-
вати. И ѡхъ же во Иерусалимѣ живущии Иудеи мужие благого-
вѣйнии ѡ всегѡ ѡзыка, иже подъ невесѣмъ. Пившъ же гласъ
семъ, снидеся народъ, и смѣтѣсѣ: ѡко слышашъ единъ кийждо
ихъ своимъ ѡзыкамъ глаголющихъ ихъ. Дивляхусѣ же вси и
чудяхусѣ, глаголюще другъ ко другъ: не сѣ ли вси сии сѣтъ
глаголющи Галилѣане; И какъ мы слышимъ кийждо свой ѡзыкъ
нашъ, въ немже родихомсѣ... Оужасяхусѣ же вси и недоумѣ-
вахусѣ, другъ ко другъ глаголюще: что оубо хощетъ сѣ быти.

Тропарь Пятидесятницы.

Благословенъ еси, Хрѣте Бже нашъ, Иже премудры ловцыи
павлей, ниспославъ имъ Дѣа Сѣаго, и тѣми оуловлей вселеннью.
Человѣколюбче, слава Тебѣ.

III. Заповѣди и Символь вѣры.

1. Десять заповѣдей.

а. Язъ есмь Гдѣ Бгъ твой: да не вѣдуть тебѣ бози инии
развѣ Шенѣ.

б. Не сотвори себѣ кумира, и всѣкаго подобіа, елика на
невесѣ горѣ, и елика на землѣ низѣ, и елика въ водахъ подъ
землею: да не поклонишисѣ имъ, ни послужиши имъ.

г. Не пріемли имене Гдѣа Бгѣа твоегѡ все.

д. Помни день сѣбѣвѣтннй, еже святити егѡ: шесть днѣй
дѣлай, и сотвориши въ нихъ всѣ дѣла твоѣ, въ день же сед-
мый сѣбѣвѣта Гдѣа Бгѣа твоемъ.

е. Чти ѡтца твоегѡ и матеръ твою, да благо ти вѣдетъ, и
да долготенъ вѣдеша на землѣ.

с. Не оубий.

з. Не прелюбы сотвори.

и. Не оукради.

с. Не послѣшествоуй на друга твоегѡ свидѣтельства лѣжна.

т. Не пожелай жены искреннаго твоегѡ, не пожелай домъ
вѣжнаго твоегѡ, ни селѣ егѡ, ни раба егѡ, ни рабыни егѡ,
ни волѣ егѡ, ни ѡсла егѡ, ни всѣкаго скота егѡ, ни всегѡ
елика сѣтъ вѣжнаго твоегѡ.

2. Символь вѣры.

Вѣрую во единого Бгѣа ѡца Вседержителя, Творца небъ и
земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого Гдѣа
Ииса Хрѣта, Сѣна Бжѣа, единороднаго, иже ѡ ѡца рожденнаго
прежде всѣхъ вѣкъ: свѣта ѡ свѣта, Бгѣа истинна ѡ Бгѣа истинна,
рожденна, несотворенна, единосѣчна ѡца, имже всѣ выша. Насъ
ради человекъ и нашего ради спасеніа сшедшаго съ небъ, и
воплотѣвшасѣ ѡ Дѣа Сѣа, и Мариѣ Дѣвы, и вочеловѣчшасѣ.
Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша,
и погребена. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И
возшедшаго на небѣ, и сѣдѣща ѡдеснѣю ѡца. И паки грядѣ.

шаго со славою сдѣлѣти живымъ и мѣртвымъ, ѣгѡже царствію не вѣдетъ конца. И въ Дѣхѣ Сѣаго, Гдѣ животворѣщаго, иже ѡ Сѣцѣа иѡсходѣщаго, иже со Сѣцѣамъ и Сѣномъ спокланѣема и сславима, глаголаваша прѣрѡки. Но единѡ стѣю, собѡрнѡю и апѡтольскѡю црѣковѣ. Исповѣдѡю ѣдино крещѣніе во ѡставленіе грѣхѡвъ. Чаю воскресѣніа мѣртвыхъ: И жизни вѣдѣщаго вѣка. Аминь.

3. Молитва за Царя и Отечество.

Спаси, Гдѣи, люди Твоѣ, и благослови достоѣніе Твоѣ, повѣды Блговѣрномѡ Имперѣторѡ нашемѡ Николѣю Александровичѡ на сопротивнымъ дѣрѡмъ, и Твоѣ сохрѣнанѣмъ Крѣтѣмъ Твоимъ житѣльство.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ГОДА. РОДНОГО СЛОВА *)

ОТДѢЛЪ I.		Стр.
Вокругъ да около.		
Въ школѣ и дома.		
Въ школѣ	1	Какъ строить домъ 11
Дѣтскіе очки	2	Наша семья 12
Пѣтухъ и жемчужное зерно (Крылова) 3		Пятая заповѣдь 13
Приглашеніе въ школу	—	Мать и дѣти (съ новогр. Майкова). —
Утренніе лучи (перев. съ нѣм.)	—	При солнышкѣ тепло, при матери добро 14
Всякой вещи свое мѣсто	4	Лѣкарство —
Классная доска	5	Колыбельная пѣсня (съ новогреч. Майкова) 15
Грифельная доска	—	Родимому (народн.) —
Худо тому, кто добране дѣлаетъ никому —		Дѣдушка (изъ Гримма) —
Нашъ классъ	6	Пища и питье 16
Планъ класса	—	Хлѣбъ 17
Кончилъ дѣло—гуляй смѣло (перев. съ нѣм. Л. М.)	7	Вода 18
Дома	8	Мельница (Никитина) —
Каковъ нашъ домъ	9	Одежда 19
Планъ домъ	—	Какъ рубашка въ полѣ выросла . 20
Изба (Огарева)	10	Сиротка Ваня 22
Внутренность избы (Мел)	—	Столъ и стулъ 23
Сила не право	—	Посуда —
		Горшокъ котлу не товарищъ . . . 25
		Какъ аукнется, такъ и откликнется (народн.) —
		Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка (народн.) 26

*) Всѣ неподписанныя въ оглавленіи статьи принадлежать составителю, который покорнѣе проситъ не перепечатывать ихъ въ изда ія, вмѣющія одно назначеніе въ „Роднымъ Словомъ“. Народныя сказки также всѣ передѣланы составителемъ.

Домовыя животныя.		Стр.	
Башка	29	Капустная бабочка 55	
Прилежная собака	30	Садь 56	
Охота (перев. съ нѣм.)	—	Садь (народн. пѣсня) 57	
Васька	31	Какія бываютъ растенія —	
Ученый котъ (Пушкина)	32	Пѣсенки цвѣтовъ (перед. изъ журн. 1-жи Пчельниковой) 58	
Двѣ мышки	33	Роза —	
Мышки	—	Не красиво, да спасибо 59	
На мышку и кошка звѣрь (Крылова)	34	Тюльпанъ —	
Не все то золото, что блеститъ (Хем-нишера)	—	Съ кѣмъ поведешься, отъ того и набе-решься (Дмитріевъ) —	
Заднимъ умомъ крѣпокъ (перев. съ нѣм.)	35	Исторія одной яблоньки 60	
Птичка (Туманскаго)	—	Божія коровка 62	
Плутиска котъ (народн.)	—	Мотылекъ 63	
Конюшня, скотный дворъ и птичникъ.		Воронъ и сорока 64	
Лошадка	38	Ласточка —	
Конь (народн.)	39	Планъ двора 65	
Печальный конь (Пушкина)	40	Не плуй въ колодець—пригодится воды напиться (нар. сказка) —	
Коровка	—	На улицѣ и на дорогѣ.	
Споръ животныхъ (перев. съ нѣм.)	41	Приглашеніе на улицу (нар. пѣсня) 69	
Бозель	—	Наша улица 70	
Лиса и козелъ (перев. съ нѣм.)	42	Двѣ бочки (Крылова) —	
Овца (перев. съ нѣм.)	43	Булочникъ 71	
Ягненокъ въ волчьей шкурѣ (Крылова)	—	Какъ Митѣ сшили сюртукъ 72	
Хавронья	44	Сапожникъ —	
Нѣтушокъ съ семьей	45	Въ дорогѣ (Пушкина) 73	
Уточка	—	Тише ѣдешь, дальше будешь 74	
Бѣлая лебедушка и сѣрые гуси (народ.)	46	Куй желѣзо, пока горячо —	
Гуси	—	Какъ человѣкъ ѣздитъ по землѣ 75	
Гуси и журавль (перев. съ нѣм.)	47	Шоссе и проселокъ (Аксакова) 77	
Голуби	48	Обозъ (Хемнишера) 78	
Не сѣйся чужой бѣдѣ, своя на грядѣ (Крылова)	—	Какъ ѣздить безъ лошадей —	
Сивка-бурка (народн. сказка)	—	Чугунка (изъ азбуки 1-жи Вельтманъ) 79	
Огородъ и садъ.		Какъ человѣкъ ѣздитъ по водѣ 80	
Огородъ	54	Корабль (Пушкина) 81	
Мужикъ и медвѣдь (народн. сказка)	55	По водѣ на колесахъ —	
		Какъ летаютъ люди по воздуху 82	
		Село и деревня 83	

		Стр.	Стр.
Новоселовка и Михайловка (народн. пѣсня)	83	Страстной четвергъ	108
Городъ	84	Страстная пятница	—
Чудный работникъ (изъ азб. 1-жи Вельтманъ)	85	Страстная суббота	109
Ярмарка (Никитина)	86	Свѣтлое воскресенье	111
Зимнее утро въ столицѣ (Пушкина)	—	Христосъ воскресъ!	113
Зимъ и цыганъ (народн. сказка)	87	Пчелка (Пушкина)	—
		Ласточка (Плещеева)	—
		Радоница	113
		Пѣсня пахаря (Колымова)	—
		Орелъ и ворона (народн.)	114
		Весеннее утро пахаря (изъ Бориса, перев. Михайлова)	115
		Пахарь и цвѣтокъ (тоже)	—
		Орелъ и кошка	116
		Вечерняя заря весною (Л. М.)	117
		Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой	—
		Поле и школа	119
		Посѣвъ льна (народн. пѣсня)	120
		Обезьяна (Крылова)	121
		Май (изъ Гейне, перев. Михайлова)	—
		Троицынъ день	—
		Весенняя гроза (Тютчева)	122
		Майское утро (Альбинскаго)	123

ОТДѢЛЪ II.

Времена года.

Зима.

Что сдѣлала зима (Баратынскаго)	91
Проказы старухи зимы (перев. съ нѣм.)	—
Маленькій мужичокъ (Некрасова)	94
Зайка (Берга)	—
Двадцать третья декабрь	95
Двадцать четвертое декабрь	—
Метель (Берга)	96
Коляда подъ Рождество (народн.)	97
Двадцать пятое декабрь	98
Зимній вечеръ (Пушкина)	99
Зимнее утро (Елю-же)	—
Коляда на Новый годъ (народн.)	—
Первое января	—
Дивная щука (подблюдная пѣсня)	100
Русскому царству слава! (Тоже)	101
Шестое января	—
Крещенскій вечеръ (Жуковскаго)	102
Второе февраля	103

Весна

Ожиданіе весны	103
Чистый поведѣльникъ	104
Вербное воскресенье	105
Выставляется первая рама (Майкова)	106
Призывъ весны (народн.)	—
Страстной поведѣльникъ	—
Весеннія воды (Тютчева)	107

Лѣто.

Лѣтомъ	123
Ивановскій ѣрвячокъ	124
Двадцать девятое іюня	125
На лугу лѣтомъ	—
Стнокошь (Майкова)	127
Пѣсня косаря (Колымова)	—
Рыбка (Л. М.)	128
Ивушка (народн. пѣсня)	—
Ворона и ракъ (съ малороссійск.)	129
Левъ и лягушка (Езона)	—
Лягушка и волъ (Крылова)	—
Волчьи слезы (Лессинга)	130
Лѣтнее утро	—
Путешествіе воды	131
Крестьянинъ и рѣка (Крылова)	134

	Стр.
Гуси и журавли (<i>Езона</i>)	134
На полях лѣтомъ	—
Нива (<i>Юліи Жадовской</i>)	136
Орелъ	—
Соколы въ кѣтвѣхъ (<i>народн.</i>)	137
Засуха	—
Пища растений	138
Урожай (<i>Колцова</i>)	139
Кто деретъ носъ кверху (<i>съ малорос.</i>)	—
Новый хлѣбъ	—
Обработка поля (<i>Некрасова</i>)	140
Въ лѣсу лѣтомъ	141
Споръ деревьевъ (<i>перев. съ нѣмц.</i>)	142
Чудная бѣлка (<i>Пушкина</i>)	143
Жалобы зайки	144
Лиса Патрикѣевна	145
Ученый медвѣдь	146
Неладно скроенъ, да крѣпко шить	147
Дятель	148
Кукушечка	149
Эхо (<i>Пушкина</i>)	—
Шестое августа	—
Муха	150

Осень.

Примѣты осени (<i>Грекова</i>)	151
Мивгирь (<i>народн.</i>)	152
Изъ огня да въ полымя (<i>съ нѣмц.</i>)	153
Полевая мышка (<i>изъ Борнеа, пер. Михайлова</i>)	—
Первое октябрь	154
Несжатая полоса (<i>Некрасова</i>)	—
Осень (<i>Фета</i>)	155
Въ ноябрѣ	—
Волшебница зима (<i>Пушкина</i>)	156

ОТДѢЛЪ III.

Образцы упражненій

во внимательномъ чтеніи и правильномъ письмѣ, подготовляющихъ практически къ изученію грамматики . . . 157—164

Церковно-славянское чтеніе.

1. Церковно-славянская азбука въ сравненіи съ русской 165
2. Слова подъ титлами 167
3. Церковно-славянскія числа 168
4. Численное значеніе церковно-славянскихъ буквъ по порядку . 169

I. Чтенія изъ книгъ Вѣтхаго Завета.

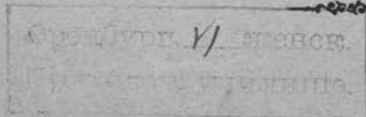
1. Сотвореніе міра 170
2. Всемирный потопъ 173
3. Продажа Іосифа братьями 176
4. Іосифъ открывается братьямъ . . 179

II. Чтенія изъ Святаго Евангелія.

1. Рождество Господа нашего Іисуса Христа 181
2. Стрѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа 182
3. Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа 183
4. Входъ Господень во Іерусалимъ . —
5. Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, или Святая Пасха . 184
6. Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа 185
7. Сошествіе Святаго духа на апостоловъ —

III Заповѣди и символъ вѣры.

1. Десять заповѣдей 186
2. Символъ вѣры 1
3. Молитва за Царя и Отечество .

1. Родное Слово. Годъ первый: азбука и первая азбука въ азбуки книга для чтенія. (Для дѣтей отъ 6 до 8 лѣтъ) Ц. 30 к.
2. Родное Слово. Годъ второй. (Для дѣтей отъ 8 до 9 лѣтъ). Ц. 35 к.
3. Родное Слово. Годъ третій: отдѣлъ грамматическій. (Для дѣтей отъ 9 до 11 л.). Ц. 40 к.
4. Руководство въ преподаванію по „Родному Слову“, ч. 1-я — приложение къ первымъ 2-мъ годамъ „Родн. Слова“ Ц. 30 к.
5. Руководство въ преподаванію по „Родному Слову“, ч. 2-я—приложение къ третьему году „Родн. Слова“ Ц. 40 к.
6. Дѣтскій Мірѣ и Хрестоматія, ч. 1-я. (Для дѣтей отъ 11 до 12 лѣтъ). Ц. 50 к.
7. Дѣтскій Мірѣ и Хрестоматія, ч. 2-я. (Для дѣтей отъ 12 до 13 лѣтъ). Ц. 60 к.
8. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологии. Томъ 1-й Ц. 2 р. 50 к.
9. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологии. Томъ 2-й Ц. 2 р.
10. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, издавна сокращенное подъ редакціей К. Б. Семтъ-Иллара и Д. Н. Модзалевскаго. Ц. 2 р. 50 к.
11. Собраніе педагогическихъ сочиненій. Ц. 1 р. 50 к.
12. Трудъ, въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи Ц. 10 к.
13. О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи. Ц. 15 к.
14. О пользѣ педагогической литературы Ц. 10 к.

Памяти К. Д. Ушинскаго. По случаю 25-ти лѣтій со дня кончины К. Д. Ушинскаго (21 декабря 1870 г.—21 декабря 1895 г.). Ц. 50 к.
Весь сборъ съ изданія уступаетъ на сельскія читальни.

Складъ этихъ книгъ: Можайская, д. № 6, в. 1. Изгороднихъ просить обратиться къ Николаю Павловичу Эрль, Спб., Большая Мастерская, д. 11.

При продажѣ дѣлается противъ номинальной цѣны слѣдующая уступка на „Родное Слово“, „Руководство въ преподаванію по Родному Слову“ „Дѣтскій Мірѣ“ 30%; на прочія сочиненія уступается 25%.

Значительный складъ этихъ изданій находится у книгопродавцевъ: Бр. Башмаковыхъ, Глазунова, Карвасникова, Тязова, Иванъ Яндина и Луковникова—въ С.-П.-бургѣ; у наследств. бр. Салаевыхъ А. Д. Ступина, К. И. Тихомярова и въ конторѣ „Сотрудникъ школь“ А. К. Залѣсской—въ Москвѣ; П. И. Макушина—въ Москвѣ и Иркутскѣ; А. А. Дувровина и Бр. Башмаковыхъ—въ Казани; О. П. Петровской—въ Перми; А. Г. Суркина—въ Вильнѣ, въ Центральной книжной торговлѣ—въ Тифлисѣ; А. С. Александрова—въ Москвѣ; Е. П. Распопова—въ Одессѣ; въ книжномъ складѣ губернскаго земства—въ Саратовѣ; Росова и Югансона—въ Киевѣ; Бекенева—въ Астраханѣ; Шлеесманн—въ Екатеринославѣ; Югансона и Михайлова—въ Харьковѣ; П. В. Афанасьевой—въ Новочеркасскѣ, и вообще въ всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.